
Игорь ШУМЕЙКО

НЕКОНТАКТНЫЕ ПЛЕМЕНА*

Роман

1

Прощально-объяснительной записки не было ни в прихожей, ни в коридоре. Комод в гостиной — нет, спальня... Все горизонтальные поверхности, пригодные для листка бумаги, пусты. Он переходил, нервно щелкал выключателями, резко оборачивался, дергал головой, будто его бил Человек-Невидимка.

Телефонный спор она оборвала: «Я все написала. Придешь — прочтешь». В кабинете больно шлепнул безвинную кнопку, убедился: пусто, погасил свет. Лишь ноутбук на столе мигал зеленым глазом. Ах, ну да! Вернулся, поднял крышку — в комнату плеснуло голубоватым сиянием. Присев на подлокотник кресла, пробежал вордовские строки двадцатого шрифта: «...твой пафос, надутые щеки — маска, маскхалат. Что прятать, сам знаешь: ты, Гена, — аб-со-лютный бездарь! Больше не терплю твою, даже заразную бездарность. Ухожу от тебя...»

— Уходит. От меня заразной бездари. К... Наверно, не меньше, как к самому Бобу Циммерману-Дилану. И так всё... Чья бы корова пафосно мычала.

Подсознательная автопсихотерапия переводила поток гневных мыслей в речевые волны, давала выговориться вслух, громко, только что не укладывая на психоаналитическую кушетку.

— А! тут еще страница! — Стукнул по кнопке.

«...Ты надут чужими перегарами и отрыжками, потому и щеки вечно пухлы: маленький шарик, можно налить воды, детской забавой бросить с балкона. Или надуть. Я вычислила твою счастливую звезду, имя ей — Халява! Обманул все тесты, экзамены, влез в не свою жизнь. Дошло до денежных попреков — так я сейчас торжественно плюю. На тебя, твой университет, кормящий, как ты сказал, мои дурацкие проекты. На все-все-все!»

— Дались ей мои щеки! — Геннадий тронул инстинктивным жестом: не забыл побриться? Похоже, эта деталь облика уже затрагивалась в моменты ссор.

Дочитав файл щедрых оскорблений, пригляделся. Заметил на экране, в правом нижнем углу, где на договорах ставят печать, тусклое облачко. Бывшая лужица и от нее маленький сталактит высохшего потека вниз, к служебной строке, к компьютерным значкам.

Игорь Николаевич Шумейко родился в 1957 году. Писатель, поэт, сценарист, лауреат нескольких премий, в том числе петербургских: «Александр Невский» (2012) и «Лучшая публикация журнала „Нева“» (2013). Роман «Вещество веры» («Нева», 2013, № 9), финалист премии «Независимой газеты» — «Нонконформизм-2014». Живет в Москве.

* Журнальный вариант.

— И правда плюнула!

Еще раз оглядел послание: жирношрифтовая колонка и это высохшее облачко.

— Так-так. Но плюнув... не закрыла ноутбук сразу, судя по направлению длинного потока вниз.

Невольно подтверждая диагноз ушедшей жены о не-своей-жизни, он машинально подхватил еще одну роль. Оплеванный Шерлок Холмс продолжал вслух, полуобернувшись, словно к покорно кивающему доктору:

— Примерно минуту она сидела у открытого экрана. Крышку захлопнула потом...

Жена презирала его манеру объяснять вслух каждый шаг: будто везде скрытые камеры, пишут тебя со звуком, а ты, зная про слезку, не то что разбить — тронуть их боишься: «Проверяют, значит, надо». Заискиваешь, все объясняешь — *им!*

— Такую подобрала версию. Вслух все объясняю. Привычка-то по происхождению самая невинная: сотни прочитанных лекций, данных интервью. А экспедиции, месяцы по джунглям, с иностранцами? Все обговаривай, повторяй! Профессиональный недуг, все равно что шахтера ругать за черные плевки...

Осекая на многозначном сегодня слове: «Вот даже из-за кадра управляет, манипуляторша. Подстраивает». Пошел на кухню, снял с полки графин, повертел, ловя луч люстры, хрустальный стакан и с вызовом вслух ехидно прокомментировал: «Пора, Гена, уходить в запой...»

Утро отмерило секунды сладкой прострации: «Рассвет в незнакомой стране». И вновь загромычала собачья цепь документальных фактов: ссора-развод, университет-конференция. Гийом прилетит на день раньше, то есть... сегодня!

Все перезагрузилось, восстановилось. К непонятно «мистическому» можно было причислить лишь исчезновение левого ботинка и вчерашней электронно-прощальной записки — файла бурных попреков. Еще раз пересмотрел все экраны: пусто. Сам стереть не мог. Манипуляции, контроль содержимого его ноутбука «извне, кураторами» он не исключал: оборотная сторона международных контактов, его Работы, его Уровня.

Ее бесило такое «толстовское непротивленчество», а он не видел ничего унижительного: обыденно, как получение загранпаспорта на выезд...

Но странно, исчезновение прощального файла словесных пощечин огорчило, словно потеря любовной записки школьной поры. Стало жаль утекших куда-то жидких кристаллов, вчера сливавшихся на экране в цепочки таких лихих оскорблений.

— Видно, нам дороги любые сильные чувства, независимо от знака, — снова вслух, подражая изрекателям психотерапевтических банальностей.

Единственным подтверждением невыдуманности, реальности прощальной записки жены остался лишь плевков, засохшие потеки. Наползшие на служебные значки экрана сталактиты оказались сильнее команды delete, поданной откуда бы то ни было.

Семь лет назад жена уходила, но не так. А вчера объявила о «финальном разрыве» в спешном интервью «Московскому репортеру». Те мигом выложили на сайт и к семи вечера уже собрали урожай кликов и комментариев. В основном оправдывали известную галеристку-акционистку, смаковали ее «сохранившуюся красоту», ехидствовали в адрес зануды ректора, «мечтавшего прислониться к зоопарку» (Минприроды располагалось на Большой Грузинской, напротив зоопарка, а Геннадий Ремизов якобы метил в замминистры). Месть двадцать первого века: выудить весть об уходе жены в новостной строке программы — агрегатора сплетен. И это буквально за день до международной конференции, организуемой его университетом. Разговор был краток, подробности обещала в записке, и вот тебе. Хотя главную причину он вычислял и без этих театральных проклятий.

2

Дачный забор протянут по убогой моде нового десятилетия: взгляд хозяйки упирался в глухой, металлический профиль четырехметровой высоты.

«Промзона. Или мы становимся восточной страной? И сей европрофиль, или евросайдинг, несмотря на прищепку „евро“, и даже инговый суффикс: лишь старый среднеазиатский *дувал*, глухая стена, за которой без чадры семят жены лоснящегося бая? Или это Артемыч рассчитал высоту, чтоб не могли прицелиться: решил, что карьерно он дорос до покушения? Или еще дорастет, тогда это — весьма-а „на вырост“».

— Лизань! Я список вещей набросала, забираемых. Сорок семь вышло. Но это — всего, и с моей аппаратурой.

— Хорошо. А съезжаем мы точно послезавтра?

Посреди просторной залы росли баррикады коробок. Эффектная дама с листком и фломастером в руках, наклонялась, читала слова и цифры на крышках, сверяла с листком и носком бархатного тапка толкала картонные артикулы: одни — к дивану, другие — к телевизору.

Коробки летели по паркету, девушка в джинсах и футболке послушно хватала, громя этажами. Дочь, хоть и умещала на мордашке две-три черты сходства: прямой нос, капризную нижнюю губу, красавицей, увы, не была. Слово мать недодала своих красок: ярко-оливковый тон лица, кудри как надраенная медь — до дочери дошли словно через цветофильтры. Бледная кожа, светло-рыжие «тициановские» локоны, в общем-то, в канонах ренессансной красоты, «но где теперь тот Тициан!»

— Или послезавтра. Лиз, составь список своих вещей-шмоток. Надо уложиться в один заход. Появится Артемыч — разговор с ним не заводить.

— Слушаюсь. Я Егора попрошу. Таскать тут — наберется!

— Егор — это диджей твой?

— Не, диджей — Ренатик. Ударение, ма, лучше ставить на *И*: диджей. Но если скажешь, могу позвать Ренатика.

— Нет, Лизань, мне вовсе не обязательно, чтоб мои вещи носил именно диджей... Мое тщеславие еще не доросло до... дискотекарей.

С оттяжкой хорошего шлепка проговорила подвернувшуюся насмешливую форму.

— Ренат диджеем подрабатывает, а у нас в группе он гитарист и композер, три таких сета выдал! Представь, по Грибоедову, прямо по «Горю от ума»!

— А-а, ты говорила, спектакль ваш?

— Фу, сразу наф-наф-талином запахло! Не спектакль — сет! Панк-рок и полное переформатирование классики.

— Сет... что за теннисная мода?

Дождавшись выраженного интереса, Лиза пританцовывая протянула матери смартфон, заглядывая сбоку и елозя указательным пальцем по экрану, вызвала картинку.

— Только не пугайся, ма, это реально панк-опера...

— Кого улещаешь, подлиза! Да я еще помню «Секс Пистол» и «Клэш» на виниле.

— Ты? Правда, Пистолсов? Что, и ирокез себе делала?!

Видя восторг дочери («Мама-то — в теме!»), Елена мысленно поблагодарила буйную всеядность своей молодости: «Вот и панк-рок пригодился. Эх она залипла!»

— Ирокез? Нет, конечно. Но мы слушали, дышали этим, другим, третьим — жадно. Эпоха была: мы лезли во все щели. А ирокезы, запомни, не делают, ирокезы «ставят»! Так что, моя ванильная бэйби, два — ноль. Проигрываешь. А ваши панк...

Дочь, не отвечая, стараясь улыбаться загадочно, фокусными пассажами по стеклу вывела картинку на полный звук и движение.

В глубине сцены ударник, склонясь, высекал дробь, по бокам двумя черными столбами гитарист и басист, напряженно улыбаясь, чиркали по струнам. Под грязно-сырой, но, как положено, энергичный панк-скрежет вытанцовывали четыре девицы: глаза, губы подведены черным, вторая слева — ее дочь. Черные мини, сетчатые дырявые колготки, одинаковые короткие кожаные куртки расстегнуты. Пригляделась. Мелькавшие соски подтверждали: униформа у всех — на голое тело, белье ликвидировано как класс. Грубо, по-панковски растягивая окончания строк, они заводили небольшой зал, дружно в такт голосовавший затылками. На очередном вираже дочь ритмично перекричала соседок:

— *Отряд не заметил потерю бойца. Боец не заметил потерю яйца.*

Отстукивая правой ногой ритм и повторяя сценические пируэты, она отвела смартфон:

— Ну как, ма?

— Бл... блеск-блеск! Два — один! А Грибоедов при чем?

— При том. Этот кусок — продолжение рассказа генерала Зубоскала.

— Скалозуба?

— Мы его повысили в звании и развернули. У Егора он главный герой оперы...

— А, это как сейчас... сиквел? «Горе от ума-два»?

— Никаких ссс-сыквелов, никаких «два»! — дочь возвысила тон. (И кто в молодости согласится, что они «делают, как все»?) — У нас «Горе» — от того, что раньше считали «умом»!

И далее, интонационно планируя с высот к маме:

— Но есть и по тексту Грибоеда, один в один. А наши вставки — актуаль! Еще покажу, сейчас только времени — йок, лечу, ма.

— А Егор — это...

Дочь полуотвернулась, как банковские девицы, что изящно потупляют взор при наборе клиентом пин-кода: «Я не рассказывала?! Ну виноват-та. Егор — четверокурсник. Из университета Артемыча, — чуть потупилась, — но это почти совпадение!»

Красивые, «соболиные» брови мамы взлетели, обозначая легкое недоверие. Или, скорее, взлетели крыльями какого-то орла. Высоко парили четверть минуты, сложились, опустившись к пронизательно поблескивающим карим глазам, тоже набравшим в прессе немало высокопарных сравнений... Ирония, недоверие к дочкиному «совпадению» были успешно выражены. А Лиза продолжала пританцовывать под панк-мотивчик.

— Лизань, и по твоим вещам, одежде, обуви...

— Не волнуйся, все уложу вмиг.

— Как раз и волнуясь, что вмиг! Одеваться ты стала, как...

— ...Как нищевродка? Как бомжиха? Как — не дочь ректора университета и модной галеристки?

— Нет, мы тоже, бывало... хипповали. У меня джинсики, кеды были — ого! Но при этом в гардеробчике на вешалках о-го-го! И в ресторан, и в театр. Я в «Зеленом кресле», студии нашей, была лучше всех... одета.

— Помню-помню. Студия, где ты с Артемычем познакомилась.

— Не только с ним. Ты не крути хвостом, не юли, я давно спростить собиралась: сей одежный нигилизм — к чему? И без косметики. И без белья тоже...

Шагнув, она быстро вздернула дочкину жилетку с футболкой: ничего.

— Я же из Мюнхена тебе привозила. Но что за... толстовство какое-то. С босыми грудями!

— Ма, как всегда, вся в блесках остроумия. Надо запомнить: босые груди, толстовство... Я просто снижаю зависимость от вещей.

- Борьба с вещизмом, мещанством? Комсомола на вас нет уж вроде...
- Не только вещизм-косметизм. Вообще все материальные приманки болтаются перед глазами — морковка перед осликом!
- Лиз, а... театр, где эти панк-сеты играет, не секта какая?
- Не-е! Религии — такие же морковки...
- И религии — «вещизм»? — уловив нотки заученности, обрывки чьих-то манифестов, иронически перебила дочку.
- И религии. Только вместо модных шляпок — нимбы. Аvek плезир! Новая коллекция из Византии, из Ватикана... Не, ма, по пункту сектантов можешь быть спокойна.
- Тогда, Лизань, зачитай список пунктов, по которым я могу быть беспокойна, — и мать потрясла своим листком-списком.
- Не, у меня не такой длинный. Так, пара строк. Как любовная записка семиклассницы.
- Что мелешь сегодня, что мелешь?! И я-то хороша... Вот, пожалуйста, каталоги Хельги Свердловой забыла уложить! Тебе не попадались? Пестрая такая пачка, перетянута... да, перетянута розовой ленточкой от торта... а почему семиклассницы?
- Потому, ваше величество, что первую такую записку я написала именно в седьмом. Помню, что — Тане. Я сначала влюблялась только в девочек и помню: именно три строчки было. Это моя реальная мера сравнения. Человек ведь — мера всего, и всех, и вся.
- Хорошо, но три-то строки моих возможных беспокойств изволь зачитать. А то я так разволнуюсь, что и про развод забуду, и, представь, Лизань, завалюсь сегодня к Артемычу как ни в чем не бывало и в чем мать родила! А он и рад будет.
- Это была часть их постоянной игры: капризная королева-мать и преданная юная фрейлина. Но дочь, не меняя веселого тона, предложила другой поворот — придворный бунт:
- Нет, ваше величество. Эти строки навсегда останутся моей маленькой тайной!
- И отфутболила собранную коробку в сторону матери.
- Ой, осторожней, тут «Никон»! Ну, Лизань, мы ж с тобой одни. Вдвоем против всего мира. Дуумвират. Неужели не расскажешь? Я прикажу тебя пыта-ать!
- Ну хорошо, ваш-вел-ство. Один пункт раскрою. — Дочь распрямилась, приняла торжественно-судебную позу, клятвенно положила руку на стопку коробок. — Я решила поддержать в нашем дуумвирате процент замужности. Ты разводишься с Артемычем — я выхожу замуж... Уфф, ну не пугайся так, не прямо ж день в день. Но в течение месяца, может, выйду. А второй пункт раскрыть не могу — связана серьезными обязательствами, строгой недвусмысленной присягой.
- Ну ладно, Лизань, хватит о пустяках. А почему ты говорила про Ренатика, что ударение лучше ставить именно на диджей?!
- Потому что. Адекватно времени, ваш-вел-ство. Ну я побежала, а то у «Ермолино» такие пробки!
- Клацанье двери, легкое урчание «ниссана», громыханье ворот, опять разгоняющийся движок.

«И за что мне при моей пропащей жизни такая отрада? И если б только послушная — так она вся ко мне повернута, чуткой струной. Еще и смешить успевает. Эх, ей бы чуть-чуть краски больше на лицо. Очень уж бледненькая, бровки бы, глазки сделать. Косметику бойкотируют. А гордячка! Как застеснялась знакомства в папином университете. И я-то. Заболталась, прямо как Артемыч».

Она поймала себя на том, что почти весь внутренний монолог произнесла вслух, по его дурацкой, осмеянной вчера и оплеванной привычке. Вдобавок в этом пассаже

кокетливо фальшивила одна нота — «пропащая» о своей жизни. Или это простительно для женщины, вчера ставшей на распутье своей судьбы — ушедшей «от такого мужа»?! От... состоятельного, почти европейски известного, удачливого, неглупого. Заразной бездарью в прощальном файле назвала его сгоряча, сравнивая с другим, хорошо ему известным человеком.

И от этого сравнения Геннадия Артемовичу было не уйти все двадцать девять лет совместной жизни. Но и то бы ладно, так в прошлый, семилетней давности, кризис она объявила, что и дочь Лиза — не его, а того самого человека. Это при Лизе, громко, вслух, так, что дочь почти официально переходила в статус падчерицы. Вот уж кому бы выдать орден на всю грудь: «За морально-психическую стойкость» первой степени.

Где-то лет с десяти Лиза, подхватив у мамы, стала звать его «Артемыч», даже обращаясь к нему при посторонних, считавших это семейной шуткой, а их, соответственно, «веселой, дружной семьей».

«И пора заканчивать эту долгую игру в „королеву-свиту“. Фрейлин, подходит момент, выдают замуж. И... для панк-рока моя бедняжка уже чуть-чуть старовата».

Маленькой ошибкой была лишь оценка дочери: «гордячка, застенялась кавалера из папиного университета». Лиза просто хотела скорей спрыгнуть с этой темы, чтоб расспросы не пошли далее: откуда такие знакомства, такие кандидаты в перевозчики багажа? Пока она «королеву-мать» не обманывала, но если б вдруг выяснилось, что и диджей Ренатик тоже из ММУЭФ, нарисовалась бы громоздкая «тенденция», начались бы расспросы, и врать все же пришлось бы. ММУЭФ и был мелькнувший в разговоре «университет Артемыча»: Московский международный университет экологии и филологии. Геннадий Артемович Ремизов — ректор со дня основания.

Лиза представляла: все объяснять — ужасно долго, а с учетом некоторых данных ею конспиративных клятв и невозможно. Въехав в тягучую утреннюю ермолинскую пробку, она включила смартфон. Еще одна прихоть «королевы-матери»: не терпит, чтобы совместные их минуты прерывались дурацкими рингтонами, а уж отвечать на них было бы и вовсе моветон.

Впрочем, мать не делала исключения и для себя, потому клубок главных новостей дня подкатился к ней только к десяти утра, примерно в то же время, что и к дочери. Проводив ее, зарядив кофеварку, она присела и вполне по-королевски, как державу со скипетром, взяла смартфон и пульт телевизора. Повелительно нажала кнопки и еще до сигнала кофеварки приняла поток известий: Волнения. Р-революция! Бунт на корабле!

Не зная пока всех подробностей, посчитала, что морально с Артемычем она уже развелась и его глупые исчезновения накануне международной конференции (первый звонок был из университета) и еще более глупые его студенты, попавшиеся, если верить новостям, с умыслом на террор, ее уже абсолютно не касаются. Правда... на проясненном горизонте одна точка беспокойства мелькала мухой, радарной меткой: ее Лизу угораздило познакомиться со студентом именно отцовского университета. Никогда с ними не водилась, и вдруг этот Егор. И она — хороша мать! — даже не поинтересовалась: не с ним ли намечено угрожаемое замужество?

А Лиза, стоя в безразмерной пробке перед перекрестком, листала экраны новостей, сыпавшихся сообщений и видела грозно приближавшуюся развилку своей биографии, когда много чего ей придется делать впервые в жизни, например, врать матери и, наоборот, честно и серьезно говорить с отцом.

3

Проректор Илья Фомич Ломов не верил, что Геннадий Артемович уйдет в настоящий запой, но не исключал, что, «отдавая дань» сюжетам русских классиков, протянет канитель день-два. Да еще в пределах сей показательной программы завалится в университет, пугая студенток, эпатируя «родной коллектив». Приблизительно подобное уже было. Хуже, если попадет на какую-нибудь политическую тусовку, отвалит щедрые скандальные интервью, на диктофоны или даже на телекамеру, им же только дай! И не в том беда, если напишут: «А ректор Ремизов, представьте, был сегодня пьян!» Он-то, может, будет больше доигрывать, раздувая имидж: я, счастливцев праздный, могу себе позволить! Хуже, если медиапройдохи предпочтут не заметить деликатность его состояния, запишут всерьез, используя для анонсов его тридцатилетний авторитет.

Московский международный университет экологии и филологии, как ни обидно признавать, держится на этом «защитнике природы, апостоле зеленого мира». Когда-то, в глухие времена Геннадь Артемыч счастливо попал под руку, был включен от СССР в международную экспедицию, сверхудачно запечатлелся и уже тридцать лет мотается по президиумам, репортажам, парит зеленым воздушным шариком.

Истоки язвительных мыслей проректора Ломова коренились в оскорбительной правоте шефа. Случись что с университетом, всему коллективу — на улицу, а Ремизову — в Европу, лекции читать о тяжелой борьбе экологических движений России. Пару раз в критические дни квазизапоев он объяснял сей и так ясный расклад в лицо проректору. Разряжался таким манером. Или, наоборот, подзаряжал свои девять кошачьих жизней. Вон и жена от него уходила, а помыкалась, вернулась. Кому живется весело, вольготно на Руси...

Втайне Ломов экологию наукой вообще не считал. Есть же настоящая «наука о живых существах, изучающая их во взаимодействии со средой обитания», — биология! Там все есть: существа, среда... А то, что некоторые существа, среды надо охранять — болтуны объявили отдельной наукой. Климент, например, Аркадьич, был ярый противник термина «экология». Стань эта зелень правящей партией: что, снесут памятники ему? А Тимирязевский район переименуют в... какой там? Припомнят, что он еще и «Депутат Балтики»¹, и борода, как у Калинина, или вовсе — как у Дзержинского. Что, и академию туда же — Экологический суперуниверситет имени Даниеля Кон-Бендита или Греты Тумберг? Мысль об альма-матер, «Тимирязевке», особенно разогнала ненависть доктора биологических наук Ломова.

Стало бы ему легче, узнай он, что Геннадий Ремизов этим утром чувствовал себя отнюдь не кошкой с девятью степенями защиты? Скорее мутным котом. Вчера сильно перебрал, а сейчас с трудом разглядел «Сообщение: Эта ваша жизнь — Девятая». Да еще с долгами, перешедшими из прошлых восьми. В зеркале коридора опухшая морда-подушка с телефоном у правой щеки дергалась, словно опять получала отрезвляющие шлепки Человека-Невидимки по левой, свободной. Последней оплеухой легло предупреждение — Геннадий его выудил из грозного разговора: спасти его ректорство может только чудо, подвиг на ближайшей, то есть завтрашней, международной конференции. Политические течения изменились резко, как тот глобально-потепленческий поворот Гольфстрима, которым пугали... Ремизов в том числе пугал. Раньше евро-зеленые чирикали, чихвостили всех подряд, ту-сю стороны «железного занавеса»,

¹ Классический, «установочный» фильм об отношениях старой Науки и нового Государства. Прообразом «правильного ученого», депутата Балтики был К. А. Тимирязев.

и соц, и кап, СССР, США... Такая вольная отвязность весьма привлекала и молодежь до пятидесяти лет включительно, и интеллектуалов до тележурналистов включительно.

Но бал, ему объяснили, закончился, хотя некоторые (вроде Ремизова) еще танцуют в окружении крыс и тыкв, бывших кучеров-карет.

Возражением, ну хотя бы примечанием ректора к выслушанному выговору стала бы справка: да, «Европейская партия зеленых» сменила веселую отвязность на угрюмую борьбу с «Северным-раз-два» и прочими «Потоками»... Меняет амбивалентность на ангажированность. Но ведь всему миру известно: мотор этой перемены — подсолнухи (герб германских зеленых). Это они замахнулись заместить собой социал-демократов, вообще всех левых! А его друг Гийом Панш, сопредседатель завтрашней конференции, бельгиец, валлонец, вообще француз. шестидесятисемидепутатной фракцией в Европарламенте командуют германцы, но Гийом-то к этому... Он даже раза три, в известном, конечно, состоянии, довольно громко произносил: «Чертовы боши!»

Второе невысказанное в разговоре примечание, точнее, образ, привидевшийся Ремизову: зеленые, хоть и взяли цвет листьев спасительного хлорофилла, но ведь оказались в самом центре спектра! Прочитай школьное заклинание: Каждый Охотник Желает Знать, Где Сидит Фазан, — и убедись!

Надо не забыть вставить это в завтрашнюю речь на открытии конференции. Репортеры процитируют, подхватят... Сей журналистский приемчик (печать первой профессии не смыть) немного отвлек Ремизова от выслушиваемого приговора.

Утро проректора проходило без звонков шефа — так бы весь семестр. Решение Ломова отправить к Ремизову именно Элика было основано на допущении. Если у этого балованного эгоиста в университете вообще мог быть приятель, наперсник, конфидент... то проще всего таким вообразить именно Элика, для студентов доцента Альберта Борисовича Марина. Два года назад его уже отправляли с похожим заданием — справился. А сегодня дела тяжелей. Конкуренция, как «классовая борьба» когда-то, обострилась. Семнадцать вузов схлопнулись только в Москве за последний год. Волна, взметнувшаяся в девяностые: «Отсрочка от армии, диплом государственного образца», — дойдя до какой-то «невидимой миру» точки, пошла в обратную сторону.

Но это так — общеполитический фон, а сегодня, 10 сентября, в университете свой собственный пожар. Час назад — вихрь по новостям: «Задержаны экофашисты (на половине новостных лент: экоанархисты)». Фамилий пока не назвали, но звонок из ГУВД уведомил: «Пятеро задержанных — студенты вашего университета, предполагаемый главарь — ваш же четверокурсник Егор Карпов».

Вообще-то, в мировом «зеленом движении» есть и эколибертарианцы, и экологические леваки, экофашисты, «яблочники» и... Доктор биологических наук Ломов равноудаленно ненавидел всех их — болтунов, засидевших жирными зелеными мухами его научную сферу... Столько лет быть замом самого громко зз-зудящего — Ремизз-зова. Гнетущий симбиоз-з. Ломов часто произносил про себя фамилию ректора с удвоенной, утроенной «з» — игра, чисто в психотерапевтических целях, во из-збежание реального кожного ззуда, а то и нервной экз-зземы.

ГУВД просило дать ориентировку: «Ваши студенты, они эко... кто?» Подняли курсовую работу Карпова: *экопостматериализм*. В Википедии Ломов нашел этих «пост...» в статье «Зеленые партии, движения» — на крайнем левом фланге. Лучше, конечно, чем «экофашисты», но все равно: идио-оты! Нормальные эко — давно оттоптались по тому же Химкинскому лесу, пензенскому мусорному полигону, по озеру, как бишь его... Спокойно раздают комментарии, мемуарят. А эти... экокретины тотальные: заводы позакрывать, население уполовинить (потом еще раз). Зеленую планету, сокращение

популяции хомо сапиенс... европостматериалисты уже обозначили, выходит, дошло и до наших зеленых попугаев. Post, понятно: переросли-де материальные ценности, в производствах разочаровались, идут к сферам идеальным. Даже коровы им устарели: волоокие красавицы, попердывая метаном, надувают парниковый эффект. Питаться постматериалисты будут, наверно, как греческие боги, амброзией: *«Сгущенная амброзия. Без консервантов, красителей и усилителей вкуса. Если закажете прямо сейчас, подарок — жидкость для розжига жертвенных костров!»*

Через полчаса в новостном блоке добавилось: «Группировка постматериалистов маскировалась под университетский экспериментальный театр». Некоторые уточняли: «под студенческую панк-группу». Изъяты жесткие диски, устав, программа действий. Правда, выходило, на первом этапе меры планировали плавные. «Пропаганда, креативные демоакции», — сказала одна из задержанных. Лицо ее закрыли телевизионным муаром, голос не включили. Всю *«Программу действий»* — озвучила теледикторша. Вот где настоящая-то старая школа, выдержка! — ни тени гнева, усмешки. Словно зачитывала изменения расписания электричек.

Второй этап — планы круче. Планы? Да наверняка, мегабайты болтовни, соплячество! — мысленно бесился Ломов... О, и «Турбоньюс» подключились. На втором этапе планировали взрыв новой ветки газопровода у деревни Кинселовка...

Два часа купания в струях информационного джакузи и одно утешение: его студенты на самый топ сенсаций страны все ж не забрались. В больших новостных выпусках шли на четвергом-пятом месте, в краткие не попадали вовсе. «Евроньюс» тоже — мимо, но это спасибо Трампу, брекзиту, заслонили амбразуру... Проректору надоело листать каналы, поднявшись, он выписал по кабинету два-три андреевских креста нервных шагов.

Завтра в ММУЭФ съедутся датчане, финны, бельгийцы. Есть и правящие, в основном на уровне муниципалитетов. Из «зеленых звезд», Гийом Панш. Вообще, в биологии — абсолютный ноль, филолог-славист, диссертация по Достоевскому. Но прогресс мел через международные экспедиции по спасению влажных экваториальных лесов. Да еще втащил Ремизова, такого же филолога: слепой привел слепого.

Конференция — престиж, пресса, букет ответных приглашений: профессорам — гранты, лекции, студентам — стажировки, экспедиции... «Подписать программу сотрудничества на год? О'кей-о'кей! Но где же наш старый друг, знаменитый ученый-эколог и писатель, дорогой господин Геннади Ремизофф?»

Шаги, всплески желчи прервал влетевший Элик. Брови вскинуты — тоже в курсе. Напирать на ответственность момента, лишний раз выдавать чувства к ректору — даже нетехнологично. Ломов и не стал, заткнув фонтан причитаний, продиктовал задание. Элик получил пятнадцать тысяч рублей под расписку: купить алкоголь на Эликов выбор, закуску — аналогично, «лучше сыра, оливок и пару багетов».

Прочий инструктаж был недолог: адреса, номера телефонов Ремизова, родственников, характер возможной беседы, устное послание шефу от Ломова, последняя информация по приезду скандинавов, бельгийцев...

— Илья Фомич. И — карету мне, карету! На весь день, может, два.

Проректор поморщился, словно его внутренний калькулятор, как старая ЭВМ при включении, сначала гнал по лицу-экрану волны, барханы. Скалькулировав все риски, кивнул: «Ладно, бери нашу „мазду“. Там сегодня Петрович».

— Не-е, Илья Фомич! Задание и так нервное, а Петрович ворчит, хамит вечно. Здесь нельзя, здесь не стану, там знак... С ним просто отчеты отвезти в Рособнадзор — намаешься! А тут такая операция, прямо сафари. Нет, Илья Фомич, — чуть повысив тон, — с Петровичем не поеду, — и снова понижая, — просто не выдержу с ним.

По «экрану» проректора снова побежали барханчики. Элик продолжил.

— Приятель у меня есть, Коля, на «геленвагене». Тысяч семь надо будет заплатить за полный день. Плюс бензин.

— А как он... по конфиденциальности? Если Геннадий Артемович окажется...

— Я же за него отвечу! Мне же у вас работать, в самом деле. А Петрович — сегодня здесь, а завтра...

— Ладно, бери своего. Вот держи. И на бензин... пятьсот. Потом как выйдет — под считаешь. А чего это он на «геленвагене» бомбит?

— Турфирма его разорилась, и так внезапно — даже личные его деньги ухнулись! Сейчас дом продает, по Новорижскому, кстати, недорого. Бедняга, без кэша совсем.

— Все, Элик, давай. Минут через сорок начинай вызванивать. Мне лучше пока не встречать.

Начал Элик энергично. Друг Коля еще только ехал, и до назначенного начала вызваниваний пропавшего шефа оставалось минут двадцать, а он уже стоял перед крыльцом университета, затаренный так, что проректор Ломов мог разглядеть даже торчащие из супермаркетовской авоськи два, строго по инструкции, багета.

По заливам придорожной лужи древнеславянскими ладьями скользили скукоженные листья. Пород их деревьев Элик назвать бы не смог, природозащитником, экологом он был никаким, принят в университет как родственник начальника управления в Министерстве образования. Определили Элика читать курс экологической журналистики. Легкий его характер пришелся ко двору, в выборе гонца к сгинувшему ректору Ломов не ошибся...

Элик предвкушал один или два веселых дня с выпивкой и «подорожной по казенной надобности». Плюнул в одну из желтых ладей-листочков на луже-море, попал, оглянулся на окна универа. В прошлом семестре к ним перевелась из еще более дурацкой МАТиД, Международной академии творчества и дизайна, после какого-то конфликта, даже с дракой, чернокудрая красавица Нина. Учиться будет — смех и грех — на экологическую журналистку. Притом из семьи супербогатеев, где дочки по десять лет порхают из страны в страну, «учатся» по направлениям... словно специально для таких и созданным, околотворческим. М-м... Нина Бек — даже звучит красиво. Отец — глава девелоперской фирмы, или холдинга, застраивает Москву башенками, в прессе про него — постоянно...

Даже мельком взглянуть на нее в коридоре было для Элика тайным моральным допингом. А ведь через неделю в ее группе начнется предмет «Основы журналистского мастерства», будет сидеть перед ним часами. Как только между преподами распределили «нагрузку» и вывесили расписание, внутри Элика приятно засадило: некая струна связи с двадцатилетним собой нащупалась и натянулась. Сейчас у нее зарубежная литература, на втором этаже, окнами сюда.

Гигантский баннер с эмблемой университета, электронным адресом и номером телефона висел вдоль самого верхнего, четвертого этажа здания, бывшего ПТУ. На эмблеме вензель из пяти букв: М, М, У, Э, Ф, — напирая, наезжали друг на друга, будто символизируя соперничество Международности и Московскости, экологии и филологии. Много яркой зелени вокруг вензеля подчеркивали связь со всемирными зелеными партиями и движениями. Точнее, яркой зелень эмблемы оставалась на буклетах, мониторах, стендах в университетском холле, а на улице она выцвела до бледно-салатного оттенка долларовой банкноты.

Баннер закрывал три из десяти окон. Впрочем, принесенные в жертву рекламе и ставшие полутемными аудитории из учебного процесса не выпадали: стрекочущие

цикады люминесцентных трубок вполне компенсировали потерю примерно половины солнечной энергии, выделенной северо-восточному району Москвы. Зато вторая половина лучей, пробившись сквозь ткань плаката и приняв на свои (электромагнитные) волны зелень эмблемы, окрашивала стены, столы, лица преподавателей и студентов в мультяшно-мертвецкие тона. Но и это было объяснимо для случавшихся визитеров: дух Гринписа.

Торцевые стены утопали в густо-кудрявой, яркой, пока без желтизны, зелени дикого винограда или плюща — дань уже не зеленым, а историческим аллюзиям. Ломов вынужден был признать вполне удачный креатив ректора Ремизова. В «Лигу плюща» входили самые престижные университеты Америки. Престижные у них значило старинные. А старинность иллюстрировалась гордыми цифрами на эмблемах: 18... — и далее как можно меньше. И плющом, успевшим за века обвить все стены.

Подкармливать, поливать и оберегать от вандалов, вредителей, конкурентов корни-плети своего плюща Ремизов поручил, сдобрив их небольшой доплатой, университетским охранникам. И две стены панельного здания бывшего ПТУ уже были увиты в стиле старых корпусов Йельского, Принстонского и прочих университетов — членом «Лиги плюща»: хорошая тема для шуток и трепя во время кофе-брейков на конференциях вроде завтрашней.

Оберегать престижный вьюн вовсе не лишняя предосторожность. Недавно Международная академия творчества и дизайна (их ректор с нашим в друзьях вроде) получила мощный удар по фасаду и имиджу: конкуренты расписали все такими словечками — не в каждом вокзальном туалете встретишь. И тоже накануне приезда европейских партнеров. Скандал.

И в ММУЭФ будущие экоолухи порезвились, скорее всего, эти, из панк-театра... Нет, стебли плюща не подрезали, но на свободной пока стене крупными, цветными, как изнутри наддутыми, буквами граффити написали: «Лига хвоща».

4

Бросив на заднее сиденье магазинный пакет, с наслаждением растянувшись на покорно-трансформерном сиденье, Элик достал телефон. Приготовился чередовать звонки с дружеским трепом. Анекдоты и сплетни из университетской жизни, рассказы о том, кому друг Коля обязан столь выгодным двухдневным заказом.

— Ген Артемыч бывает по состоянию, как раньше купчины говорили, забавной человек... Так, вне зоны доступа... Еще увидишь: будем сидеть в какой-нибудь кафешке, столовке, он любит такие... грязненькие, веселые пельменные с распитием, чтоб там жизнь — ключом! Наверняка и тебя присоединить удастся, я ж говорю, он в таком состоянии человек широкий. Будем пить, трепаться, а тебе еще и сорок литров бензина припишем, красота!

Элик потягивался, мечтая или вспоминая какой-то прежний ректорский случай, в котором Коля поучаствовать, увы, не мог, так как был еще владельцем успешной турфирмы, а не бомбилкой на «геленвагене».

— Ага, этот занят. Жена его вроде как теперь бывшая. Ломов ей с утра звонил — послала по-королевски. Она и есть «тр-ригг-герр запоя» нашего ректора... Так, звоню Федорову, Департамент образования мэрии. Тоже не в доступе. Ну не вместе ж они керосинят! Из-за чего сыр-бор? У нас на фронте платного одипломливания тоже обострение классовой конкуренции. Мы, ММУЭФ, на чем держимся? Евроколлеги, зеленые экологи для нас — чистые Ротшильды. Многие в правящих партиях. Там даже в городке каком-нибудь, в одном муниципалитете, денег на всякие природные про-

граммы немерено! А университету — кайф: совместные программы! Мониторить природе, спасать ее, сердешную. Арктика, гнездовья аиста, костромские мусорные свалки, байкальская нерпа. Плюс почти все эсэнгэшники идут через нас. И за рубеж встречно наших вызывают. С канадской нефтедобычей что-то не то, Перу, Бразилия... Бразилия — это уже по местам боевой славы нашего ректора. Замануха нашим — поехать хоть куда. Проследить, чтоб на ралли «Дакар» ящерицам хвосты не отдавили. Даже вон я, не пришей к экологии рукав, и то! В следующем году, тьфу-тьфу-тьфу, в летнем лагере, возле Генка, буду месяц лекции читать по российской экологической журналистике. Не, Колян, Гент — да, а то — Генк, тоже, представь, в Бельгии... Босс ты турфирменный, небось Анталия, Хургада — край твоего мира!

Тут разоренный турфирменный друг, заразившись Эликовым веселым разгильдяйством, резко, насколько позволил пустынный поворот шоссе, крутанул руль, чтоб заболтавшийся сосед ткнулся в боковое стекло.

— Не, Колян, не достоин ты возить отца русской экологии. И бутылки, смотри, на заднем сиденье. Уволю... <...>

5

В рассказе Элика про забавного Ремизова вокруг ядра точных фактов колыхалась оболочка сплетен, запомнившихся подробностей жизни ММУЭФ, полученных из третьих рук. Потому досье-биографию ректора лучше изложить, не полагаясь на резвящегося доцента.

Геннадий Ремизов начинал литератором с дипломом педвуза. Поэтическая студия «Зеленое кресло», где он, дождавшись очереди, сбиваясь с дыхания, читал свои стихи, была в восьмидесятых самой крутой в Москве, если считать по взлетевшим, «проравившимся» выходцам.

Ходил там, откинув назад голову, кисти рук неся перед собой, как пианист, Игнат Жаров, гений. А первой красавицей была Елена Свирская. Что-то писала, но больше слушала, вникала. Что помогло ей оценить Игната и забросить свои стихи, сэкономив горы лет, энергии, бумаги. Не задержалась она и в фотомоделах, быстро перейдя по другую сторону объектива. «Актуальный фотохудожник, директор галереи „Модус“» — утверждала ее визитка.

А Гене миг удачи мигнул с другого фланга. В период еще предпредперестройки прозванивались проводки, налаживались первые общественные контакты. «Их девочка» написала про ядерное разоружение Андропову, а наша — Рейгану. Сгушчалась протоплазма будущей народной дипломатии, и журналиста Ремизова включили в состав важной международной экспедиции...

Слова Ахматовой о рождении строк «Когда б вы знали, из какого сора», Ремизов вспоминал, дивясь порой про себя, даже возмущаясь дикой случайности первого, все решившего шага. Претендентов собрался полк. Много было званных, да мало избранных. Еще меньше — прошедших собеседование в КГБ.

Можно бы назвать Ремизова первым в СССР, сорвавшим такой куш, но строгая Клио поправит: великим предтечей подобных совместных проектов был другой. Весельчак Элик вспомнил его сейчас потому, что славное имя вошло в анналы и в читаемый им курс экологической журналистики.

Юрий Сенкевич! Однажды вдруг приглашенный знаменитым норвежцем Туром Хейердалом испытать судьбу и папирусную лодку «Ра». А потом и «Ра-2», и «Тигрис»... Сегодня научные результаты бравого Хейердала вызывают лишь ласковые улыбки

ученых: ну доказал всем, что он — настоящий викинг. И что папирус — подумать только! — в воде не тонет. И что кто-то где-то сколько-то лет назад мог бы так проплыть. Все! Но тогда эти «лодки Ра» качались на телеэкранах всего мира. Видно, с настоящими, глобальными сенсациями в те времена хуже было...

— Да, Колян, застой — он и в Африке, и прочих континентах застой. Но наш Буй-Тур Хейердал протаранил, проторил тренд, за который сегодня все эти «Нэшнл Джоиграфики», «Гео», «Вокругсветы», телепередачи, все Гринписовы эколухи должны в ножки ему кланяться, да! Это ж была новость года: Плывут! Репортажи: миновали такой-то островок! И русский, врач, душа компании — на борту! Вся нынешняя мания: экология, этника, музыка «один палка два струна», рукодельные сувениры, поездки по разным тропическим задворкам — пошло оттуда. Все потянулись. Ладно у нас — границу открыли, валюту дали, но и европейцы тоже. У меня в лекции справка есть: «Доля расходов на туризм». Выросла с семидесятых годов — в четыре с чем-то раза. Так что и твой турбизнес, *бывший* — все от нашего Тура!

Получив легким маневром «геленвагена» еще один бэмс о боковое стекло, Элик вернулся к экобаранам.

— А номер два, после Сенкевича, уже точно наш Ремизов. Амазония, влажные тропические леса, то бишь «ливневые леса, легкие нашей планеты» — главный объект эколухов мира. Борются, создали даже тренд, моду: мировые рок-, кинозвезды выкупают гектары бразильского леса. Чтоб те очумелые лесорубы, нефтяники ткнулись мордой в таблички: «*Прайваси! Частная собственность мистера — о, нет!, уже — сэра Пола Маккартни! Стой! Осторожно, злая собака!*» Хотя опять нет! У нашего Пола злой даже собака быть не может. Тогда, значит, напишут так: «*Осторожно! Не злая, но очень знаменитая собака!*» Помнишь, песню он ей посвятил, в «Белом альбоме».

— И че твой Ремизов?

— Знак всемирного внимания к «ливневым лесам» — международная экспедиция. Нужен и кто-то из СССР. Журналист мосье Ремизофф? Да, пуркуа па? Выбрали критичную точку. Ближе к границе с Перу, среди лесов, болота с какой-то кустарниковой дрянью. Родина маленькой птички, типа колибри, деревья вроде опыляет. Заголовки типа: «Кирдык птичке — и амазонским лесам и планете каюк!»

— Да, чет слышал. Было.

— Колян, шпарю тебе прям по своим лекциям. «Цель экспедиции: изучить, привлечь внимание мировой общественности». Но как добрались, оказалось, что это земля одного племени, воинственного. Дикари-с! Пардон, ныне за такой неполиткор бан во всех СМИ. Тем более следишь, как пишут? Это же мы, бледнолицые варвары, кругом виноваты! Мы устроили две мировые войны, сорок миллионов выкосили! А те, в джунглях — полная невинность, самый массовый геноцид — в пределах двух десятков... Правда, в процентах то на то и выходит, но это ладно.

— Каннибалы?

— Может, и каннибалят втихаря, не помню. Специально разработали научно-вежливый термин: «Неконтактные племена». Ровно сто десять таких осталось. Вне связи с миром, цивилизацией. Живут под охраной ООН, мирового общественного мнения. В Бразилии — семьдесят восемь, блюдет их Национальный индейский фонд. За цифры отвечаю, проверь в яндексе: «неконтактные». А вождь того племени запретил экспедиции Ремизова входить на их земли. Неконтактные, чего ж с них взять...

— Неконтактные — это вообще ноль контактов с миром?

— Эбсолютли. Круглый зеро!

— А как же они ту экспедицию могли послать? Были, значит, какие-то переводчики, контакты.

— Буквоед! За своей бы Анталей-все-включено так следил! Я, между прочим, через неделю эту бразильскую лекцию буду читать не твоим сивым шоферским усам, а одной двадцатилетней брюнеточке Нине, самой богатой невесте Москвы и драчунье.

— И чего тогда ваш Ремизов с индейцами?

— Раньше, понятно, Колумбы-Кортесы, потом каучуковые боссы быстро бы их законтачили! Под ноль. А наши зеленые вежливо остановились на границе. Миссия невыполнима! Причем оказалось, у того племени вся, так сказать, кормовая база, все священные места: в лесу, на восток от болот, кустарников, которые, им вовсе не нужны. Но не пускают. Прикинь, не только, получается, у миллиардеров гаражи на триста машин неезженных, у нефтешейхов гаремы на семьсот наложниц нетронутых. И у дикар... у неконтактных товарищей, которых вся одежда чехольчик на члене, тоже, оказывается, есть что-то ненужное, но свое. Собственность! А нам про первобытный коммунизм втирают... Может, они из вредности не пускали, храня гордый титул «неконтактных». А может, мудрое политическое предвидение вождя: «Этих козлов с фотоаппаратами — только пусти!»

На переговорах выяснился главный затык: не могут их старейшины понять цель визита! Зачем бледнолицым дались их болота? Не понимая цели, поневоле подозреваешь худшее.

Объяснять им «легкие планеты»? Кислород, фотосинтез, хлорофилл? Проводники-переводчики из соседних племен все мозги, языки сломали — не смогли объяснить.

Тут молодой советский журналист Ремизов и показал себя. Проник в неконтактные извилины и выдал внятную версию: мы идем задобрить злых духов, которые живут на тех болотах. Принести им кой-какие жертвы. До ваших лесов нам дела нет, но болотных очень надо задобрить. Типа помолиться.

Он в шутку даже имя тем духам придумал на ходу. Когда уже в перестройку про его одиссею писали, он говорил, что дал духам фамилии каких-то наших политиков, ну типа Мумба-Юмба-Лигачев. Но это, может, была уже шуточка более поздняя, когда его амазонские подвиги заслонялись всякими новыми хайпами.

А тогда... Я прямо вижу широченную чернозубую улыбку неконтактного вождя, возглас облегчения, понятный без переводчиков. «Да что ж вы, бледнолицые, раньше все путем не объяснили?! А мы и не знали! Моя туда не ходить... А вы, значит, помолиться! Дык, елы-палы, это ж святое дело! Конечно, пропустим да еще от себя дадим немножко свиных хрящиков — пожертвование, передайте болотным! На всякий случай».

И рыцари природы, веселые атеисты всех стран, агностики университетов Германии, Франции, Бенилюкса, экзистенциалисты всех оттенков и один даже из СССР, пошли к своей цели. Смеясь, хлопая по плечу героя, переговорщика Геннади Ремизофф. Провели дикарей, обыграли на их же поле.

В тех болотах верховьев Амазонки и родилась его слава, репутация, стезя, связи на всю жизнь. С бельгийцами сейчас приедет Гийом Панш, эколог, футуролог и т. д. Француз, но он от бельгийского университета Лувена. С Ремизовым друзья-соратники с той самой Амазонки. И потом еще много где. В Новой Гвинее поменьше, но тоже есть неконтактные, они и там историю почти повторили, только не с болотом, со скалой какой-то. Духи, соответственно, скальные, катящиеся камни. Опять Артемыча вперед: спец. Переговорщик...

— Прикольно.

— О! Уже Басманная! А у меня пока никто не вызвонился. Вишь список, девять телефонов, пока молчат. А дочку его, Елизавету, пока не набирал, неудобно как-то. «Алле, Лиза! Скажите, пожалста, а твой папа, наш ректор не у вас, тебя, случайно, сейчас... пьет? Или не знаете, где он еще сейчас может гулять?» Чушь. Она его, кстати,

и зовет не «папа» — Артемыч! Ломов рассказывал: вообще у них все сложно... Чую, до обеда бесполезняк суется. Только странно, что Федоров из мэрии не отвечает, чиновник же. Знаешь, Колян, задание-то у нас на два дня, так что пока предлагаю побомбить немного, Три вокзала вон. Давай так: две трети тебе, треть — на пропой, принесешь в воскресенье на футбол. Идет? И подсаживаем только девушек до сорока пяти лет.

Друг Коля большой радости не выказал. Хоть разорился и бомбил он не так давно, но уже знал, как недоверчиво люди подходят, садятся в навороченный «геленваген». А с таким болтливым кудрявым «зазывалой» — вообще голяк.

Так и вышло. Две дамы предбальзаковского возраста, напряженно оглядываясь, отказались садиться, размышления третьей были прерваны звонком Элику на мобильник: — Я Елена Свирская, м-м... жена Геннадия Ремизова. Это вы мне сейчас звонили?

6

Противореча всем законам термодинамики, чай был температуры даже ниже комнатной. Попросить Марью Алексевну заварить еще? Это и ей минутное облегчение, чем в сотый раз врать прорвавшимся корреспондентам.

Выйти в коридор, пройтись по аудиториям? Все равно же все до единого сидят в своих соцсетях. И подробности, мерзавчики, узнают даже раньше. Некое педагогическое унижение — просить: «М-м, Смирнова, посмотри, пожалуйста, в своем, э-э... телефоне, что там сейчас».

На столе проректора Ломова стопка входящих бумаг и распечатка новостных лент. *«Пять студентов... открыто досудебное расследование... угроза подрыва прокладываемой линии газопровода... мера пресечения будет определена в ближайшее время...»* Хлебнув, отставил чашку. Еще раз глянул на попавших, как в прицел — внутрь коричневого чайного кружка на справке: *«Ренат Галямин, Нина Бек, Марина и Дарья Юдины, Вадим Браслетов, Елизавета Ремизова, Егор Карпов»*. Поднялся, выглянул в приемную. По глазам несчастной секретарши представил число звонков, вышел в коридор.

Стенды, диаграммы, портреты великих. Вернадский, Чижевский, Николай Вавилов, Бертран Рассел, Тур Хейердал... Потом «Объявления», «Объявления». У самого впадения коридора в холл большая эмблема ММУЭФ. Приветствие ректора, про природу, гармонию... и портрет: улыбающейся мужчины, почти седой ежик, но вполне моложавые пухлые щеки.

Немного размявшись, Ломов вернулся: «Марья Алексевна, Эли... доцент Альберт Марин не звонил? И заварите еще, пожалуйста». Опустился в кресло: «мониторить» новостные потоки. Пар над чашкой и ящерица, красиво замершая на гребне лимонно-желтого бархана (картина-заставка в компьютере) принесли замученному проректору унции восточного фатализма, пять минут полупокоя.

«Дело» пустили все ж не самым широким экраном. Он боялся бóльшего резонанса. Тайные подводные следственные течения или просто информационная толкотня? В темах, хештегах *Экология*, *Терроризм*, по которым проходили его оболтусы, вспыхнули две других заслоняющих новости.

Россия. Шальной буксир врезался в речной танкер, пробоина два метра, радужное пятно тянется по реке Лене, представитель компании сказал, что на борту было двенадцать тысяч тонн зимней солярки. «Северный завоз» оборачивается экокатастрофой...

В общем, ньюсмейкеров стало неизмеримо больше, чем во времена Тура Хейердала, но ушей, глаз оставалось по паре на человека, и прежде чем в них вцепиться, ново-

сти должны поработать локтями, отталкивая друг друга... Марья Алексеевна утешила: звонков журналюг, жаждущих комментариев, чтоб набить новостями этот день, стало чуть меньше. Хорошо, но почему уже час выключен телефон оболдуя Элика? Не сообразил, надо было взять и телефон его водителя-приятеля!

Ну наконец!

— Илья Фомич, я говорил пока только с Еленой Петровной, супругой. Она ничего не зна... точнее, ничего знать не хочет о Геннадии Артемовиче. И насчет дочки, по моему, пока не в курсе. Я ж говорю — вне доступа была, я, может, первый к ней пробился. А мы пока — барражируем. В полной готовности, любой приказ, в любую точку!

— Ты, случайно, там уже не начал? Смотри! Найдешь, вцепишься в него, и тогда хоть обпейтесь, хоть падайте вместе в лужу... Ладно. Вы от Зубовской площади далеко? Езжайте сейчас в РИА «Новости» и караульте. Там в три начинается пресс-конференция «Глобальное потепление и российская Арктика», ему тут полдюжины приглашений присылали. Друг твой пусть запаркуется, а ты как штык стой на проходной. Там сбоку бюро пропусков. Если он в опасном состоянии — смотри! Нет, в любом состоянии — хватай его, делай что хочешь, не пускай, хоть удостоверение у него вытащи. В пухлых кожаных корочках такое...

Или утренние новости нагнали волну, или он, проректор Ломов, перенервничал с влипшим панк-театром, предстоящей конференцией, не отвечающим Ремизовым и, наоборот, с ответившей — но как! — его женой... но антураж «дела» складывался не строго «террористический»... Звонок из Следственного комитета: будет им даже не домашний арест — подписка о невыезде, обязаны явиться по адресу, который сообщат позже. Не очень сведущий Ломов предположил: может, еще не определена «контора», что возьмется за его болтунов.

Первый гонец «оттуда», немолодой, но ярко-черноволосяый вежливый сотрудник предъявил удостоверение. Проректор успел разглядеть только: «Капитан. Борис ...ич Владимирский» и попробовал запустить в измученной голове «поиск по фамилии»: какой-то немного помпезной и, кажется, знакомой.

Капитан, подняв знаками вопроса брови, выложил на стол и продвинул вперед, словно пешку в дебюте игры, маленький белый листок с несколькими фамилиями, спросил: почему этих студентов сейчас нет на занятиях? Проректор приподнял руки — примерно на половину движения, выполняемого по команде «Руки вверх!». Скорее развел руками. Семестр начался недавно, возможно, для уважаемого капитана не секрет, что в вузах, обучающих столичную молодежь на платной основе, посещаемость, мягко говоря, не самое суровое требование. Капитан Владимирский указательным пальцем потянул белый листок к себе обратно, кивнул понимающе, разговор пошел дружелюбный.

У проректора Ломова пронеслась версия: может, Ремизов сейчас не пьет-гуляет, а, как и положено настоящему ректору, мобилизовав все связи, «вмешивается в расследование»? Сидит у кого-то, вызванивает, давит на клавиши своей административно-блатной фисгармонии... Этот Владимирский... да-да, фамилия мелькала в ректорских контактах.

— М-м, товарищ капитан... Я, извините, ни малейшего опыта... с вашими коллегами всегда контактировал ректор... Он в позапрошлом году упоминал, что нас, так сказать... курировал, да, курировал: майор Владимирский. Я, собственно, это, в общем, не моя совсем сфера, только из-за фамилии и запомнил. Это не ваш ли брат, родственник-майор?

Видно, капитан Владимирский ожидал от проректора, биолога (почти «ботаника») гораздо меньшей включенности в *эти сферы*, меньшей памяти, потому усмехнулся как-то химерически.

— В позапрошлом, говорите, году? А это я и был, майор Владимирский. Но курирую я не только вас. — Кривая улыбка самоиронии: «Вот теперь и ученые ботаники в курсе моего служебного бемца». — Я курирую вузы всего округа.

— Д-д-ья? Простите, кап... Марья Алексевна, — в мембрану селектора, — вы, это... переключайте теперь звонки на меня. Эти репортеры... — извиняющийся взгляд невольно «разоблаченному сотруднику», — эти писаки совсем бедную женщину замутили. Еще и перевирают все...

— Понимаем-понимаем. Тогда если не возражаете, вернемся к моему списку. Я прошу вас скопировать для меня личные дела студентов: Рената Галямина, Нины Бек, Вадима Браслетова, Егора Карпова, сестер Юдиных и Елизаветы Ремизовой.

Проректор раскрыл папку: «Уже скопировали. Как только в новостях назвали фамилии».

Капитан разложил у себя «дела» по непонятной пока системе, вскользь спросил о ректоре, жене его, Елене Петровне.

— Так как вы, Илья Фомич, думаете, что их объединило, в эту... ячейку? При том, что природа, экология — общая забота, она на вывеске вашего университета. А попмузыка, вообще, все-все-общая, теперь, наверно, в роддомах под подушку пластинки кладут. В наше время музыка на другом все же месте значилась. У вас лекции под эти... караоки — еще не начали читать? Но так мы с вами сейчас о... мотивах, связующих... о контурах этой ячейки.

— Молодежный протест, бунтарство, юношеский максимализм?

— Да тут, смотрю, у всех юность-молодость — вторая. Если не третья. Двадцать три, четыре, Ремизовой двадцать пять.

— Действительно, в среднем старше сокурсников, но года на четыре.

— Значащая цифра на этом отрезке. Можно сказать, первый возрастной кризис, если созревание половое — считать кризисом нулевым. Не знаю, как те нигилисты в старину, но ныне нас подпирает, теребит... Здравствуй, племя молодое, невоспитанное, которых сзади самих в спину...

— Неужели? — убежденный десятками фильмов, что сотрудники спецслужб не бросят и полслова без умысла, проректор Ломов недоумевал: к чему эта гэбэсоциология?

— Вы понаблюдайте конфликты ваших сегодняшних героев и самых юных, первокурсников.

— У нас таких конфликтов не было! — дернувшись, отрапортовал проректор.

— Да что вы испугались, я не в протокол. Не участковым инспектором побои снимать приехал. Конфликт в том, что кем-то быть надо, ниша всем нужна. «Молодежь» — вполне себе определение, гавань, но... уже не их, покинутая гавань. И нашим беднягам надо срочно становиться кем-то: скандальными террористами, музыкантами, героями дня. На два-три года от среднего студенческого графика они все поотстали. Галямин в шоу-бизнес пробивался. Диск-жокеи эти, трое на одну лошадь. Елизавета, дочка ректора, три года фланировала, зачислили на второй курс в обход всех, и так нестрогих правил. Карпов в своем Магнитогорске в «Макдональдсе» орал «Свободная касса!», потом фейерверки продавал, причем успешно, но только мать умерла — квартиру продал, примчался на журналиста учиться, хоть бы и на экологического... Ой, извините, Илья Фомич.

— Я... биолог! Доктор... биологических наук, — проректор встал, тронув правой рукой воображаемую тимирязевскую бородку. — Экологию вы тут... товарищ капитан, хоть карболкой поливайте, меня это не...

— У-яс-нил. Заканчиваю, извиняюсь за отнятое время. Хотя заботы у нас общие, ячейка эта скандальная может урон значительный... нанести. А университет со време-

нем, на новом то есть этапе, мог бы с вашим... участием поменять некоторые приоритеты, векторы. Вы же видите, сейчас рынок образовательных услуг... в напряжении. И для вашего э... Я пытаюсь анализировать... А вы знали, что у Вадима Браслетова, фамилия смешная, но настоящая, была судимость? Двести тринадцатая статья. Это хулиганство. Впрочем, и не обязаны знать, снята была за полгода до погашения, к вам он явился законно чистым. Остальные просто гуляли. Академотпуска, слонялись по вузам, дочка ректора — понятно, Нина Бек перепорхнула удачно, в ее прошлом университете собирались громы-молнии, но это пока ладно...

И еще, Илья Фомич, вопросик. Театр этот, или панк-группа, где они, в общем, собирались, университетом как-то поддерживалась? — капитан Владимирский и сам пожал плечами, как по необходимости передающий чей-то вопрос. — Денежно, может быть?

— «Финансирование терроризма»? — улыбнулся Ломов. — Они целиком замыкались на... Ректор их курировал, но не думаю, что были какие-то выплаты. Актный зал, конечно, предоставляли: самодеятельность же студенческая.

— Но может, не университет, а кто-то из родителей их... спонсировал?

— Родителей?

— Да, участников этого театра родители. Кто посостоятельней, например, Нины Бек отец девелопер, хозяин группы «Альба», мультимиллионер, кажется.

— Бек только в прошлом семестре к нам перевелась. А этот панк-оркестр, театр... я не в курсе, но кажется... Нет, уточните у ректора.

Профессор, доктор биологических наук Ломов (диссертация по редкому подвиду среднеазиатских ящериц) тянул воз практической работы, стараясь не вникать в тонкую архитектуру политических крыш, позволявшую университету существовать уже тридцать лет. Оставаться проректором — идеальный вариант на остаток жизни. А уж совсем идеальный: еще и выбить (у кого бы?) хоть мини-экспедицию, командировочку в Каракумы... Советским студентом, потом аспирантом, доцентом он прошагал по пескам и такырам, сроднился. Обступающие барханы, ящерицы с тысячелетними бесстрастными глазами, даже скудельные мартовские тюльпаны казались оттиском вечности, в которую и он впечатывался, устало присев, ничего не подстилая на гигантские солоноватые стружья такыра. А ныне там... бывший секретарь — вождь, полупустынный каудильо, с намеком даже на теократию. Теперь из Москвы пробраться туда сложнее, чем в любую Наску, Сахару или Гоби.

Так переводя взгляд с капитана-куратора на экран с трогательной *Phrynoscephalus helioscopus*, такырной круглоголовкой, взошедшей, как на постамент, на шершавый бархан, размечтавшись, проректор Ломов едва не пропустил намек или даже предложение капитана Владимирского. Нет, слушать его — слушал, но считал, что по этим экопанк-террористам он справедливо перевел стрелки на Ремизова, честно принял все меры к его розыску, вытаскиванию из дурачки демонстративного загула. И поскольку его, Ломова, ответственность, интерес — нулевые, он ждал лишь повода закончить разговор, откликнувшись на любой переведенный секретаршей звонок, готовый ответить хоть на самый прогорклый спам...

И только вздохнув (мысленно), вернувшись от экранной ящерицы к капитану Владимирскому, он ухватил часть его намека, хвост перспективного предложения. Оказывается, зря он зарылся в песок своего проректорства, считая, что без Ремизова университет быстро прикроют. Оказывается, необязательно. Может, ММУЭФ и далее будет штамповать экологов, экологических журналистов, отмежевавшись от провокаторов, доведших студентов до этого панк-терроризма.

Нет, покаяться, доносов никаких писать не надо, смешно даже. И еще более смешно рассматривать его, капитана Владимирского, как какого-то теневого «решалу». Ре-

шат, разумеется, в департаменте образования мэрии. Он, собрав информацию, может только предсказать, куда ситуация накренится. А отмежеваться — это ведь и значит: провести между, отделить экологических овец от политических козлиц. Пересмотреть списки зарубежных партнеров, повестки конференций вроде завтрашней, географию экспедиций, студенческих практик...

«З-значит, этот з-зудящий Ремиз-зов уже всем осточертел, решили з-задвинуть. А мне — возглавить здоровые силы. Получается, надо ждать звонка из департамента, готовиться к ректорству? Как-то все очень быстро. Только утром пронеслись по новостям эти экоидиоты, а вот уже сформулирована новая линия работы ММУЭФ. Конечно, дирижабль ремизовской болтологии когда-то должен был лопнуть, но вот так сразу? Словно ждали этих панк-террористов. Или, может, дирижировали...»

— Если правильно понял, товарищ капитан, вы мне советовали в ход того панк-концерта на закрытии конференции никак не вмешиваться? Но тогда зачем про них столько мне рассказывали?

— А чтоб вы освоились с ситуацией и спокойнее всем объясняли, что не вы все это подстроили.

— То есть?

— Часто самые правдивые версии трудней всего убедительно излагать.

Сползавшую в конспирологическое болото беседу прервал звонок. Хорошо хоть, что не очередной пресс-перевирака — это Элик пробился «с задания».

Экс-майор поднялся, в дверях кивнул, в приемной что-то сказал и Марье Алексеевне.

7

— Уже где-то рядом. Не пропусти. Кафешка — в здании заправки.

— Где за бензин расплачиваются?

— Ну да, Егор. Магазины, дребедень для дальнобойщиков, чай-кофе, сосиски, бутеры.

— Ну и что мы там будем, Лиз? Что там вообще можно объяснить? Может, завтра? Наших всех отпустили...

— Ега, фу! ты... Артемыча боишься? Общался же с ним.

— То в универе. А тут, на заправке, кругом шоферня, какая-то забегаловка.

— Если шоферня, значит, уже — заезжаловка, а ты, Ега...

— ...Ну все-все. Подумать же такое: я боюсь твоего Артемыча! Времени просто жаль.

— Времени он тебе сбережет — лет пять, наверно. Строгого режима, впрочем, в этих статьях не разбираюсь пока.

— Подкол зачетный. Ты на сцене бы так. Прошу же: импровизируй, ехидничай... А какой марки бензозаправка? «Лукойл»?

— Не, «Нефтеойлпетролеум». Он сказал: как из города, по правую сторону. Вон, кажется, ага. Сейчас смотри, как я импровизационно запаркуюсь...

С порога они оглядели зал. Слева прилавок, ассортимент Лиза угадала точно: чай-кофе, сосиски, бутерброды и дребедень для дальнобойщиков. Углом к нему пара холодильников с газировками, пива, разумеется, нет. На вздетой под потолок телевизионной панели участники какого-то ток-шоу, старательно жестикулируя, пускали пузыри немых речей: звук вырублен, пульт лежит возле кассы. Справа — пять высоких столиков, двое из них сдвинуты, уставлены стаканами, тарелками, пакетами. Колоритная троица, навалившись локтями, переступая с ноги на ногу, оживленно спорила. Единственные посетители. Геннадия Ремизова среди них не было.

— Не дождались? Ега, возьми мне кофе, бутерброд с сыром, я сейчас на секунду включу мобильник. Куда он еще сбежал?

Разломив и высыпав по пакетику сахара, дуя и помешивая, они невольно внимали громким соседям. Седовласый шикарно одет, под шкиперской бородкой — ба, черная бабочка! Вид, уместный для «Националя», точно не для кафе-стояка при бензоколонке. Иностранец горячо, с легким акцентом вещал на тему, как ни странно, весьма близкую студенту-экологу Егору.

— Ваши вечная мерзлота, мамонты — раз, Байкал — два! И на Волге, вверху, где ху-дожник жил, это как... Плёс, Плёс, Плюс. А вот еще — Плато, Пу-т-торана! Вы имеете всегда возможность заработать хранителями. Как сауды на Мекке-Медине. Принимать пилигримов, паломников, весь мир. А что этому — вред? Заводы, станции электро. Я был два раза, Якутск, музей мерзлота, город целый под земля, мамонты! Посуда, вся мебель из льда. Я близко чуть не отморозил свой зад. Икру нам принесли в ледяных блюдах... Вы сами не понимаете свои ресурс-сокровища!

— Только, Гийом, без ракет, танков вы же и заберете у нас и Байкал, и Волгу, и плёс и плюс, и верх и низ...

— Импосибле!

— Посибэл, Райка, посибэл! Это из фильма, старого. Наполеона, может, и не найдете, но среди наших найдете таких, что и Наполеонов не надо, верно, Колян?

Тоже седой, но не на столь импозантный манер, здоровяк в кожаной куртке, не меняя ритмичного жевания на поддержку русокудрого патриота, кивнул. А тот, словно набирая сторонников, обернулся к вошедшим.

— О, Карпов! И Лиза... вета Геннадьевна! Ваш родитель, понимаете, отошел, но сейчас-сейчас будет... Э-э, знакомьтесь, Гийом, Колян — это дочь нашего ректора Елизавета Геннадьевна. И Егор Карпов, мой студент, четвертый курс, бас-гитарист, автор панк-оперы и на сей момент, — вздернул рукав, — на шестнадцать часов двадцать минут — самый разыскиваемый экотеррорист столицы!

Губастый парень с нагловатыми, цвета недозрелого крыжовника глазами и песочного цвета прядями иронически поклонился. Гийом полез за визитными карточками, Колян, ускоренно дожевывая, приложил к усам салфетку. В бумажном пакете, но особо не скрываясь, стояла литровая бутылка водки. Элик и Гийом своего весьма приподнятого настроения тоже не скрывали.

— Зин! — обернувшись к хозяйке закуской. — Нам, голуба, еще двое сосисок с горошком и апельсинового пять стаканчиков! Егор, ты давай двигай сюда стол. Счас Ген Артемч подойдет, это он тут все обустроил, договорился. Не думайте, мы все, все про вас в курсе, мобильники он приказал выключить, даже Гийому. Так что, представляете, вся наша связь — только исходящая, по-зининому, — кивнул хозяйке. — И то стараемся не злоупотреблять.

— Все равно, конечно, найдут, жаль просто такой день ломать, — взял слово и «друг Коля». Сегодняшняя миссия, вираж, заведший их в азэсную кафешку, ему очень понравились. — Вы, Егор, не волнуйтесь, Геннадий Артемович час назад узнал. Вас, когда разыщут, опросят, задерживать не будут. Мы тут с Эликом тоже освоились, да. Ваш отец, Елизавета, со всеми вмиг...

— Он очень пьяный?

— А? Нет! Веселый очень. За-бавнóй, широкий. Вон мобилизовал Зину, маркитантку нашу, он ее так прозвал — не обижается.

— Да и с чего бы? — хмыкнула Лиза, подумав, что обижаться надо скорее ей. Родители разводятся, а отец тут гуляет, фонтанирует. — Он, да, он по жизни такой. Переговорщик. На любом континенте, с любыми аборигенами, маркитантами вмиг договорится. Вам, наверно, мсье Гийом уже рассказал, как они в Бразилии...

— Да-да-да! Я Коле, еще когда ехали. В университете брошюра есть про ту экспедицию. Геннадий Артемович, дикари неконтактные... О, наконец!

Сверкнув стеклом двери, в кафе вошел ожидаемый глава сборища, махнул им рукой, перегнувшись к хозяйке, что-то доверительно сообщил, вручил... Подойдя к образовавшемуся уже трехстолию, выставил бумажный пакет с бутылкой.

— Ты, Артемыч, тут что, за водкой бегаешь?

— Да, дочь моя. Бегаю. Ибо люблю... и бегать, и людей, всяких, особенно простых. Потому...

Лиза напряглась, ожидая какого-нибудь публичного намека... Вдруг он уже сообщил компании и сейчас обмывает холостяцкий статус?

Но Ремизов свой угрожающий спич про простых людей взял и закончил тоже просто:

— И потому теперь просто побежал за водкой. Очень душевная дама, затарила вот меня...

Во втором пакете были багеты. (Ломов, инструктируя утром, угадал, но Эликовы были давно съедены.) А еще банки оливок и... совершенно не вяжущиеся с этой бензokolонной кафешкой, сосисками с горошком, со всей обстановкой четыре банки крабов «Чатка». Сейчас термин «дефицит» не в ходу, плати-бери, но все равно — крабы! Среди пластиковых стаканчиков с соком, сосисок бело-розовые банки выглядели пришельцами. Их VIP-статусу мало-мальски соответствовал лишь Гийом: интурист при галстук-бабочке, в снежно-белой сорочке и лаковых ботинках. Ремизов был тоже в дорогой темно-серой тройке — то есть вчера был. Когда ввалился домой, искал записку и, прочитав, скомандовал себе: «Пора уходить в запой». Сегодня из его тройки кто-то вычел пиджак, заместив поверх жилетки какой-то нелепой ветровкой цвета хаки. Дорогие галстук и кремовая сорочка остались, но под такой курткой выглядели странно. Узел галстука распущен свободней любых приличий, ниже, чем у Жириновского. И не найдя утром левый ботинок, напялил белые кроссовки. «Могу себе позволить! Эпатаж на форсаж!»

Элик одет более-менее нейтрально: препод, которого сегодняшнее командировочное задание застало в университете. Его друг Коля как разоренный турбизнесмен: технологичный шоферской набор — черные джинсы, короткая кожаная куртка.

— Да, Артемыч умеет организовать легкое безумие, — с оттенком гордости Лиза шепнула Егору. — Любуйся: этот Гийом с бабочкой, кафе-стояк, пластиковые столы, посуда....

— А, я забыл считать! — вскинулся Гийом. Несколько секунд вспоминал, кому именно он отсчитывал российские сокровища, на которых можно сидеть, как сауды в Мекке-Медине. Дошел глазами до Элика и продолжил реестр, отступив в подсчете на три шага назад. — Значит, мерзлота, Байкал, Путоран-плато — три... И вот крабы «Чатка» — это четыре... И Достоевский, Достоевский!

— Это пять и шесть... — помог другу в подсчетах Геннадий Ремизов. Дочь он все-таки отозвал на пару шагов и секунд. Уточнил: мать пакуется? Послезавтра уезжает? И вернулся, хотя бы внешне, к застолью. Жаль она не спросила: «Пап а чего ты такой веселый?» С понятной дочерней обидой, ревностью. А я бы ответил загадочно: «Водка и Пушкин!..» Она обвела бы взглядом наши столики: «Ну, водка, понятно, а при чем Пушкин?» — «А Пушкин, дочь, здесь при том, что „Арион“. Я гимны прежние пою!..» Но она, конечно, не спросит ни про гимны, ни про веселость отца в дни развода. Спрашивай, отвечай — сам себе.

Сегодня Ремизов решил: он не будет использовать Гийома. Не будет даже пытаться вставить в меморандум конференции критику «подсолнухов» — германских зеленых. Может, и спас бы его ректорство такой выпад (сами собой сочинились язвитель-

ные строки против «мешающих защиту природы с сиюминутным политиканством...»). Но Ремизов видел: провалить подобную резолюцию нереально, просто слабо. Тот же «петух гамбургский» Вальтер Шпукенштерн и наши клакеры не дадут. Лучше и не пытаться, а вывесить гордый флаг: «Старую дружбу — не размениваю!» И высокая пушкинская формула «Я гимны прежние пою» — в помощь... Да и лекционные евротуры, книга о трудной борьбе российских зеленых будут, пожалуй, не хуже ректорства в университете, на стене которого безжалостной студенческой рукой написано: «Лига хвоща»...

8

Ремизов пояснил компании: Гийом Панш читает Достоевского с четырнадцати лет, с семнадцати — в подлиннике, русский для того и выучил. Позже оказалось: не только для того. Стал экспертом по России, главным ее адвокатом среди однопартийцев — бельгийских и французских зеленых. Интерпретатором ее «трудной литературоцентричной истории». В диссертации Панша революция 1917 года комментировалась так: «Герои Достоевского перестреляли героев Льва Толстого». В подкрепление он приводил и знаменитую оценку Ромена Роллана, когда тот в тридцатых посетил СССР, в очередь (долгую) с Бернардом Шоу, Гербертом Уэллсом, Анри Барбюсом, Лионом Фейхтвангером пробился на разговор к Сталину и вернулся совершенно потрясенный. Опубликовал в унисон с Максимом Горьким много лестного про СССР. Его теребили: вы кого хвалите? Тиран! Репрессии! На что Ромен Роллан, потрясенный командировкой, отвечал:

— Да как еще можно править страной, где население — сплошь герои романов Достоевского!

Сей в общем известный парадокс-возглас Ромена Роллана подкреплял своды диссертации Гийома Панша, в десятках статей, эссе, интервью он смаковал его на разные лады. Оппоненты лишь разводили руками: «Ну да, Достоевский, да!» Но последние пять-шесть лет обострение геополитической борьбы подточило и самое незыблемое. В «Фигаро» весной вышла желчная статья Сен-Леви про «полезного идиота Гийома Панша», Путина, Сталина, коррупцию, репрессии... В разоблачениях статья доходила до самых «Гийомовых скреп»: Сталин просто подыскал ключики к слабостям Ромена Роллана, Максима Горького. Осыпал милостями, используя — изощренный подкуп! — даже московские театры. Детище великого Станиславского он приказал переименовать в «МХАТ Горького», а другой театр, в честь «полезного идиота Роллана», — «Ромэн».

«И весьма симптоматично, — заключал Сен-Леви, — что и в путинской Москве эти театры по-прежнему хранят в названиях следы сталинского подкупа...» Гийом из московской командировки, кроме очерков о новых российских природоохранных проектах, надеялся привезти эссе, а лучше громовой памфлет, опровержение Сен-Левиних инсинуаций...

Когда-то давно, в ключевой для взлета Ремизова год, именно он настоял на включении в экспедицию по лесам Бразилии непременно русского, советского журналиста и за тридцать с лишним лет убедился: красота спасет мир, зеленый мир в том числе. Русский язык Гийома... Об этом стоит сказать дополнительно. Вроде почти совершенен: весь Достоевский в подлиннике — не шутка. Но с такими жуткими ляпами: тут Гийом проигрывал даже корреспондентам с трехлетним московским стажем. У тех наборы готовых оборотов, затверженные клише, аккуратные шажки строго посередине языкового фарватера, мимо идиоматики, игры слов. А Гийом с отчаянной смелостью влюбленного бросался во все русские словесные омуты.

Периодически они брали у маркитантки Зины пульт, включали звук, вылавливали в новостях упоминания про «экотеррористов, панк-анархистов из международного экологического университета». И когда в международной сводке мелькнул сюжет о новом теракте в Лионе с комментарием экс-президента Франции Николя Саркози, Гийом, ткнув пластмассовой вилкой в сторону экрана, громогласно объявил: «О, с ним-то я хорошо знаком. Знаю этого Николя, как... залупленного!»

Так, через взрывы хохота, Гийом, не смущаясь, гнул восторженную линию. Октябрь с октябристами не путал, но его претензии на словесную брутальность умиляли. Вспоминал, как в позапрошлом году, увернувшись от лощеных интуристовских гостиниц, три дня в Костроме прожил на квартире у бабы Клавы: «Настоящий барак, все бревна, доски как из замши сделаны, красиво, голубятня во дворе, только местные пьян... пьян... пьян-чуж, — с торжеством одоления, — пьн-чуж-ня коврик у двери весь... мочой обоссали!»

В представлениях Гийома рай — это берег Байкала, где в окружении всепонимающих русских девушек и байкальских нерп он зачитывает со слезами любимые страницы «Карамазовых». Чуть вдали Плато Путорана, из арки Музея вечной мерзлоты выбегают красавицы сахалярки... Все? Нет, еще его старинный друг Ремизофф стал министром охраны природы, а линию скоростного поезда «Евростар» протянули до Иркутска. Лучше до Якутска. Нет мазута, бензина, из радужного в реках только форель. И никаких труб: ни вертикально дымящих, ни горизонтально лежащих «Северных потоков», ни раз, ни два. Нет атомных станций, угольных карьеров. Гуляющих цветастых людей с высоты благословляют неспешные лопасти ветряков... Счастье? Но и практическая цель, политическая задача.

А задача Элика с Коляном была проще, поставлена утром проректором Ломовым, оплачена и практически уже выполнена. Ремизов «под контролем», никаких само- и университетско-убийственных интервью никаким телеканалам не дал и сегодня уже точно не даст, завтра будет «как штык», с другом Гийомом — два штыка. Конференция спасена.

Оставалось только подождать, когда все под завязку наговорятся, насладятся экспромтным пикником, почти симпатичной маркитанткой, за какие-то там сокровища допустившей *это* — на бензоколонке! Потом, не перебивая, аккуратно пригласить продолжить разговоры по дороге. Впрочем, и присланная стража любовалась абсурдной красотой момента.

— Ну что, Колян, говорил? Все так.

— Ты говорил: пельменная с портвейшком в розлив, но... в общем угадал, признаю.

Случился один только срыв: друг Коля, что должен был на «геленвагене» развезти высокого гостя и Ремизова по домам, или обоих в гостиницу к Гийому, или на квартиру ректора... под душевный разговор в восхитительный момент выпил «первую рюмку» (пятьдесят грамм в пластиковом стаканчике) и в данный момент подносил к своим шоферским усам третью. Но и то была не беда: уговаривая Коляна, вызвали с телефона маркитантки Зины службу «Ваш добрый ангел», для таких случаев и учрежденную. За сущие копейки приходит машина с запасным водителем, который поможет сесть, выслушает адрес и все прилагающиеся объяснения, почему клиент «сорвался»...

А разговор вырливал... для Гийома и вовсе словно часть московской культурной программы с эксклюзивным пунктом «типичный Достоевский спор».

Лиза, привезя Егора, просила отца включить все связи — но не «отмазать главара ячейки экотеррористов», а чтоб не отменили послезавтрашнее их выступление, концерт. На первый день конференции запланированы доклады и фуршет, на второй — доклады и банкет с премьерой панк-оперы «Горе от ума» университетского театра...

Обещала: сейчас они закончат «играть в прятки», включают мобильники, Егор сам поедет «с повинно-добровольной явкой». И нужно *им* объяснить, что «спектакль согласован, проверен, утвержден, экологического терроризма там чистый ноль, а гостей, еврозеленых, наоборот — целых семнадцать человек. Телеканалов, что дадут отрывки в репортажах, — два, видеоблогеров — шесть, театральные эксперты — возможно. И отмена уже внесенного в пресс-релиз конференции спектакля будет подстава и никому не нужный международный скандал.

Егор, кивавший в такт пулеметным аргументам Лизы, подтвердил: готов приехать, сыграть и уехать хоть в автозаке, что он не только автор, режиссер-постановщик, но и играет генерала Зубоскала («это апгрейд, переосмысление полковника Скалозуба»)...

Одна напирала, другой напряженно кивал, Элик комментировал Гийому: «Это ж как в нашем „Берегись автомобиля“, Деточкин под конвоем на спектакль. Красота!»

Наперебой говорили о наказаниях, страхах, отваге Егора... Он морщился досадливо, яркий интерес выразив лишь к рассказу быстро «догонявшегося» друга Коли.

— А я вот ни хрена не отважный, да. Потому и фирма, и сам прогорел — жена точно диагноз поставила. Мог часть бабок вытащить, но это значило: практически кинуть «Астророзу», фирму конкретно бандитскую. И главное, решаться надо было очень быстро, с платежками речь шла почти на минуты. А я не... Быстрые решения как раз и выдают самую суть.

Внушительного роста, телосложения, усы, пятидневная щетина, кожаная куртка — он единственный был адекватен этому заведению, мог быть принят заходившими таксистами, маршрутчиками, дальнобойщиками за своего.

Один из них сгрузил на дальний столик кофе-сосиски и прежде, чем приступить, громко обратился: «Чей „геленвакен“ возле мойки?!» Колян ему так же грубо и зычно: «Мой! Купить хочешь?» И водила, сбавив тон: «Масло поменяй», мирно стал разрисовывать сосиски завитками горчицы.

— Все маскарад. Мимикрия. Усы отпустил. А насчет страхов я в апреле один внезапный пример поимел... Только начинал по Москве бомбить опасался, перебивался заказами, знакомых много. Предложили художника одного на дачу перевезти, Вербилки и еще пять кэмэ направо, вместе с картинами, дописывать там, наверно, собрался. Он и оплатил в оба конца, и выслушал плач про турфирму мою. Проникся, вызвонил коллегу своего в Кимрах. Тому, наоборот, надо было несколько картин в Москву на выставку отдать, и он со слов моего Левитанушки, клиента, так мне доверился, что погрузил их, дал адрес, телефон, фамилию, кому сдать, сам поехать не мог. Потом-то в московских новостях я случайно узнал: из его картин одну за полтора миллиона продали, другую за миллион... Рублей-рублей, — поспешно уточнил. — Но все равно: вот так мне отдать. Загрузили их, иду по трассе из Кимр. А тогда, помните, пошли погодные уродства: весна — холодной зимы да еще дождь ледяной. Элик, ну хоть кто слышал раньше про эту байдю: ледяной дождь?

И смотрю, мужик голосует, энергично. Подъезжаю: здоровенный, одет как-то странно, тельняшка вся мокрая, жилетка поверх, и бейсболка надвинута, дурацкая такая, только и годятся, чтоб от видеокамер морды скрывать, когда ларьки грабят. Может, ледяного дождя не ожидал — ненормальность какая-то в нем, и кроме одежды, была. Я стекло не опускаю, и так видно: тычет вперед... Попутчик. И совершенно непонятно, откуда он здесь взялся: вокруг насколько видать — ни деревни, ни избушки, поле и лес.

Я, правильно жена сказала, человек ни разу не храбрый, и в другой бы раз — по газам и тьфу-тьфу таких попутчиков. Но тут какая-то доброта по телу разлита была. Левитанушка мой не просто же посочувствовал, а вызванивал полчаса того коллегу, заказ мне ладил. И кимрянин так легко мне семь тыщ сунул, картины загрузил — толь-

ко рукой помахал. В общем, как-то намагнитили они меня, взял я того лосяру промоклого. Поехали. А Талдомский район, если кто знает, такая глухомань, даже странно для Московской области. Тут Дмитров, Дубна, Сергиев... — а там дичь, медвежий угол.

— Спас-Угол! — не то поправил, не то дополнил эколог-славист Гийом. — Родовое поместье Салтыкова-Щедрина, Спас-Угол, «Отечественные записки», «Господа Головлевы», — перечислял, словно зачитывал.

— А, ну да, — согласился Колян. — Только Спас-Угол левее, а мы на Талдом идем, темнота уже, поглядываю на попутчика, себя корю. Неразговорчивый, спросил только, оглянувшись: «А че это везешь?» — «Картины». — «Ага». Но ближе к Талдому деревни, огоньки замелькали, повеселело, а там и Талдом, какие-никакие фонари, витрины, люди. Я раза три притормаживаю, смотрю на него: приехали, мол. Но он только рукой вперед машет: дальше. Тоже молча, даже странно, за всю дорогу, кроме «Че везешь?» — «Ага», ни слова. А Талдом кончился, и словно перематываем пленку назад: огней все меньше, деревни все реже. На мне словно гипноз, ступор какой-то. Представляете, в ступоре вести машину под девяносто. Мелькает: дотяну до поста ГИБДД, тормозну и выскочу к ним. А он изредка головой вертит, вроде всматривается вправо-влево, а чего всматривать, лес один да опушки, хоть глаз выколи. Чувствую: видит он меня и мои страхи насквозь...

И маркитантка Зина, подошедшая сгрести пустые тарелки, и тот водила за дальним столиком, что советовал заменить масло, — все ждали развязки. А развязка если и была, то под стать сегодняшнему «пати». Тягуче-абсурдная, по-своему, может, и красивая. Завершал рассказ друг Коля еще более задумчиво.

— Наконец он будто высмотрел что, ткнул рукой. Не вообще «вперед», а конкретно: «Вон там останови». Последнее мелькнуло у меня: «Ну правильно. Если нападать, мочить меня — то не на ходу же». Вжимаюсь в кресло, но торможу, что делать. Там чуть посветлее стало, потому что лес кончился и громадное поле по обе стороны. Но пустое же! Абсолютно. Что там можно углядеть? Куда он высаживается? Секунд шесть-семь прошло, понятно каких «легких», все как в тягучем клею, и вот он открывает дверцу, приподнимается. Я, с громадным облегчением, но вроде как с участием, тоже больше мимикой спрашиваю: «Куда ты? Поле же». Он так же молча ступает наконец на землю, но дверцу не захлопывает, выпрямившись, оглядывается по сторонам, а потом опять мне в салон нагибается... кладет на торпеду купюру. И уже закрывая наконец дверцу, бормотнул что-то кратко, неразборчиво. Мне послышалось: «Несс» или «Не ссы»...

К чему то было — так и гадаю. А может, вообще: «по жизни» совет мне? Глобальный. Включая все мои планы, надежды на перезапуск турбизнеса, напряги с женой?

Главное, как свалился на меня, так и ушел. Из ниоткуда в никуда. Я тронулся, оглядываюсь, и пока видно было — он на обочине стоял. Пустыня полная, снег. Картина.

И словно пересмотрев ее заново, Колян махнул и Эликов стаканчик.

— В таких случаях отделяются просто: «Мистика». Пустое слово. Я и купюру его потом долго не смешивал с остальными деньгами того удачного дня. Отдельно держал — единственное свидетельство, что это — не сон за рулем в весеннюю ночь. Оценка. Монетизация моей трусости? Несс... Не откровение, но все ж какое-то домашнее задание тот попаданец талдомский в меня загрузил.

История — произвела. Во всяком случае, была дослушана до самой псевдоразвязки. Гийому, наверно, она показалась «вполне Достоевской»: опять же, признания пошли, откровения. А водила, который «Масло поменяй», прямо со своей пластиковой тарелкой подошел, спросил: «А купюра была какая?»

— Чего?

— Ну, рублей сколько он положил?

— Э-э-а... Пятьсот.

— А ты как из Талдома вышел, поворот на Вербилки проезжал? — продолжал он уточнять.

— Проезжал. Кажется.

— На том поле направо дорожка есть, за борщевиком не видна, до деревни. Он и пошкандыбал к себе. Не просить же тебя свернуть, когда ты... Когда ночь уже, — вроде как пощадил коллегу бывалый водила. — На таких проселках по темноте ска- ты пробить — это... Хошь ты «геленвакен», хошь кто. А пятьсот — че-т многовато для тех мест...

Гийом Панш восторженно всех перебивал. Прямо роман в режиме реального времени: так у него соединились исповедь Коляна и отчаянное решение Егора в духе среднего Карамазова, Дмитрия. Но Егор восхищенные взгляды француза отзеркаливал и, потянувшись пластиковой вилкой к банке крабов, процедил Элику, доценту Марину: «Как же они достали своим Достоевским!» Но может, громче, чем собирался, сказал, так что и Гийом услышал заветную фамилию в обрамлении невероятной интонации.

— Ега, не заводись. — не поспела Лиза.

«Под сводами» — пластиковым фальшпотолком кафешки повисло требование объясниться. Помедлив, Егор не воспользовался обычным закатыванием глаз (молодежный иероглиф, обозначающий «как я устал от всего»), а ткнул вилкой в сторону подвешенного телеэкрана. Звук там давно выключили — в новостях двадцатый раз крутили теракт в Лионе: машина, прыгающие кадры и справа внизу врезка, фотография: блики глаз над полумесяцем черной щетины.

Прожевав, Егор объяснил-таки ждущему Гийому:

— Это, м-м... значит, как там у вас? Если Бога нет, то все позволено? Я в этом средневековье не разбираюсь, но знаю точно: знак *там*, если и был, поменялся напрочь. Теперь именно, если Бог есть — то все и позволено. Кто вот ему (кивнул на телепанель с лионским репортажем) все это позволил? Марин Ле Пен, Пан Ги Мун? Дидье Дешам, проигравший испанцам? Спросите его: ну кто оторвал тебя от посудомойки или таксмотора? Да и не трудитесь, Гийом, все уже спрошено-отвечено, запротоколировано. Не коммунисты же толкнули их подорвать небоскреб, замесить грузовиком толпу — это Бог-с. Только он, извольте видеть-с, все позволил, Бог-с.

Провисли несколько секунд. Доцент Элик скорее, чем Ремизов вспомнил свой педагогический статус:

— Фу, Карпов, как ты не по-русски! Человек тебе со всей душой, с Карамазовыми, а ты... Ведь вы же проходили в курсе по литературе: «Россия — подсознание Европы. Русские писатели — с содранной кожей». Отправить тебя на пересдачу, да, Геннадий Артемович? — чтоб не подрывал имидж! Ведь русских и ценят за острую откровенность, выход на самые глубинные вопросы.

— Ага. В джунгли едем поглазеть на голых туземок, девочек пофоткать, а в Россию — за экзистенциальными разговорами, нервы пощекотать. А тут такой облом — одетые попадают.

— Ега, заткнись уже. О, — заглянула в его стакан, — и недопил! Точно не по-русски... Давай до дна. Так, а крабы все схмячили? Вот тебе на записку. — Лиза аккуратно вытащила пергаментную простынку, на которой ранее лежали бело-розовые ломтики, и перелила в стакан Егору крабовый сок.

А старший начальник вступившегося доцента, то есть ректор, лишь скользил по Егору, дочери поблекшим взглядом. Наконец утешил Гийома, но таким деревянным языком, механической фразой, перетертой даже в пределах сегодняшнего «диспута»:

— Гийом, да это, понимаешь... это «герои Достоевского» уже взялись опровергать самого Федр Михалыча.

Но дважды уже осаженный, непонятно с чего взъевшийся на его французского друга и словно угадавший «пушкинские гимны» в душе ректора... нагловатый сопляк теперь громко передразнил их обоих: «Здравствуй, племя молодое, неконтактное!»

Вступившемуся за национально-экзистенциальный имидж Элику награда пришла из неганданных сфер: полез в карман за очередным звонком, а это — не жена с остережениями-угрозами (уже вызванивала, узнав, что он «весь день с этим Колей») и не проректор Ломов с новыми инструкциями, а...

— Нина? Нина Бек? Вы? А-а... — будь рядом его жена, сцена была совсем другого рода, а так все только отметили ошарашенный взгляд и взлетевшие брови Элика. Несколько секунд он внимал, постепенно возвращая лицу обыденное выражение, потом протянул трубку: — Карпов, это тебя. Нина Бек разыскивает, узнала откуда-то мой номер.

Вслед за трубкой взгляды перепрыгнули на Егора, но он большой поживы любопытству не дал, был краток: «Скоро выезжаем. В Москве будем минут через сорок. Я как поеду сдаваться, телефон включу, перезвоню».

Немного странно было, что сигнал к завершению банкета подал младший в компании, но все его услышали, переменили выражения лиц на: «Да-да, пора. Что-то за сиделись сегодня». Хотя последнее было фигурой речи: все неподсчитанные часы ласкового сентябрьского дня и вечера они проговорили — стоя. В этой неизвестной причудой выбранной кафешке, переминаясь, отбегая в туалет и возвращаясь, подхватывая нить странного разговора.

А Ремизов, отец, будь повнимательнее — обратил бы внимание, как напряженно сузились глаза дочери при объявлении Элика о звонке Нины Бек. Но видно, день, начавшийся с потери прощальной компьютерной записки жены, потом встреча Гийома, безразмерные разговоры... все страшно утомило его. Уже не бегавший за водкой весельчак, а некто с еще пухлым, но посеревшим лицом с трудом собирал вчерашние-сегодняшние обрывки. Финальная ссора, потерянный файл оскорблений, этот фонтанирующий француз... джунгли, болотные духи, ловко обманутое неконтактное племя, поверившее в чужую веру. «Ладно — они. А наши-то контакты? Километры бессмысленной болтовни. Если Бога нет, если есть? Если есть, но не здесь?»

Подъехала машина «Ваш добрый ангел». Долго топтались, трепались.

— Э-э, Егор. Сейчас передали, что группа ваша называется «Манифестомания». Это какая из... Панк-музыкальная? Или экотеррористическая? Типа «Красные бригады», «Черный сентябрь»...

— Альберт Борисович, да какая разница, если уж составами совпадаем. Ладно, пусть панк-группа — «Манифестомания», а как террористы будем безымянные...

Наконец попрощались с Зиной. Не сразу, без каких-то озвученных решений команд, но разделились так: Лиза взяла Егора и отца, а водитель службы «Ангел» сел в «геленваген» к Элику, Гийому и Колянну.

9

— Ега, вчера, только по-чесноку, ты тому водиле усатому хотел помочь или Нинкиному отцу?

— Себе. Считаю, просто хочу заработать свои пять риэлтерских процентов.

Егор Карпов приподнялся на локте, Лиза не шевелясь смотрела ровно в потолок.

— Слышь, Ремизова, а как твоя мать сюда переедет, мы сможем еще здесь шалить?

— Почему нет? Она носится всеми днями...

— А ночами?
 — Тебя чьи ночи более интересуют? Если ее, то она собиралась переехать к Игнату Жарову. Слышал такого поэта?

— Д-ды-а... что-то.
 — А это, между прочим, мой отец! Шучу. Точнее, мать шутит. Еще точнее, когда давит на Артемыча, говорит, что я — от Жарова. Вот какой у нас семейный кроссворд!
 — Тогда уж сканворд.
 — Почему?
 — Потому что шведский. Скан-то — от Скандинавии.
 — Так что жить-ночевать она будет у Жарова, если ты этим интересовался.
 — Но вещи-то она сказала везти сюда.
 — Не все, мне — часть. Остальное в галерею и к Жарову... А знаешь, Артемыч тоже стихи, рассказы писал, они все в поэтической студии и познакомились, но мама говорит, у Артемыча — шняга, а Жаров — гений.

— Вот поживешь и дочкой гения. Чтоб плавнее, без кессонной болезни, перейти в жены гения.

— Ты индюк самодовольный...

Даже негромкий разговор проснувшихся высекал из голых стен искры эха.

Студия или мастерская Елены Свирской ранее восхищала, теперь просто им нравилась тотальной пустотой: убирать легко и опять же — эхо.

Ложем служила Доска почета. Настоящая Доска почета когда-то закрытого завода «Электроприбор», с серпом и молотом, профилем Ильича, расходящимися лучами, лежала на крепких зеленых ящиках военного обихода. Дорогой, фирменный двухспальный «анатомический» матрас не закрывал огромной доски: сдвинешь в одну сторону — откроется выгоревший на солнце у проходной завода из красного в розовый рекламный слоган: «Решения XXV съезда партии — в жизнь!» Сдвинешь в другую — профиль вождя и расходящиеся лучи.

При галерее «Модус» на Сретенке у Елены Свирской была действующая фотостудия, мастерская, а эта купленная ею в жирные годы «однушка» на Новослободской студией являлась скорее в риэлтерском значении: были сбиты простенки, отдельным остался лишь санузел. Хотя мелькал какой-то намек и на фотостудийное будущее, когда образумившаяся дочь «пойдет по стопам...» (вместо «хождения по рукам»). Пока, за полгода обитания здесь Лизы, квартира не обжилась, но приходившие дружно, практически не сговариваясь, восхищались стилем — тотальной космической пустотой. Кроме эпичного ложа, из не то что «мебели», вообще из вещей был только зеленый, условно «артиллерийский» ящик, из того же военного набора, что и пара, державшая Доску почета. Он стоял в углу возле раковины бывшей кухни и хранил вилки, стаканы, тарелки из кафе-столовой ММУЭФ и еще нескольких университетов — следы топографии обитателей и гостей. Да, еще пара акустических колонок фирмы «Infinity», хай-фай, дорогих.

— Мне вещей мать назначила семнадцать, кажется, коробок. Можно из них соорудить перегородку, вон там. Тогда можно и гостей на ночь оставлять... Ега, ты вчера не хотел рассказывать, а я не теребила. Сейчас ты отошел? Объяснишь наконец, что с этим... предварительным следствием? И почему мне пока никто не звонил? Ты вчера там как-то слишком быстро с ними развязался.

— Слишком? Тебе есть с чем сравнить? Суд над декабристами? Дело народовольцев? Процесс Джулиана Ассанжа? Ладно-ладно, не злюсь.

— Конечно, не злишься — ты скрываешь и чего-то боишься.

— Ладно, объясняю. Это не предварительное следствие, а доследственная проверка. Пока следаки решают вопрос о возбуждении уголовного дела. И если решат «да»,

тогда и начнется предварительное следствие, оно же — дознание, адвокаты и вся ба- дяга. Но они вчера мне любезно адвоката сэкономии, сами объяснили. Укрепили ме- ня в своих правах. Не свидетельствовать против себя, ближайших родственников или супруги, если таковая дура у меня вдруг заведется. Пока... «ознакамливаются с изъ- ятым», то бишь читают напропалую все файлы компов Нинки и Рената. И мой ли- стают, бедняги! Хотя в Ренатовом ерунды не меньше. Представляю, назначат лей- тенантников, десятерых наверно, поделят файлы, и начнут они читать, слушать. Там и десятерым на месяц.

Егор откинул одеяло и пошлепал в туалет. Вернувшись, продолжил уже в привыч- ном тоне веселого глума.

— Тебе, наверно, позвонят сегодня. Но я тебя не выдал! Нет, не так. Не я тебя вы- дал! Я молчал и когда пытали током, выдержал все двенадцать вольт, и иголки не помню куда.

— Ты для кого вчера засуетился с тем домом?

— Домом?

— На Новорижском. Который продает друг Коля, которого мы вчера первый раз видели. Для Нинкиного отца? Он и без тебя найдет сто вариантов.

— Сказать правду?

— Нет, лучше соври что-нибудь. Правду я и так знаю: ты просто счастлив любому поводу втереться к нему, просто млеешь от каждого разговора с ним.

— Чуть.

— Нет, тройная чуть.

— Перечисли. До трех считать я пока компетентен.

— Первая чуть: пытаться пролезть к Нинке через благословение отца. Именно в этом вопросе Павел Русланович для нее ни разу не авторитет. Вторая чуть: городить такой долгий обходной путь: Нинка тебе и так даст. И вовсе не потому, что ты такой талантливый поэт, автор первой панк-оперы...

— А почему?

— Выдаешь себя, подскочил. Но помогу, приоткрою. Ты приглядываться не си- лен, не видишь: она и в группу пришла, выкладывается, связок не щадит, и при случае дать тебе — это протестное голосование. И удар затылком.

Нина перевелась в ММУЭФ в ореоле конфликта, первозрядных слухов и спле- тен. В ее Академии творчества и дизайна воеводой темных сил был парень по кличке Горький, и высшим революционным достижением было выковыривание букв «X» с автомобиля «Lexus». Горький придумал: серебристые буквы «лексусов» не спутать, не сымитировать — вырванные с боями у буржуев, они трофей. Эти «X», пришитые на куртки, штаны, сумки, смотрелись, правда, оригинально. В прошлом году пять или шесть студентов щеголяли с ними, как индейцы со снятыми скальпами.

Из-за них и начались дразги. Поводом для драки на лестнице академии стало об- винение, будто Нина сказала, что Марина Гридина свою «X» на куртку, чтобы по- красоваться перед Горьким, не спилила с машины, а тупо за двенадцать штук купила в автосалоне «Lexus». А сама Нинка будто бы сожительствоет со своим эксцентричным, полусумасшедшим отцом, соседи видели...

Нинка здорово Маринку побила, до кровищи. Маринка почти месяц ходила в синя- ках. Но за столь яркую победу Нина расплатилась: в самом начале драки сильно уда- рилась затылком о ступеньку. Отчего, возможно, и озверела — оттаскивали ее трое парней. И оказалось, еще неизвестно, что лучше: разбитые губы, трехнедельные си- няки, кровоподтеки или странности поведения: резкая заторможенность или, наобо- рот, подсакивание с громким «Я пописать!».

— Ее и в универ наш дурацкий перевели, — продолжала Лиза, — сменить обстановку. Не видишь, она вся — пружинка сжатая. Твоя опера, может, и классная, но ей любая зашла бы. Ярое, голое — всем назло. Так что, Ега, вэлком. А то она может и с Ренатиком.

— Что, Нинка с Галямой?

— Я и на это могу поспорить.

— Хорошо, а третья моя чушь?

— Сугубо техническая, риэлтерская. Твои надежды на сделку и гешефт — чушь. Влажные мечты пятиклассника.

— Но Павел Русланович, когда грозился съехать с Рублевки, с Николиной горы, сказал же: лучше всего на Новорижском. Размером подходит.

— Во-первых, дом твоего обожаемого Бека не на Николиной, на две версты далее, а потом, надо понимать, эта его угроза — эмоциональный выхлоп. На гибридный наезд соседей он реагирует, но по-своему, творчески. Оригинал московский, но не станет он сейчас продавать свой и тем более покупать кота в мешке у этого друга Коли.

— За всех расписала, мудрая черепаха Тортилла, все-то знаешь. Особенно противно: думаешь, что и про меня все знаешь... Якобы. Как этот Гийомов Достоевский: все наперед напрозорил, и по его гениальным расчетам нам никуда не деться — повторим судьбу «Бесов». Напишут: ах, как точно Федор Михайлович предсказал! Вот и экобесы замочили своего... Галяму нам, что ли? Но тебя-то, пророчица, я опровергну скоро, на днях. Говоришь, мне, сопляку, и близко не подойти к реальной сделке, не заработать. А я, между прочим, вчера говорил с Пал Русланычем, с Колиного, конечно, телефона. Переслал ему локацию коттеджа, фотки — у Коли они наготове. Дом со всех сторон света, интерьеры каждой комнаты.

— Так это ты ему названивал, когда отходил? Прямо из туалета? Офис крутого риэлтера Карпова!

— И знаешь, что Пал Русланыч сказал? Сегодня с Николаем переговорит предметно и за мои три процента отвечает!

— Что, прямо в свою штаб-квартиру зазвал, на Палашевский? Он же сегодня в университет приедет, влезать в дело нашей террористической группы.

— Ага. И это еще один хороший знак: туда же приедет и Николай, за подвиги на вчерашнем сафари получить расчет. Поиск и поимка ректора Ремизова. Элик ему тридцать литров бензина насчитал.

— И Коля твой за полутора тысячами к нам потянется?

— Да, госпожа Вандербильт, такие уж мы нищоброды. Потянемся и за полторашкой!

Он прервал полуленивый разговор, вскочил с постели, энергично натянул джинсы, толстовку.

— На метро, наверно, приедет. Но если на своем джипе — бомбить по дороге. Реально человек на нуле. Знак, я такие совпадения люблю. Пал Русланович хочет сбежать на Новорижское, а тут как раз домик с нужными параметрами... И сегодня он собирается нас отмазывать, может, даже с адвокатом приедет, а тут и друг Коля... Все, вставай. Поедем умножать хаос в заведении твоего папаши.

Ремизов с Павлом Руслановичем Беком действительно договорились встретиться утром — консолидировать позиции по неизвестно кем раздутому делу, пока, слава богу, не «делу о студенческой панк-рок-эко-терроргруппе»...

Возможно, его дочь и его студент Карпов, перебрасывавшиеся утром именем девелопера-мультимиллионера, знают о Павле Руслановиче больше. Но и он, принимая переводом на второй курс его дочку Нину, получил ее вкупе с прилагаемым рассказом коллеги-ректора, как какой-нибудь фен с «Инструкцией пользователю». Переводилась она из Международной академии творчества и дизайна, отношения Ремизова

с ректором Липановым были практически дружеские: МАТиД никак не конкурировала с ММУЭФ, делая ставку на Гёте-институт, на немцев, перед которыми в прошлом семестре и провалилась памятным всем образом. Липанов и отец девочки Павел Бек объяснили: скандал (провокационные граффити на ограде академии накануне приезда гостей) был связан с некоей группировкой студентов. Ничто не доказано, никто не разыскан, но среди студентов пошли (Липанову не позавидуешь!) волны обоюдных подозрений: и в содеянном, и в «стукачестве». Конфликты, хейтерство, булемия, то есть булинг. Нина — одна из жертв, в переносном, социальном смысле. А в прямом, физическом смысле жертвой была некая Марина Гридина: лицо в крови, синяках. По мнению студентов МИТиДа, Нина разгромно победила. Результат закрепили родители: после драки именно Гридины подали иск об «избиении дочери», и ректору едва удалось, сыграв мирового судью, удержать конфликт внутри стен. Неизвестная, недоказуемая, скорее всего, крупная компенсация отца Нины и быстрое удаление дочери из числа постигавших творчество и дизайн разрешили конфликт.

Липанов и Бек говорили наперебой, а когда ударили по рукам и Павел Бек уехал, Липанов под коньяк рассказал немного и об отце новоявленной студентки. Нет, приятеля-ректора он не подставляет. Наоборот, такой богатый, известный бизнесмен, фирма «Альба», по всей Москве строит, прекрасный кандидат в попечительский совет университета, возможный спонсор и т. д. Лишь примериться надо к его эксцентричности. Пресса смаковала драку с соседями близ его загородного дома, но другая пресса объясняла: это все конкуренты-девелоперы, а Бек два из семи крупнейших объектов Москвы ведет, как и вел, успешно. Тертому Ремизову жизнь подсказывала: пусть везде ты прав и дочка права, но само число конфликтов, где она замешана... Количество кряхтя переползает в качество. Впрочем, сам перевод Нины Бек вроде ничем не грозил, а перспективы проглядывали, и кроме прямого спонсорства, привлекательные... И пожалуйста, сегодня он, единственный из родителей этих бандитов, едет в ММУЭФ с адвокатом (а у него они — ого!) гасить «дело».

В восемь утра, за три часа до открытия конференции, Ремизов зашел в кабинет. И на полчаса раньше проректора Ломов, и совсем не так, как тот расписывал его «эпатажные заваливания во дни квазизаповей», а тихо и задумчиво. Впрочем, в такую рань и эпатировать было некого: посещаемость, особенно на первых парах начинающих в восемь тридцать, в ММУЭФ была откровенно жалкая, хотя и не хуже, чем в подобных университетах, но в этом ли нам соревноваться!

Кивнув вахтеру, Ломов поднялся по трем ступенькам и оглядел холл университета, в общем-то, несолидный, небольшой, вытянутый, — наследие здания ПТУ. Портреты великих в нелепо пышных багетах. Вернадский, Чижевский, Николай Вавилов, Бертран Рассел, Тур Хейердал... С внутренней самоиронией он отметил свой новый, «хозяйский» взгляд. В его годы с трех намеков так обнадежиться, «повестись»! Но кто скажет, кто разглядит, что он «повелся»? А Тура Хейердала он все же прикажет снять. С таких «популяризаторов» все и пошло.

Проходя мимо громадного плаката конференции «*Экологическое мышление в XXI веке. Проблемы и надежды*», он мстительно прочитал как «мышленье». Будь помоложе, позорней, как эти панк-экотеррористы, и штрих ударения фломастером подрисовал бы...

Ректор Ломов? Еще раз усмехнулся. Но намеки были серьезные, возможно, в этих сферах намек — вообще главная рабочая единица. Например, замену ректора в вузе вроде нашего провести не скандальным вторжением, не громкой угрозой отзыва лицензии через Рособрнадзор. Нет — серией намеков нашим спонсорам. Бизнесмены, банкиры — люди понятливые.

10

— Это Лев Адамович, член московской коллегии и прочая, и прочая. В нашу коллизию уже вник. С вами, Геннадий Артемович, ему сейчас советоваться не надо, с вашими студентами, нашими шалопаями, он должен пообщаться плотнее. Они все здесь будут?

— Наверняка. Должны. Сейчас у нас может быть и... пустовато, но ко второй паре должны. А уж к одиннадцати, на конференцию...

— Конечно. Массовость, престиж. Им ведь не объяснишь, я-то комсомол еще застал. Адвокат вступил единственный раз и очень здраво.

— Наверно, будет излишне их всех сюда собирать или с вами, Геннадий Артемович, обходить все аудитории. Список у меня есть, и с вашим секретарем, любезной Марьей Алексеевной, мы уже познакомились. Технологичнее будет мне с ее помощью отыскать наших Чегевар и побеседовать. А вам желаю успешной конференции. Глобальное потепление и борьба за биологическое разнообразие, экологическое мышление, да и работа Киотского протокола по парниковым газам, проблемы перехода к Парижскому соглашению, новые зоны экологических бедствий — действительно очень важно.

С зеркально непроницаемой доброжелательностью Лев Адамович наизусть процитировал повестку первого дня конференции, наверно, проходя, успел глянуть на плакат на входе.

С уходом адвоката Павел Русланович мгновенно преобразился. Вскочил, расширил глаза, прибавил громкости, быстро оглядел по периметру стен фотографии «боевого пути» ректора.

— Тот раз, что у вас здесь сидели, с пустобрехом этим... с Липановым — тогда вон той не было. Это вы — с Николая Саркози? А третий кто?

— Профессор Гийом Панш. Он мне ее вчера и привез.

— Прямо вчера? Когда вы мне звонили с бензоколонки той? И утром — уже висит, в рамке? И на стене. Оперативно! Мне бы так стены на объектах выгонять.

— А я сам. И без дрели. Стен не дырявил, просто вытащил одну фотографию и вставил эту.

— Ну-у, уж не буду сейчас допытываться, кого именно вы сняли, вытащили. В данный момент, понимаете, судьба Нины меня интересует больше. Знаете, мы тут можем оба охать, пинать друг друга претензиями. Допустим, я: «Отдал вам дочку, в благородный зеленый университет, а тут гнездо терроризма и панк-рока!» Допустим, вы: «Подкинули нам мерзавку со шлейфом! В академии вместо творчества и дизайна у нее — конфликт, подполье и драка! И отец (то есть я) — дикобраз, весь в дрызгах. А она, получается и тут, вместо этой... экологии — опять в институтскую банду». Я же помню, как вы поглядывали, когда мы тут с пустобрехом Липановым представлялись.

— Да почему он пустобрех?

— А разве нет? — удивился Бек.

— Ну-у в целом-то — да. Но какое он сейчас имеет отношение? Ваша и моя дочь сейчас под следствием. Их судьбы могут...

— Они не под следствием, под доследственной проверкой. А следствия и не будет. Линию защиты, то есть линию поведения, придумал я ночью сегодня. Мой Лев Адамыч посообразал, признал: отлично, работает. А его задача теперь в адвокатских своих терминах придумку мою расписать, объяснить нашим дурехам, продиктовать им заявления в Следком. Потом взять их и отнести. Все.

Сквозь всю эксцентрику тон Бека являл полную уверенность: как будто его волновало уже не это дело, а какое-то дальнейшее следствие, будущее.

— Так что за придумка?

— Расскажу, конечно! Сейчас меня другое гнетет. Как дальше с ней, с Ниной? Куда? Вот собрались они сегодня, пока еще только обнадеженные, но хвостики все же подрагивают. Потом звонок: все ОК! В этот раз пронесло. А дальше-то что?.. — перевел дух и только теперь снял, бросил на стулья летний плащик.

— Ты молодец, что мою Нинку не подозреваешь: будто от нее вам шлейф злополучия пришел, что под ее темным знаком все так обернулось.

«Что? Что он несет? Шлейф? Под каким ее знаком?» Навеянную было уверенность, что мультимиллионер Бек удачно обернет дело, словно сдуло. Мелькали мысли прямо противоположные: «Сбрэндил. Точно. Допустим, от переживаний за дочь просто свихнулся. А я... мне час до конференции, приветственная речь еще не распечатана, дочь неизвестно где, а я сижу под... шлейфом психа! Ужас... Нет, но адвокат-то у него настоящий, их же сразу видно».

— А знаете, почему вы, Геннадий Артемович, молодец? Потому что я сам ее, дочери, влияние, шлейф злополучия, очень подозреваю, — он перешел на шепот.

«И этот человек строит в Москве сорокаэтажные башни?! Боже! Да там квартиры нельзя покупать и за четверть цены!»

— О, вы испугались. Наверно, я с этими черными метками не так выразился, но суть сейчас объясню. Да и время поджимает, у вас конференция, у меня на Новокачаловском в шестнадцать ноль-ноль мэр ожидается... Дело вроде понятное: их у меня — три сестры. Как у Чехова, только одна двоюродная, Инга. Дочка покойной сестрицы моей жены, тоже покойной. Они так вместе на «лексусе»... и всмятку. За рулем сидела жена, но там уже неважно было. Так Инга, племянница, Настя, Нинкина старшая, сама Нинка остались на мне. Нет, периодически у меня женщины... помогают, но чаще — усложняют... Вижу-вижу, Геннадий Артемович, да я и сам тороплюсь. Старшие — так и свихнулись от незнания, кем бы им стать. Клубы, наркота, аборт, пластика... операции пластические. Дуры свихнувшиеся! Не, я сейчас вам покажу.

Схватил мобильник... вспомнил, поднялся, пошел к брошенному плащу, достал из грудного кармана другой, гневно заелозил по экрану.

— Вот они! Как раз до этой операции пластической. Специально держу их... До! Это Настя, старшая, это Инга, племянница. Получается, они же от образа и подобия матерей отказались! Ну скажите сами!

— Вполне. С-симпатичные.

— Какие сейчас — даже показывать не буду. Губищи, будто у негрityнок. Но даже не в пластике дело. Настыка с Ингой одногодки, росли вместе. И доросли... Институты меняли-меняли. Наверно, забыли, где сейчас документы лежат, чтоб еще раз перепорхнуть. Вот почему я весной за Нинку испугался, когда и ей пришлось менять, хотя тут случай совсем другой. А эти! За все... семестры часов десять отучились на двоих. В Германию просились — не отпустил, и не из какого-то патриотизма, а так. Не буду объяснять. Не знаете, мерзавки, кем стать — ладно. Одна удача: Нинка не по вашей дорожке пошла. По какой, еще не знает, но по другой точно. И даже с панк-терро-ром, группой...

— Да! Вы же сказали, удачную версию для них придумали?

— Я? Придумал?!

Павел Русланович выказал искреннее недоумение, а Ремизов ощутил внутреннюю панику: «А ведь он — миллиардер! Или близко, надо в „Форбсе“ глянуть».

— Вы же сказали. И ваш адвокат сейчас должен им прямо сейчас эту линию объяснить, заявления диктовать.

— А! Вы об этом...

— Да о чем же еще!

— Так я ничего не придумывал! — Бек хитро, намекаяще оглядел кабинет Ремизова. — Я просто выспросил у них, разузнал, что там замышляли. Это сейчас они сами все подробно и распишут. Что группа их, «Манифестомания» — популярная, но в кругах очень узких. Панк-опера, вообще, первая в истории. Как это, м-м... *Отряд не заметил потери бойца. Боец не заметил потери* — слышали? Очень заводной номер. Не хватает хорошей раскрутки. Панкам-то сложно, рекламироваться через светские сплетни, сходы-разводы, каминг-ауты... Так они придумали, террористическую группу, будто хотят население уполовинить ради зеленого мира. И ведь, — Павел Бек опять хитро оглянул кабинет ректора и взял погромче, — и ведь удалось мерзавчикам нашим! Волну-то взметнули!

Ремизов наконец понял. Не сказать, что полностью успокоился, но про себя признал: версия удачная, особенно если его адвокат все профессионально изложит. И хитрые оглядывания Бекон стен кабинета ректор тоже понял. Это не прямо: «Тс-с, т-с, нас подслушивают. Нас записывают». Скорее, общий намек: как правильно продолжать придуманную им линию поведения на доследственной проверке и далее. Настроить себя, свкнуться, что не умные, опытные предки дарят заигравшимся соплякам спасительную версию, а ровно наоборот: глупые, отсталые старперы наконец догадались, чего удумали их умницы детишки. Креатив. Разрекламировали свой ансамбль, панк-группу через байку о стр-рашных экотеррористах. И ведь в итоге — удачная придумка: включите новости — убедитесь!

— Да, Павел Русланович, надо признать, вы...

— Я-я. Я и говорю, то есть спрашиваю: а что дальше? Вот обыграли они весь Следственный комитет. Завтра отыграют свою панк-оперу, а дальше что? — И Бек опять означающе мигнул стенам. — А Настька с Ингой сейчас, что характерно, обзавидовались Нинке!

— Что она уже кто-то, а они...

— Вот именно! А заместитель ваш, то есть проректор, он где обретается?

— Прямо, у нас приемная общая, как от меня выйдете — прямо и к нему. Но вам-то он зачем? — с легким беспокойством.

— Да не он сам, не волнуйтесь. К нему должен зайти человек, Николай, что возил вас вчера.

— А, которого самого чуть не грузили...

— Тс-с! Вот это действительно страшная тайна и должна таковой для вашего проректора остаться, тайной Чапман. Что Николай вчера под интересные разговоры-уговоры слегка употребил... Он должен сейчас у проректора оставшиеся денежки за бензин получить. А я его еще не видел. Как он выглядит?

— Проректор?

— Да не нужен мне твой проректор... Николай какой из себя?

— А... здоровый такой, усы, куртка кожаная. Как таксист или маршрутчик.

— Нас по телефону Егор познакомил. С Егором тоже надо будет переговорить. Как вам, кстати, этот артист? Такие хиты выдает, и с промоушеном, видите, тоже креативно...

И не предусматривая возможный ответ Ремизова, подхватив плащ, он вышел из кабинета...

Обвинение «Ремизов всю жизнь, особенно в университете, работает счастливица празддного» проректор Ломов повторял порой мысленно или вслух «в самом надежном кругу». Но могут ли образовать круг две точки — жена и сын? Тут геометрия

говорит лишь об отрезке прямой, на котором и замыкалось бессильное критиканство Ломова. Например, нынешняя международная конференция «Экологическое мышление в XXI веке. Проблемы и надежды». Все хлопоты встреч, размещения, трансферы по Москве, парковка, кофе-брейки, фуршеты, банкет... сданы «под ключ» ивент-фирме «Горизонт событий». Двум шустрым ее менеджерам на случай взаимодействия выдан мобильный телефон Ломова. Грех жаловаться, дергают нечасто, но что остается самому ректору? Пить, обниматься, болтать о Достоевском с Гийомом Паншем? О, эта программа вчера успешно начата и сегодня, будьте уверены... Еще? На торжественном открытии вывалить в телекамеры двадцать минут банальщины. И все. Вот он и слоняется по университету счастливым праздным, Моцартом экологической капеллы. Наивный, еще не знает. Но Бог свидетель: я его не подсиживал и не подставлял...

Так, вот и жена его пожаловала. Вчера так меня отбрила, послала, как зудящую зеленую муху, в ее зеленый универ. Ан вот узнала: и дочка ее увязла в наших навозных делах. Наверно, вытащат ее. Если Ремизов успеет.

Еще один пункт, взваленный на проректора, — обеспечение массовости. Матч при полных трибунах, студенты из лекционных, семинарских аудиторий должны без потерь перетечь в актовЫй зал. Но сегодня с этим проблем решительно не было. Журналистов — Ломов оглядывал нахальную братию, заманиваемую обычно фуршетными посулами, — раз в пять больше и еще подходили. Может, эту террор-комедию и раздули, чтобы поднять рейтинг конференции?

До этого момента Лобов допускал, что дело сопливых экоболтунов если и раздули, то для смещения Ремизова. Куратор капитан Владимирский намекал. А что на этой неделе будет звонок Ломову из кадров Минобра — сказал прямо.

— Альберт Борисович, а ваши где? Курят?

— Зачем курят, вон седьмой ряд, все, только Нина Бек сейчас подойдет.

Прекрасное сочетание, как «мороз-и-солнце» — день чудесный выпал манифестоманам: герои дня, герои университета, новостей. «Борцы, мученики», и тем не менее — все на свободе! Егор, сестры Юдины, Ренат Галямин, Вадим Браслетов, Нина, Лиза купались в волнах расспросов. И тут как ни отвечай: панк-опера для прикрытия террор-ячейки или, наоборот, террор для рекламы оперы — все одинаково круто, интересно! Не только красавчик Ренат и Бек, в «топе» внимания были и ординарного покроя белесые голубоглазые сестры Юдины, мрачный квадратночелюстной брюнет Вадим и губастЫй, с нахально, прямо глядящими крыжовниками глаз Егор. Всем по пять минут славы и расспросов.

— А вы остаетесь на конференцию?

— Да. У нас же вечером последний прогон перед завтрашним рэйвом.

— Ваши тексты — такие провокационные, да?!

— Настоящая поэзия вся — провокация. Даже окончание строки — это провокация на последующую рифму. А «Манифестомания» — просто кружок любителей рифм. Мы поэты, добравшиеся к микрофону.

— А правда, что вас вчера схватили прямо во время репетиции и Ренату гитару сломали?

— Полная чушь.

— Почему именно панк?

— Рэгги хорош, но слишком расслабляет, слабит. А нам еще много надо сказать.

— А хеви-метал?

— Метал? Это просто побрякушка для гопников.

— А вы не жалеете, что бросили вызов системе?

— Нет, мы уже победили, объединив революционную музыку и политический экшен.

Сэлфи с «Манифестоманами» выкладывались и летели по всем сетям: «Им дадут еще один раз сыграть, потому что французы, бельгийцы приехали, а потом всех арестуют да еще и в сетях забанят!», «Это их прощальная фотосессия».

Забрав адвоката с кипой листов, Павел Русланович покидал ММУЭФ, но решил еще раз глянуть на дочь. Пробился сквозь толпу со смартфонами, но не знал, что сказать.

— Инга и Настя тоже хотят завтра посмотреть.

— Пускай. Я проведу. И ты приходи. — Нина ощутила себя главой семейства.

— Да-да, конечно! — Он еще немного постоял, оглядываясь на суматоху радостных лиц и тянущихся экранов. — А-а, Егор! Мы с твоим Николаем переговорили, может, на днях поеду. Глянем его виллу.

— Павел Русланович, ждем-с.

11

У Ремизова, когда с проходной сообщили о приходе Елены Петровны, мелькнуло: хорошо бы на эту террор-комедию взвалить еще одну задачу — примирение с женой. Громкие случаи, встряски — они ж такие катарсические... «война все спит».

Несколько непримирительных, но хотя бы ровных фраз жены он услышал. Правда, при посторонних, о Лизе, ее покаянном заявлении, написанном под диктовку адвоката и сданном ему же. Конференция началась.

Отбарабанив приветственное слово, Ремизов уселся в президиуме рядом с Гийомом Паншем и, слушая его шепот по поводу вчерашнего пикника на бензоколонке, выудил из монотонного бултыхания в голове одну фразу. Почему-то из всего вчерашнего — именно раздражение Егора Карпова: «Достали своим Достоевским. Теперь если Бог есть — то все и позволено!» Странно, ректор пьет со своим студентом на автозаправке да еще подхватывает его изречения. Интересно, Лизе он голову этим же забивает? Надо будет послушать их панк-оперу.

Второй доклад был совместным, франко-российским — знак особого внимания к освещаемой теме и общности наших проблем.

— Монстры-корпорации, правительства не просто душат планету отходами ненужных производств! Они навязывают стереотипы потребления, поведения. Они взяли под полный контроль жизнь человека. Предсказанный Оруэллом «Большой Брат» следит за каждым шагом через миллионы расставленных видеокамер, робот цифровизации видит все ваши покупки до самой мельчайшей, составляя ваш точный портрет. Природу надо спасать, освобождая человека... — констатировала гневная француженка.

Наш содокладчик дополнял, иллюстрировал:

— Вот вы сняли двести рублей, перевели кому-то тысячу, в таком-то магазине на такой-то улице расплатились за такой-то товар. Все мгновенно записывается и ничего никогда уже не исчезнет. Вы как на ладони, частной жизни, человеческой тайны больше нет! Ваши шаги видны, учтены, мотивы поступков понятны...

Ремизов знал, что в прениях он безусловно поддержит «актуальные идеи франко-российского доклада». Защита окружающей среды и наскоки на мировые корпорации, щупальца государственного контроля — в прочной сорокалетней связке, с самых первых дней зеленого шевеления. Нельзя даже молчаливо соглашаться с «цифровым иго». А уж поддержать рост баз цифровых данных — моветон. Это значит: «преступить „красную линию“ приличия зеленых», предпочесть Грету Гарбо — Грете Тунберг. И когда дошла очередь до Ремизова, он громыхнул, как музыкальный автомат: «Опасность тотального контроля, цифровое рабство...»

Закончив, усевшись одесную Гийома, оглядел зал: привычка проверять «впечатление» даже после самых дурацких и пустых выступлений.

Среди батальона уткнувшихся в смартфоны студентов — вскинутые, уставившиеся глаза Егора, Лизы, Элика. Рядом привязавшийся вчера друг Коля и Павел Русланович Бек. «Этому еще что? У него же мэра на новокачаловском объекте в шестнадцать ноль-ноль. Хотя три часа еще есть, а все равно: ну что ему наша Гекуба?»

Видимо, общий дизайн конференции предполагал объявление вестей из Лувена в конце первого дня работы, перед фуршетом. Накануне Гийом Панш только намекал и только Ремизову: Возможно, валлонские экологисты, входящие в Бельгийский зеленый союз, а через него и в Европейскую партию зеленых, окажут ему доверие. И вот — оказали! На сайте партии с меткой «Срочно»: «В момент важной миссии профессора Гийома Панша в Москве валлонские экологисты избрали его заместителем главы Координационного комитета».

Для конференции — момент престижа: в ее президиуме «представитель руководства влиятельной силы, пусть и через сложную систему вхождений, но причастную к Европейской партии зеленых, шестьдесят семь депутатов в Европарламенте!» — готовый абзац для газетных репортажей.

Похоже, и для валлонской «влиятельной силы» было важно избрать в Координационный комитет — именно профессора, «решающего в этот момент в Москве важнейшие политические задачи. Поскольку позиция России со времени подписания Кiotского протокола по климатическим изменениям отличается крайней противоречивостью, нам, валлонским экологистам, следует всемерно...»

То есть и вчера, за сдвинутыми столиками в кафе на бензозаправке, под водку с сосисками и крабами, профессор Панш при содействии ректора Ремизова, студента четвертого курса Карпова, доцента Элика и его друга Коли «продвигал понимание в Кремле важности дальнейшего ограничения выбросов парниковых газов». И сегодня на фуршете после первого дня работы конференции «откровенный обмен мнениями, оживленные дискуссии» всемерно способствовали тому же.

Надо ж! — повторился даже вчерашний «стояковский» формат: за их двумя сдвинутыми столиками — практически та же, уже поднадоевшая компания. По счастью, Павел Бек на кофе-брейке отбыл наконец — встречать мэра. Измотанный Ремизов дорого бы дал за возможность присесть, а лучше — отойти куда-нибудь вздремнуть. И более всего утомлял, непонятно почему, вечно улыбающийся друг Гийом.

«Вот сейчас надо отвечать что-то, реагировать — чем? Вроде тост надо произнести за новоизбранного. Да, похоже, все оборачиваются выжидательно. Ну что ж...»

— А сейчас я предлагаю выпить за...

Елена Петровна не привезла Ремизову ни грамма надежды на примирение. Программа ее пребывания на конференции выполнялась словно с помощью опытной, расторопной протокольной службы. Еще вчера при первых новостных искрах, зачитывании списка панк-заговорщиков, она поняла, кто поведет операцию по их вытаскиванию. Потому главный пункт, встреча с Павлом Беком, состоялась во время кофе-брейка.

Координация шагов, обмен контактами, перечнями связей, мыслями «обо всем этом» и немного эмоциями, подстраиваясь под мотив откуда-то залетевшей песенки: «А наши дети! О, наши дети! Больших протекций иметь не надо...»

«А еще нам может быть полезен... Вы знаете его?» — «Да». — «Тогда...»

Бек посетовал на ожидавшийся визит мэра, откланялся, а Елена Петровна, к радости Лизы и всей панк-группы, согласилась посмотреть сегодняшнюю генеральную репетицию их оперы «Горе от ума»: в этом же зале после конференции и фуршета. Аппаратуру расставить-включить-проверить... «Мы быстро, пятнадцать минут на все!»

На неуверенно, не по-хозяйски подошедшего Ремизова манифестоманы оглянулись словно с вызовом: «И ты смотри, со своей фуршетной говорильней не затягивай!»

— М-м, Лиза, а ты там играешь... или поешь, значит, Софью Фамусову?

— Нет. Софья — вон она, — кивнула на Нину Бек.

— Д-да?! — Единственно, что Ремизов с бывшей супругой сделали дружно — удивились.

В пьесе Грибоедова, при всех в школе пройденных достоинствах, «значении в литературе девятнадцатого века», женских ролей не густо. Точнее, кроме Софьи Фамусовой, вообще нет. Все: «роли второго плана», если не пятого. Капризные старухи, безымянные «дочери князя, номер...». Или... Неужели их дочь играет ту служанку? Как ее, горничная Лиза? Если выбрали по совпадению имен — было бы примитивно, даже тупо, — взгляд на Егора Карпова. Синхронное, самолюбивое недоумение родителей.

— Так, Лиз, ты там...

— В нашей опере значит, — передразнивая интонацию отца, — я играю и пою, значит, Александра Андреевича Чацкого...

— «О, как все запущено!» Популярный у футболистов повтор возгласа тренера. Используется как реакция на неудачное действие или вообще «обозначение реакции». Фактически — просто междометие, хотя и выражено четырьмя словами. Далекий от спорта, футбола Ремизов прореагировал именно так: «О как все запущено!»

— А сейчас я предлагаю тост за новоизбранного лидера бельгийских экологов, давнего друга России, моего давнего друга, с которым мы...

И все они, кто с навалившейся вековой усталостью, кто с оживлением валлонского партийного избрания и предвкушением еще трех московских дней, доцент Элик — с невинными мечтами о Нине, проректор Ломов — со смешанными чувствами, расставались до завтра.

Прошли мимо менеджера «Горизонта событий», фирмы, нанятой обеспечить оба дня конференции. А тот поверх кивающих голов расходящихся экологов и экологов (евровариант) внимательно следил за остающейся примерно дюжиной студентов. Музыканты-террористы и группа поддержки быстро сбрасывали в пакеты бутерброды, нарезку, фрукты, забирали бутылки, которые менеджер планировал — нет, не украсть, но приобщив, выставить на завтрашний банкет.

Неприятно было ему наблюдать, как относительно вежливые студенты, покорная массовка конференции, превращались в группу панков. Резкие фразы, движения, дерзкие взгляды. Поглядев, послушав, менеджер «Горизонта событий» плюнул — решил «не рубиться» за уносимые бутылки и, мысленно пожелав им провала, покинул актовый зал.

12

Сберегая время великосветской дамы, посетившей генеральную репетицию панк-оперы, боевой косметический раскрас не наводили. Обычно Егор для группового вдохновения требовал, но сегодня ограничился лишь аутентичным гардеробом. Собрав бутылки и снедь, расставив аппаратуру и на ходу дожевывая, приступили к «чек-саунду» (проверке звука). Группа поддержки ритмично закивала.

На вернувшемуся Элику никто особо не обратил внимания, а он, вглядываясь в прилаживающих гарнитуру, микрофоны вокалисток, подошел объяснить к Елене Петровне.

— Мне ваш... э-э... ректор приказал вернуться, проконтролировать, как тут все.

— Ну, контролируйте, — с небрежной иронией кивнула она и сделала пару шагов к спящим музыкантам.

— Эй, Чацкий, левый шнурок завяжи! — Дочь нагнулась к высоченному ботинку фасона «Отпечаток мори», выудила из-под блестящих цепок, декоративных пряжек концы шнурков, затянув, кивнула матери. Черные мини, куртки. Бегло оглядев друг друга, артистки добавили пару дыр на черных же сетчатых колготках.

Егор Карпов старался не смотреть на Елену Петровну, но не получалось. Самая на сей день значительная и яркая персона из заполученных на шоу «Манифестомании». Ренат Галямин, так же неудержимо скашивая взгляд, чиркнул по струнам, и панк-опера стартовала.

Возможно, в будущем под качественную минусовку они смогут уделить внимание и актерской стороне действия, пока это был просто концерт с минимумом движений. Два-три шага навстречу и друг от друга. Самый драйв был, когда Нина, Лиза и сестры Юдины, в ряд сблизив плечи, атакующе вопили.

Грибоедова в панк-винегрете Карпова было в общем немало, собственные сарказмы студента двадцать первого века чередовались с памятными по школе монологами, но тоже изрядно перетасованными.

— А судьбы кто? А этот хрен в пальто? И жадною толпой стоящие у трона? Пусть нет на вас ни Агнии Барто — но есть «Гражданская», блин, «оборона»!

Далее Грибоедов один-в-один, хотя строки «...сужденья черпают из забытых газет времен очаковских и покоренья Крыма» многим студентам показались хитрой современной, политически проперченной вставкой Карпова.

После двух эпатажных часов потные манифестоманы полуокружили гранд-даму. Вопрос «Ну как вам?» витал в воздухе, но напрямую произнесен не был: вошедшие в образы, в гордый протестантский раж жаждали невыпрошенных оценок, но и Елена Петровна не спешила. Разговор перескользнул на общую рок-историю, все дружно признали, что группа «Клэш», кстати, любимая у экс-премьера Тони Блэра, — лучший пример настоящего творческого протеста, чем одноальбомные «Секс Пистолз». Но даже из самых общих экскурсов в историю панка, рок-н-рола, блюза манифестоманы жадно вылавливали все похожее на оценку их сегодняшних панк-сетов.

— Вы тут ко всему прибавляете слово панк — оно у вас артиклем станет. — Уклончивая ирония. И наконец:

— Так, лабухи, ауф! Респект вам, и поскольку взбодрили немерено, ко мне теперь обращаться только — Лена. Еще можно Ленк, Лин, Линк. Запомните: никаких Петровн!

Это уже означало: «Я с вами помолодела лет на... Драйв. Ваша панк-опера — зашла. Клево».

Ренат Галямин не сдержался, похвастался, что хотя все тексты Егора, но большая часть музыки написана им. Напористо перечислил треки.

— Да-да, Ренат. Именно эту — «Отряд не заметил потери бойца. Боец не заметил потери яйца» — мне Лизк вчера заводила. Блеск энд драйв!

Вторым помолодевшим был Элик. Панк-опера обрушила на него сюрприз: увидеть Нину (и еще трех девчонок) — топлес. Точнее, на плечах мотались черные косухи, но на каждом энергичном распахе взлетали задорно вздернутые смугловатые горки, воронки пупков...

«Что, и завтра при полном зале, студентах, евроэколухах они будут так же?» А вдогонку сомнениям пробилось опасение и служебного характера. Вернувшийся Элика в актовом зале приказ Ремизова был устало неопределенным: «Пойди посмотри, что у них со спектаклем, проконтролируй. Чтобы все там нормально. Не хватало еще с этим оскандалиться. Новостные ленты и так уже от нас...»

А ведь действительно. Бултыхаясь с конференцией, еврогостями, повалившими сенсациями, экотерроризмом, забыли вникнуть, проверить: что, собственно, там за

«Горе от ума» припанкованное? И получается, на него, Элика, свалилась высокая роль цензора. Или инспектора: посмотреть, определить, все ли нормально, и доложить ректору. И так, их ритмичная встряска топлес — это «нормально»? И что нормально для подвернувшегося доцента? Доложить ректору о «новом замышляемом скандале», возможно, сорвать их концерт и потом испытать силу студенческого бойкота? Презрения Нины? Или скрыть, не доложить об этом панк-стриптизе и потерять работу?

Группа поддержки под надзором Рената аккуратно, совсем не по-панковски переносила в подсобку аппаратуру и колонки, а лидер манифестоманов, бросив на Елену Петровну (теперь вроде бы: Линк) еще один выжидательный взгляд, захехлил бас-гитару и подошел к Элику.

— Альберт Борисович, а вы-то что скажете? — Перед своим преподам Егор Карпов не трепетал и ранее — а вчера еще и вместе пили.

«Понятно, — мысленно усмехнулся Элик, — я им не Елена Петровна... „Что скажете?“ Как раз когда я думал, что я должен сказать ректору: нормально ли? У меня сейчас полномочия — цензорские, но им плевать».

— Скажу, Карпов, энергично получилось, бодренько. Я б, наверно, добавил клавишных, — панки уничтожительно переглянулись, — но это так, «Прокл Харум» мне нечаянно вспомнились... А вы завтра в этих же... костюмах будете петь?

— Да. Хотя Нинке колготки мы совсем задырявили, тут согласен — перебор.

13

«Чужая душа — потемки, но и своя — сумерки», — второй день разглядывая зал, Ремизов доразмышлялся до мрачного афоризма. Да, бывало, страшал Ломова контрастами будущего: закроют университет — одному на улицу, другому в Европу, лекционный тур. Вот, похоже, перекресток и замаячил. Развилка: закроют ММУЭФ или впишут в железную систему — крутиться покорной зубчаткой меж больших шестерен. Там еврозеленые с каждым наводнением, пожаром, орут: «Мы предупреждали! Глобальное потепление! Климат! Климат планеты!», плюсуя себе евродепутатов, министров. А тут Россия, большая, медленная шестерня: «Да, точно потепление, точно глобальное, если уже бундестаг зазеленел. Надо, значит, с вами крутиться, искать точки взаимопонимания». Но для сопрягающей зубчатки Ремизов радикально не годился. Позавчера утром, когда искал левый ботинок и пропавшую прощальную записку Елены, был с ним недолгий телефонный разговор, точнее, перечень обвинений: Ремизов-ректор бесполезен для экологических маневров будущего, его алармизм, приевшееся меню его конференций, «мировое братство защитников природы», прекраснотушные манифесты устарели уже лет десять как. Или даже более: все некогда было там наверху — приглядеться к их с другом Гийомом дрейфу в сторону вялого хобби, типа собраний старых филателистов. Фи... лологи бесполезные...

Но ведь и не Ломов? Ему только планы-отчеты штамповать да о ящерках своих мечтать.

«Нет, именно — Ломов», — проскрипел бюрократический механизм, кое-как реагируя на зеленые метаморфозы. Там либеральная политизация — и здесь надо ответить: сбить градус наива и романтизма. Не бежать, «задрать штаны, за Кон-Бендитом»... Задорный когда-то вождь парижских студентов 1968 года («Запрещается запрещать», «Будьте реалистами — требуйте невозможного!»), ставший угрюмым боссом еврозеленых, Даниэль Кон-Бендит поминался особенно часто. Эмблема — нет — жупел новых зеленых... Его представитель, «смотрящий» на ремизовской конференции, бывший гамбургский таксист, ныне евродепутат-гомосексуал Вальтер Шпукенштерн

сейчас наверняка начнет с углеродной нейтральности а кончит — известно где... Что-то Егор Карпов в перерыве долго его обхаживал, запечатлевался перед всеми фотокамерами. Ведь придумали же ему грамотную линию: музыкант, панк — чего сейчас еще лезть?

Концерт группы «Манифестомания» перенесли на до банкета. Аудитория будет численно максимальная, не пьяная — лишь предвкушающая. Полный зал без пробелов, для съемки — это плюс. Минус — отпущенное им время сократили до тридцати пяти минут. Перебрав, перетасовав свои треки, переругавшись (для панк-группы тоже плюс), на полном взводе они вышли на «провонявшую президиумом» сцену.

Елена Петровна и почти набившийся «в свои» Элик, проводив, следили за группой из дверей подсобки-гримерки.

- Мне даже страшно, Елена Петровна!
- А мне — наплевать абсолютно!
- Вы не боитесь?
- Нет, мне наплевать, что вам страшно.
- Спасибо, Елена Петровна...

Пробуждение в студии Елены Свирской, ныне квартире Лизы и Егора, пристанище группы «Манифестомания», было тревожным.

На лежаке, бывшей Доске почета завода «Электроприбор» поперек матраса лежала женская половина панк-группы. Галантные (нетипично для жанра) парни валялись по углам пустой комнаты. Собственно, пробуждение было условным, ни в коем случае не «дружным». Практически всю ночь манифестоманы поодиночке просыпались, звякая катающимися бутылками, семенили в туалет, вернувшись, включали смартфоны. Долистав, найдя в сетях новый отклик, быстро матерились и снова засыпали.

Часом общего пробуждения условно можно было считать девять тридцать, когда музыканты после туалета читали комментарии и матерились уже не сольно, аукаясь, сверяли впечатления:

— «Да, „Манифестомания“ энергична, но лишена вкуса в своей энергичности», «Вчера в одном московском универе группа лобо и сисько трясов... с пьесой „Горе от ума“ обошлась хуже, чем с ее автором в Тегеране».

- Нинк, где это — в «Новом городе»?
- Не, вконтактник. Сообщество «Музык дилит».
- Смотрел вроде.
- Комментарий на странице пятой-шестой. Много наших универовских изощряются. Ага, вот еще: «Бродячий панк-цирк».

— Смотрите, и профи отписался! — объявила Марина Юдина, приподнявшись с подушки — живота терпеливой сестры Даши. — Это музыкальный критик пишет, Артемидий Двоицкий. Кто-нибудь видел его вчера, Лизк, Дашк?

- А как он выглядит?
- Да в правом проходе один все слюни на Нинку пускал.
- Наверно, он. Читай.
- «Протоплазма проправительственного реализма, соискатели ордена „За заслуги перед отечеством восьмой степени“...» Тьфу, там и дальше — одна политика... «Не убедителен, даже как пародия, Фамусов, кряхтящий: По мне, как в корне зло пресечь — собрать все сайты бы да сжечь!.. Единственная относительная удача: бешеный революционный фальцет, прекрасные внешние данные Нины Бек, ее убедительное исполнение роли Софьи Фамусовой, ставшей после обморока (хоть за сохранение этой

детали оригинала — спасибо лжепанкам), ставшей полусумасшедшей нимфоманкой, но все равно отвергающей Чацкого... Каскад дальнейших непристойностей, конечно, на совести автора, но готовность Софьи-Нины к порыву впечатляет!»

— Нинк, так ты — порывщица или оторва? Я теряюсь...

— Вот у папули моего порывы — это да-а.

— Он у тебя клевый! Расскажи

— Как-то зашел он в церковь какую-то. Второй раз в жизни, слушал пение и завис дельно так. На час, наверно. Хлопал себя по карманам — да откуда у него деньги. Карточек две-три. Которая расходная, там тысяч сто, не боле. Может, он и плакал, не знаю — эту историю он мне с трудом за три раза рассказал. Кого там встретил, что говорили... Выбегая еще раз, охлопал карманы — нет, так он схватил ту карточку, подошел к бабке на кассе, попросил листочек такой узкий, куда вписывают имена поминаемых. Написал на нем: «Пин-код... такой-то. Снимите все. Спасибо». И вместе с картой — брык в щелку ящика, где пожертвования, и убежал.

— Клево. Прикольно! Круто, нет, правда, Нинк! Наверняка единственный случай в истории. Чтoб пин-кодом! Да, оригинально!

Похвалы жесту отца Нину порадовали больше, чем даже похвала Артемидия Двоицкого, отпущенная в рецензии ей единственной из манифестоманов...

Она последней присоединилась к группе, но хорошо усвоила стиль, тон общения. И потому все получаемые сепаратно комплименты уничтожала лихими панковскими гримасами. Например, мужские поглядывания, поцокивания и реплики она объясняла своим: «Так я же — девушка шаговой доступности!» Однако поведением «в реале» эту придуманную формулу подтверждать не спешила. И на сегодняшнюю оценку критика Двоицкого нашла быстрое объяснение:

— Это, кексы, он потому так меня расписал, что Бек — еврейская фамилия и сам он — еврей.

— Дды-а?

— Стопудово. Артемидий — еврейское имя.

— Прикольно. Так, Нинк, а ты сама, что, еврейка?

— Чето не похожа.

— Черненькая разве... Дык еврейки больше бледно-рыжие, как Лизка.

— Ага, спасибо тебе, Дашенька-мордашенька.

— А че ж тогда Двоицкий Ренатика не похвалил, Галямштейна?

— Ты себе каминг-аут лучше сделай, Карпов фаршированный!

Во вспыхнувшем споре на неожиданную тему манифестоманы выказали полную профанность.

— Гасите хайп! Честное слово, самый первый Бек, которого мы в семье знаем, точно был еврей. Чернокудрявый, фотка старая, подпись: «Евсей Нафталиевич Бек». Потом они все женились — на ком попало, но в каждом поколении кто-то один оставался — как я вон. А сестра Настька у меня — блонда стопроцентная, натуральная: нами в шахматы можно играть, отец шутит.

Национальный хайп самоисчерпался, все вернулись к выскребанию в Интернете оценок своему сэйшену... В основном постили, комментировали студенты, университетские друзья-завистники.

— А вот в «Новом Урлайте», — Ренат зачитал, ехидно косясь на Егора: «Чего самодовольный псевдопанк Карпов боится больше всех московских ментов? Конечно, настоящего панк-рока! Не швыряния пивных банок, хотя и банок он заслужил груду, как в Перовском парке по субботам. Нет! Страшнее Егору было бы услышать насто-

ящий панк-рок, на фоне которого его панк-оперные тексты — робкая чушь с оглядкой на власть».

Но Егор нашел в потоке прорвавшейся соцсетевой ассенизации и персональную пощечину Ренату Галямину и разослал вацапкой по группе: «Лучше Ренатику и дальше диджеить по клубам-общагам, чем вот попасться на воровстве у „Роллинг стоунз“! В его первом сете торчат уши „Руби тьюсдэй“ и „Сатисфэкшен“»...

И соавторы панк-оперы продолжили свой «бокс по переписке» валяясь в разных углах комнаты: подняться — гнева, злости пока не хватало.

— Вад, а ты чего молчишь? — Лиза, свесившись с ложа, катнула бутылку в сторону ударника, испытанного примирителя ревнивых творцов. Вадим пока не отрывал голову от подушки — снятого ботинка: одного увесистого «гриндерса» было достаточно, второй оставался на ноге.

— Хватит агриться, кексы, всякую шнягу зачитывать. Виноват — Грибоедов. Написал, а нам расхлебывать.

И пока группа переваривала неожиданный примирительный тезис, Вадим продолжил:

— Не-е, правда, я в школе-то пропустил, а тут присмотрелся: такой дряни, как Чацкий, во всем курсе литературы точно не найдешь. Насчет Грибоедова — это я не так выразился, он-то герой, но так подписался за того гнуса... это ж никакой спектакль не выдержит, а?

— Вад, так я ведь, — Лиза в общем поддержала литературоведческую смену галса. — Я ведь играла Чацкого — такого, чмошника. Жертвуй харизмой. В «Новом Урлайте», кстати, оценили: «Самое крутое опускание Чацкого за все двести лет!»

— Не-е. То есть ты, Лизк, правильно играешь, это мы все в целом не въехали, что за фигня там завязалась? В смысле — в истории. Грибоедов против всей Персии попер, с англичанами «большую игру» начал — реально герой... А сочувствует Чацкому-ушлепку. В первом сете, утром... приехал, ему Нинка-Софья — игнор, так он: «Я ехал, я спешил — и вот за подвиги награда!» А во втором сете Нинке в обмороке стакан поднес, прыснул на лицо и полчаса потом пыжился: «Не знаю для кого, но я вас спас!»

— Вад, — вмешался и Егор, — тебе ж говорят, мы и делали этого козла антигероем. В чем, собственно, весь твой аподиоксис?

— А в том, что двести лет Чацкий считался клевый герой, все привыкли. А Зубоскал, генерал-полковник, наоборот — тупой вояка, тормоз, и тоже привыкли... Нас ты, Ега, просветил, объяснил, что, мол, в России все прахом пошло из-за уважения к такому чацким. Но смотрельщики, зрители — они вчера подумали, что мы, типа... просто по приколу поменяли клеммы: плюс на минус. Опустили того, подняли этого, генерала Зубоскала. А если по приколу, то чего мы такой пафос нагнали? И пошла непонятка: че у нас за жанр?

— Ты это все из-за барабанов своих вчера разглядел?

— Ега, не заводись! Вадим прав. Непонятка мелькает...

— Лизк, а че все-таки мать по поводу нас?

— Ега! Ты ж так ловил ее взгляды, вьюнош влюбленный, и на репетиции, и вчера... и че, не понял? Она сказала, что не хочет приговоры раздавать.

— А чутье? Она ж любой успех-неуспех за сто верст видит. Понятно теперь, почему после репетиции она ушла от ответа.

— По-моему, это ты уклонился от вопроса. Ну ладно, мы все равно хотели поговорить, сейчас поставлю ее на видеозвонок. У меня ж от родной группы секретов нет. Ага? Включаю.

Ожидаемый разговор приподнял группу. Девочки даже чуть поправили волосы, мальчики переползли, приникли к лежаку, все полезли в кадр. Не вмещались, Лиза на

вытянутой руке крутила телефончик, и пока похожая на красивую теледикторшу Линк (как потребовала ее называть, и манифестоманы с радостью орали в смартфон: «Линка! Линк!»), пока она телевещала, барометр группы поворачивался с «Пасмурно» на, может, и не «Ясно», но «Весело»:

— В общем, здесь, кексы, вам не Голливуд: не будет хеппи, но не будет и энда. Ваша победа — хотя бы в том, что не похваляют снисходительно: замечательную студенческую *самодетельную* группу, а кроют группу хреновую, но все ж из общероссийского каталога... И про титьки вокалисток, и хамскую интерпретацию Грибоедова, и необходимость клавишных. И о том, что вы, хоть, слава богу, не металлисты, не рэперы, но и — ни разу не панки. Это все норм, кексы! И я думаю, вам из панк-субкультуры надо не драпать, а дрейфовать пока, примерно как Клэш или Грин Дэй. Ес?

— Йоу, Линк!

— Принято!

— А группой вы останетесь, только если с вами останется ударник Вадим. Но если и не останетесь — не беда. Вечны ж, как известно, только «Роллинг стоунз».

Привстав и просунув в телеэкран свой черный ежик и трехдневную щетину, Вадим Браслетов послал благосклонной Линке свои персональные благодарности. Сравнение с ударником Чарли Уотсом, цементом «Роллингов», который может и ритм держать, и в кровь разбить морду зарвавшемуся Мику Джаггеру, это «Дорогого стоит!».

Пшикнув открываемой банкой пива, Лиза потребовала у матери уточнений по историческому рок-н-рольному экскурсу:

— Это что, мне Вад морду в кровь разобьет? Я, конечно, тоже зарвусь, но...

— Не трясьсь, разобьет мне, — вместе с банкой перехватила инициативу Нина, — Мик Джаггер здесь я.

— Ладно вам! Обоим разобью, — вальяжно примирил их Вадим, довольный, что его неопознанная летающая харизма получила какое-то определение. Значит — Чарли Уотс...

Самый физически компетентный, небесполезный в драке, Вадим терпеливо называл клички, в юности чаще идущие от фамилии. И его странно-дивная — не псевдоним — паспортная «Браслетов» неутомимо переделывалась в Брускетов, Барс-Летов, Наручников. И даже Бэнглс — по-английски «Браслеты»: классная группа эпохи MTV. Знаменит был их видеохит «Хожу как египтянка» — Карпов, изошряясь, порой подначивал «Вадика Бэнглса» — ходить, тыкая рукой вперед, «как египтянка».

Завершила сеанс групповой телепсихотерапии элегантная Линка щедрым подарком: приглашением всей группе поучаствовать в перевозке ее вещей с покидаемой дачи в галерею на Сретенке. Пиво, креветки и полезный разговор прилагаются.

Проект Елены Петровны «Пикник под прикрытием» на время стер расстройств, споры, кляксы рецензий вчерашнего концерта. Манифестоманы, бодро застегиваясь, поспешили вновь нырнуть мордами в салат и «пену дней».

14

— Сожалеть? Мне, Колян, по-настоящему убиваться стоит лишь, что я когда-то давным-давно не попал на прием к Татьяне Друбич. Не на вип-прием в Дом кино — на прием к врачу. Ты врубись, осознай, как редко выпадают такие бриллианты! Она уже снималась всюю, приз «Лучшая актриса года», все ГИТИСы зовут, а она медицинский окончила да еще врачом пошла работать. В районную поликлинику! Да еще в нашу,

в мою районную! Я только потом, лет десять спустя, в журнальчике каком-то вычитал, проверил, сопоставил: меня как ожгло! Тогда-то здоровый был баран, не знал, где поликлиника и находится! Вот и упустил свой миг удачи... Ведь скажи, Колян, что ты сейчас вспоминаешь так, чтоб по теплоте заменяло ноль семь «Метаксы»? Чтоб уносило на фиг отсюда, — Элик обвел взглядом пейзаж, резво улетающий по обе стороны Колиного «геленвагена». Офис? Домашний ужин, семейный секс?.. Правильно — нет. Вспоминаем фитюльки всякие, исключения. А?

— Да, была записочка одна, восьмой класс. Ленка в спортзале. Школа была пустая, футболка, помню, ее зеленоватая, салатная... Вот и вся коллекция.

— И мне сейчас — только и смотреть с дистанции двух кабельтовых на студенток панкующих.

— А Друбич, Друбич-то что?

— А и ничего! Я ж говорю, баран был здоровый, только через годы и узнал, что она в нашей поликлинике работала. Но если б... вот так... просто постоял бы перед ней до-пояса-раздетый. «Дышите-не дышите, какие жалобы?» Я б сейчас не жаловался — тихо бы вспоминал, утешался за всю жизнь. Странное дело, получается, живем-то — ради только исключений. А для чего тогда весь уклад, толща лет?..

«Друг Коля» ехал встретить кандидата, с неба упавший вариант: Павел Бек серьезно решил расплеваться со своей Николиной горой, Рублевкой, сволочами соседями. Виляния ризлтеров, домашняя ругань утомили его безмерно, обещал сегодня глянуть дом в одиннадцать. Они ехали с большим запасом.

— В твоём универе на конференции, что ты меня затащил, доклад был про тотальный контроль: все покупки, переводы — у них как на ладони. Я смотрю, и эта ризлтерская сволочь руки выворачивает, даже займы суют — под гарантию будущей сделки... за треть цены. Словно знают мои долги, дыры — до копейки, видят меня... Ну ладно, банкротство фирмы — вещь известная, все ж моя «Ардалия» гремела. Но они, похоже, и мои текущие копейки знают до копейки! Словно где-то, — обвел взглядом салон, — установили веб-камеру, считают, сколько я натаковал и когда к ним приползу.

— Паранойка на марше, — успел-таки вставить Элик перед тем, как Коля вылез открывать ворота.

Вслед за манифестоманами и родители падали мордами в «пену дней», ярко помолодевшие. Вынужденное погружение в «экотеррористический заговор с последующим разоблачением», одиозный концерт, хоры рецензий сближали кардиограммы отцов и детей. Выработывая планы и линию защиты панк-террористам, встречно получали дозы их легкомыслия.

План пригласить всех на «перевозку» (семь человек на двадцать семь коробок плюс кое-что из мебели) Карпов точно разгадал: будет «пикник под прикрытием». И правда: нанятые грузовик и мини-вэн (манифестоманам) ждут, счетчики включены, а группе, особенно вокалисткам, приспичило посмотреть работы Линк, то есть известной фотохудожницы-акционистки Елены Свирской. Коробки раскупорены, каталоги раскрыты, пиво и кровати поданы (с этим пунктом плана все четко). Вдобавок Елене Петровне захотелось непременно показать детям отличие ее работ от работ Хельги Свердловой. Совпадение первых двух букв известных фамилий давно занимало умы глубокомысленных художественных критиков.

— Многие олухи дальше тех двух букв и не продвигаются, но я сейчас за минуту все вам объясню, покажу.

Десять минут только искали коробку с каталогами Хельги, нашли среди уже погруженных, сняли, раскрыли, уселись кружком.

— Сравним хотя бы серии «ню». Вот тени веером, вот работа моего света, а вот ее...

Среди моделей Елены была и дочь: обнаженная Лиза держала перед собой африканскую черную маску. Банально? Но два подсветочных луча сквозь прорези африканских глаз так хищно падали на грудь дочери, что рождали ассоциации с каким-то изощренным жертвоприношением.

Нину в это время ошарашил звонок отца: возможно, они очень скоро переедут на Новорижское. Война с соседями шла уже два года, Нина с сестрами считала отцовы планы с переездом привычной эмоциональной разрядкой, загородным садомазохизмом. Варианты домов «на не Рублевке» обсуждались постоянно, видео вариантов эскизов и интерьеров прокручивались, словно некий сериал. Дочери и племянница поддерживали отца в необходимости «прорыва ленинградской блокады» с заботливостью опытных психоаналитиков.

И сейчас Нина сразу поняла, что дело не в каких-то особых достоинствах дома на Новорижском, двадцать какого-то по счету варианта. Скорее всего, градус войны с соседским сообществом достиг критической точки. Возможно, в этом виновата и она. Группировка соседей так и не отступилась: раньше соцсети гудели непрерывно о «двух проститутках — старшей дочери и племяннице строительного нувориша»... а теперь добавилась и младшая — «террористка, маскировавшаяся под панк-стриптизершу».

— Дом видел. Вам должен понравиться. Главное, соседи — из рода людей, а не бабуинов... Привет и спасибо твоему Егору.

— Комиссионные ему придут, как принято, от продавца, но и от меня будет подарок. Если все срастется. Да, манифесточки мои... сегодня до вечера всю вашу панк-гоп-ячейку обзвонит адвокат, которому вы сдавали заявления в Следком. Слушайте его обязательно, а по предварительному расследованию ни с кем, тем более с журналюгами, больше не говорите. Ни слова. Если не хотите на несколько лет превратиться в... звезд шансона. Вам тогда переформатироваться придется. Ты, Нинка, с подружками станешь «Воровайки-два», а пацаны — каким-нибудь «Лесоповалом»... А где это вы сейчас?

— Мы на даче у Лизиной мамы, помогаем переезжать.

— А-а... Ну куда ж там без вас! Прямо великое переселение народов.

— Па, мы тут все, и Елена Петровна рядом, мы твой юмор насчет лесоповала оценили. Я сегодня точно не вернусь.

— Смотри не надорвись там, грузчица. Целую.

— Так, артисты! Стейки разморозились, водка охладилась. Пусть вы и лжепанки-поганки, но я уже так погрузилась в ваши дела, сроднилась. Вы мне интересны, да и с Лизкой благодаря вашим выходкам четвертый день общаюсь плотно, да?

— Чтоб четыре дня подряд — рекорд.

Обе машины были от одной фирмы, и выход нашелся сам собой: полузагруженный грузовик остается здесь, водители на мини-вэне уедут, а вернутся завтра к... Линк оценила группу, настрой: к одиннадцати утра.

А «пена дней» разливалась, как на тематических вечеринках: в девять вечера приехал Артемыч, пьяный, да еще с Гийомом. Тут строгая Елена не могла ни выгнать, ни даже обвинить экс-супруга в мизерабельном цеплянии за ее юбку. Она ведь сама обозначила время отъезда: шестнадцать-ноль-ноль и заблокировала его номер, так что в девять вечера приехать и даже притащить соратника он имел право. Хотя ситуация вырисовывалась диковатая, даже абсурдная. Счастливый, чуть усталый от пьянства француз. Ректор (а куда его еще гнать с собственной дачи?) пьет-гуляет со своими студентами, причем именно с теми, что третьего дня объявлены террористами. Совпаде-

ние тотальное: все студенты, пьющие на даче ректора, — террористы, и наоборот: все террористы ММУЭФ — здесь, на даче, ни один не избег такой чести. Чего еще надо репортерам для заголовочных воплей?

Предчувствуя идиотическое продолжение, а может, просто повторение давешнего спора на бензозаправке, Егор процедил соседям: «Не удивлюсь, если сейчас и доцентик наш откуда-нибудь нарисует».

Лиза подхватила: «Да, Артемыч! Почему ты сегодня без своего боевого доцента-перехватчика?»

Ремизов и сам был не рад: конференция в его голове никак не кончалась. Тем же деревянным языком своего доклада и приветственной речи он отбарабанил: к доценту Марину они должны отнестись уважительно, благодарно. Ведь это он, отправленный проинспектировать репетицию, не доложил о сценических, так сказать, костюмах, то есть взял ответственность на себя...

— То есть взял на себя и переложил на меня. То есть... на ММУЭФ. И кроме вашего экотерроризма, на нас переложилась еще и статья двадцать девятая Кодекса об административных правонарушениях, «Оскорбление общественной нравственности». А может, и статья двадцатая, хулиганство...

Балансируя на лезвии презрения, Елена Петровна разъяснила бывшему мужу, что все концертные эксцессы, по двадцать девятой, по двадцатой статьям Административного кодекса, как по ступенькам, уводят их родную дочь от кодекса Уголовного. Кто решится шить терроризм этим лоботрясам? И твой Элик совершенно правильно не пресек, помог довести ситуацию до крайности.

— А, понял! Встречный скандал. Это как встречный пал, — разъясняя себе и другу Гийому. — У нас ведь пожары тушат только встречным палом. Минус на минус дает плюс...

— Артемыч, а где это вы сегодня так... с Гийомом?

— А представь, Лиза, у цыган. Буквально. Как у Толстого, Куприна, с цыганами... Помнишь, в кафе на бензозаправке Гийом рассказывал...

Вступил и француз:

— Да, в моей диссертации была глава. Ромена Роллана обвиняли, что он есть адвокат Сталина. А он отвечал: как еще можно править страной, где население сплошь герои романов Достоевского!

Егор Карпов томно-страдательно закатил глаза: пожалте, повтор бензоколоночного дурацкого разговора в полный рост!

— Линк, а есть у вас столики такие на ножке, высокие, чтоб нам стать вокруг? Мы уже три дня за такими болтаем, каждый вечер.

Осенняя сырость выгнала компанию из сада в зал, где три дня назад Елена с дочкой гоняли по паркету коробки. Ремизов поморщился, видя такое обращение к бывшей жене, перебивание речи друга, но Гийом необидчиво продолжал:

— Сен-Леви в «Фигаро» написал: Сталин подкупил «полезных идиотов» — Горького, Ромена Роллана, приказал назвать в их честь московские театры: «МХАТ Горького» и «Ромэн». А полезный идиот уже Путина, то есть я, покрывает эту коррупцию, а театры до сих пор называются... Мне опровергнуть этого очень глупого дурака несложно, есть справочники, хотя наша Википедия про «Ромэн» не уточняет. Я хотел сделать репортаж для Вал-Кеналь. Показать, какой Сен-Леви болван. Геннади позвонил, нашел операторов, мы поехали, записали репортаж. Есть же у нас под Парижем потомки Мари Павловны Кудашевой, второй жена Роллана. Пусть все посмеются. Сталин не приказал делать в Москве театр Ромена, это цыгане сами сделали и не в честь Роллана. Там и театр, и ресторан, такой везде суксе амбр...

Рассеянный Ремизов наконец уловил переглядывания панк-группы, сократил и режюмировал рассказ французского друга: «Трое ромэновцев увязались за нами в ресторан. Звонили своим, пришли или приехали еще несколько, спели, взяли вроде немного, но пили с нами много. Напихали визитных карточек Гийому, мне».

Зачерпнув из кармана, обронил. Лиза подхватила пару. Синей ручкой был подчеркнут номер телефона, зато остальные пять строчек латинских букв, цифр энергично перечеркнуты и поверх: «Дима, внук родной Рады Волшаниновой». На второй из дописанного запомнилось: «...Миша, цыганский рэйв...»

Видно, этого было не избежать: вместе с визитками Гийом достал и флешку, просительно протянул другу. «Очень большой смех будет, репортаж, ха-ха». Хозяин дачи помедлил секунду, но взял флешку, шагнул к телевизору врубил... Пестрый хоровод вокруг столов на втором этаже ресторана, Гийом весело выкрикивал «Роллан — Ромэн?», и все хохотали, а поодаль стояли бесстрастные, как кремлевский караул, официанты... «Тут можно сократить, дать наложение, голос за кадром», — пробормотал Ремизов. А Гийом заметно расстроился: пляшущие видеокadres, два седовласых филолога в кабаке, у афиши театра «Ромэн»: смеются искренне, но пытаются еще и — заразительно... Впечатление тягостное. Тщетные усилия любви к русской литературе. Посмотрев *такое* опровержение, парижане, наверно, решат: прав все-таки Сен-Леви — московский театр вправду назвали в честь «полезного идиота Роллана»...

Гийом сел, подперев седую голову, сверкая слезами и запонками. Утешали его Елена Петровна и Нина — пикник распался на фракции. Егор, Ренат и Лиза привычно спорили, Марина и Даша Юдины, уставясь в экран, почему-то продолжали следить за провальным телерепортажем. Вадим Браслетов, пренебрегая недавно присвоенной ему ролью «цементирующей силы группы», отрешенно развалился на полу, водрузив пепельницу на грудь.

Елена и Нина пододвигали Гийому выпростанные из карманов цыганские визитки, он обиженным ребенком отодвигал их.

Ремизов, прислонясь к дверному косяку, смотрел на сложившийся в его доме пасьянс в высшей степени отстраненно. За стеклянной дверью на садовой дорожке Егор и Ренат, беззвучно вскрикивая, толкали друг друга. Кажется, перешли на драку. Вадим Браслетов, подхватив пепельницу, подскочил, побежал разнимать.

Вернувшись, они сменили тему. Очередной видеозвонок: Павел Бек, шагая, показывал Нине дом, куда они, возможно, переедут. В кадре показались и... Егор Карпов гордо возгласил: «Ну что? Я говорил, никуда нам не деться от нашего доцентика и друга Коли... Смотри, Нинк, они там тоже бухают. Телемост значит, как у Познера...»

Ремизов представлял, как тягостны будут объяснения ухода жены. Беззвучные взгляды знакомых, переглядывания. Навешенная, хуже чем «Рогоносец», бирка: «Лузер». Архитектор рухнувшего дома. Красавица галеристка, светская дама и телеперсона в его карьерной системе, суммарном имидже значила очень много. Даже без любви, довольно было других связей, смыслов. Теперь о его крахе знают все читавшие, лайкавшие горячее интервью Елены. Знают даже его студенты, которыми она сейчас так увлечена. Неужели он занимал в ее жизни такое место, что образовавшуюся пустоту она сейчас затыкает целой галдящей бандой? Тогда, Ремизов, гордись — но вряд ли. Это из-за Лизы. Вот несет к столу тарелку бутербродов и бутылку, уж не сказать какую по счету. Энергично мирит двух подравшихся лоботрясов, что-то вещает, пьет с ними, и так все артистично. Ремизов заставлял себя вслушиваться в их споры — но понимания не прибывало.

«Карпов, наглец, еще морщился, заводил глаза: как ему надоели доцент Марин и Гийом! А сам — четвертый день передо мной болтается, несет ерунду. И если Лиза за него

собирается замуж — это сколько ж самонадеянной банальщины выльется еще! И подозрительно: чего это именно нашу дочь сделал Чацким? И столько негатива на роль стянул. Я, допустим тоже считал этого персонажа жалким болтуном, но не носился же с этим как великим открытием! А если он к Лизе подъезжал по расчету — вот и еще плюс моего свержения. Облом ему с тестем-ректором!»

15

— Лиз! Из-за чего Егор с Ренатом дрались?

— Не из-за меня.

— Так, может, из-за Нины?

— Ма, не дразни и не гадай. Мальчики у нас идейно перегруженные, конфликты только из-за этого. Мы все — в шлейфе. Хвост кометы.

— Ага, хвост виляет кометой. Глупыш ты еще, не замечаешь. Вспомнила. В гардеробе на втором этаже — старая моя шуба, песцовая. Я ее не укладывала, не решила: забирать ли? Поди возьми, отнеси своим кометам, под утро плюс девять обещали.

Лизину спальню отдали Артемычу с Гийомом, в родительской она сейчас болтала с матерью. На диванах гостиной — сестры Юдины и Нина, а мальчикам спальню придумал Вадим. Не желая смущать взрослых картиной привычного их общего лежбища, как на Лизиной квартире, они собрали все относительно теплое, мягкое и отправились в фургон, куда днем неспешно таскали коробки...

Подпрыгнув с шубой на плечах, Лиза стукнула по фургону. Вадим Браслет выглянул, мощно вдохнул ночной сентябрьской роскоши, подхватил песцов:

— Как раз мне. Посередке лежу, чтоб они не поцапались. Будут за краешками тянуться.

Вернувшись к королеве-матери на допрос, Лиза призналась:

— Четыре дня назад мы с тобой тут гоняли по полу коробки, а столько всего произошло, что я, честно, сейчас и не соображу: кто мы такие? Ты так в нашу панк-оперу вникаешь — даже неудобно: обманываем тебя, притворились музыкантами! Или мы притворились экологическими подпольщиками? Нинкин отец с адвокатом ловко нас убедили, но ты знай: работа на спасение планеты в нашей программе, привлечение внимания мира, взрывные акции — это все всерьез.

— Газопровод мечтаете подорвать, плюшевые террористочки? Небось спички скупали, головки срезали, складывали в пакет. И сколько насобирали?

— Смеешься. Сама же «художник-акционист». Между прочим, одну экоакцию мы все же провели.

— Боже! Взрыв нефтеплатформы в Мексиканском заливе — ваших рученок дело?

— А если, ваш-вел-ство, мы примем вашу иронию как подстрекательство и все-таки рванем газопровод — будете носить нам передачи с королевского стола? Та акция была настоящая, мы за ночь перекопали дорогу на мусорный полигон Козулино, грунтовая была. Вызвонили тележурналистов, пообещали экшен, скандал, позвали дачников, которые против той свалки три года писали. Репортаж вышел класс! Мусоровозки стоят, дачники орут. Помнишь, в июне прошлом ты спрашивала, откуда у меня волдыри, мозоли. Заметила!

— Тоже копала?

— А как же.

— Не боялись?

— Ха! Когда снимать начали, несколько дачников хвастались в телекамеры, что это они придумали и все сами перекопали... Мы стоим среди них, ржем. Депутат или оп-

позиционер какой-то местный тоже намекал на свою причастность. Нам телерепор-тажник даже замечание сделал: «Вот молодежь! Все им — только ржачка, а люди вон действуют, на протест решились... на перекоп!» Егора это очень поразило, возвращаемся домой — он все твердит Ренату: «Залп „Авроры“, побудка. Точка конденсации, нашего слияния с массами. Великие композеры гордились, когда их песни считали народными, и наша акция стала народной».

— Блеск. А музыка-то когда?

— Музыка сначала была сама по себе. Ренат диджеем подрабатывал, Егор в КСП, Клуб Самодетальной Песни, на кустовые слеты ездил. Но там такой мейнстримше, попса... «Как здорово, что все мы здесь...» и «Солнышко лесное». Бачурина, Ивасей никто не знал! Ега начал со злых пародий, а потом сочинил с Ренатом песню уже в нашу тему: «Нефть и кофе». Потом еще... А панк-опера сфокусировала все: наш ореол в университете, штаб-квартира нам отписана, аппаратуру держим, репетируем. Всю «студенческую самодетальность ММУЭФ» окучили мы. Егору с Ренатом — мозговой ринг, развитие, а нам всем — хорошее прикрытие собраний. Нам даже Артемыч помог, косвенно, пока мы ставили этот «голос поколения».

— Вот как!

— На большие экологические конференции, съезды, летние лагеря... он студентов мобилизовывал, массовость обеспечить. Сначала было в кайф, вместо занятий — автобусы, мусор в черные мешки где-нибудь пособирать полчаса, потом доклады послушать. Ректор, политики, еврогости, а мы аплодируем. Как на ток-шоу, только число массовки помножь на десять, а за участие: всем «зачет в зачетку». А потом смерть как надоело, хуже любой школы. Доклады, «принятые обращения к...», всегда одно и то же...

Это мы ввели в универе модное, мемное слово. Раньше «зачетный» шло — в смысле клевый, как «вау» и «ауф». А мы стали говорить: «Зачет тебе!», «Иди за зачеткой» — в смысле: «Отвали. Спорить с тобой не хочу!»

— Бедняжки, торговал вами Артемыч. Он же устный графоман. Значит, подгонит автобус студентов — ему партийный респект и читай полчаса свою ахинею? Два автобуса: в президиум садись и читать можешь час.

— Ма, а ты его... ну относилась к нему когда-нибудь по-другому?

— Обязательно расскажу про наш союз. Теперь как раз уместно. Обещаю на днях.

— Только не начинай, что я — не его дочь. Надоело, и сама вижу, зеркало не задумай, вон щеки лезут.

— Щечки можно знаешь как классно обыграть, ты сама виновата со своим косметическим нигилизмом. Доверилась бы и с причесочкой — я б тебя так отделила... Еще сама попросишь, не вечно ж такой ходить. Так чем Артемыч помог вашей «Манифестомании»?

— Я сказала: косвенно способствовал, даже в отрицательном смысле. Массовки, съезды, где мы торчали за зачеты, слушали по полдня все эти гаммы-арпеджио про глобальное потепление-загрязнение... Наслушались так, что все согласились: главное — отличаться. От них, от всех. Любой, но свой манифест! Артемычевы конференции нам словно знак дорожный повесили: «Тупик». Ренат сказал: так можно до похорон всю жизнь прохлопать «за зачет в зачетку», и Нинка сказала, что...

— Да-да, Нинка. Странно, ты ее не ревнуешь вроде.

Елена Петровна встала, подошла к трюмо, отыскала пачку сигарет, сделала круг по спальне, открыла окно, вышла в коридор, вернулась с пепельницей, оставив дверь полуоткрытой, присела на кровать и наконец щелкнула зажигалкой. В общем, без дополнительных реплик, молча сыграла момент, обычно обозначаемый фразой: «А вот с этого места давайте поподробнее...»

Но дочь вернула разговор к точке пятидневной давности, когда мать собирала вещи, сверяясь со списком, пинала по залу коробки, а дочь заводила, подсовывала ей на смартфоне веселый номер из панк-оперы.

— ...И скорей всего, Нинка у нас — самая. Талантливей и Еги, только... ударенная на всю голову. Теперь понимаешь, почему мы «с босыми грудями»? Манифестоманы против «вещизма», но ни разу не секта. А панк-опера «Горе от...» — того, что раньше считали Умом. И ты очень зря недоценила меру нашей искренности. И Нинка, когда к нам перевелась, петь согласилась только под заверения, что скоро у нас будут серьезные, всемирно-громкие дела...

— Вроде взрыва на строящемся газопроводе у деревни, как ее? Лиз? Идиотизм. И с какого дуба вам именно эта Кинселовка упала, Костромской области? Я, кстати, еще как в новостях увидела, решила: ну не может моя дочь с такими имбецилами связаться, это все — самореклама.

— Так решила? Уверена?

— А ты хочешь сейчас меня поддразнить? Намекнуть, мол, многослойная интрига? Да я еще до того, как Павел Бек со своими адвокатами все разрулил, навела справки. Никакой газопровод у Кинселовки не строится, там только ремонтируется...

— ...Правильно, модернизируется линейная газокомпрессорная станция. Это газетчики напутали, у них все — сенсация, вчера Киркорова шмякать, сегодня про газопроводы. Понимаешь, на газопровод покушаться — тухлое дело. Лежит себе под землей, метра три.

— Так вам копать — не привыкать.

— Все смеяться изволите. Накроют нас еще на полуметре, и что нам, бубнить: «Картошечку вот сажаем»? Там видок и будет: картофельный, репортаж бомжовый, ты как фотохудожник представь. Грязь, лопаты, и «Манифестоманы» — словно на пустыре или, правда, на огороде. И не докажешь никому ничего.

— А компрессорные? Наверно ж, как атомные станции охраняются.

— Они красивые. Лес Эйфелевых башен — громоотводы ажурные, высоченные, охраняют газ от молний. Под ними — витки громадных желтых труб и ярко-синих ангаров.

— Лиз, я только успокоилась, а ты снова, глазки вон загорелись. Вы что ездили? Видели ту чертову Кинселовку?

— Ега видел видео. Мы пока только фотки. А живьем смотрели Волховскую станцию в Ленобласти, она однотипна с Кинселовской.

— Фу, подпольщица, пугаешь родную королеву-мать.

Но дочь оборвала старую игру в королеву-фрейлину.

— Все-все-все. Зря я полезла, ты это не поймешь.

— Ишь ты! «Не поймешь» отчеканила: «Тебе не дано». А ты попробуй на ощупь подойди.

— Ма, ты умница, но все равно не поймешь. А если поймешь — не поверишь, что поняла. Сама себе не поверишь... Только не думай, что это — тягомотина «ваше поколение-наше поколение». Может, случайно так совпало, но ты, Артемыч и, вообще, ваше... — осеклась, чуть все же не произнесла «поколение», — вы же ничему особо не верите, не доверяете.

— Я? Мы?

— Знаешь, какой случай мне особо запомнился? Вы с Артемычем всегда цапались. Но однажды, помню, ты похвалила его, очень искренне. Золкины были у нас в гостях, и ты рассказывала, почему не за Жарова, а за... папу замуж вышла.

— Погоди. Золкины. Когда они к нам ходили, тебе же лет двенадцать было?

- Да, двенадцать. Понять ничего не могла — только запомнила. Поняла потом.
- Ну-ну.
- Золкин говорил, подшучивал наверно, что Жаров — поэт, гений, а ты — первая красавица, могла выбирать. А выбрала Геннадия, когда по границам начал летать... Международные экспедиции, конгрессы. Тогда ж вроде благосостояние держалось у тех, кто «в загранкомандировки» ездил?
- Ну, и?
- А ты Золкину возразила примерно: Я выбрала не из-за заграничных шмоток, магнитофонов — я зауважала его после Бразилии. Сумел себя показать.
- Так и все Артемыча оценили тогда. Потому и стал незаменим. Пустомеля, конечно, но ловкий дока. Фигаро.
- Ты тогда и объяснила, в чем он дока. Что когда экспедицию индейцы не пустили на болота, потому что никто не смог им объяснить цель — Артемыч один придумал. Сказал: идем молиться, несем жертвы болотным духам, да?
- Ну а как еще? Да, вспомнила тот разговор с Золкиными. Так я и сейчас скажу: молодец. Фигаро! Гийом его так назвал, и все вокруг...
- То-то, что все. Я прям вижу: профессора европейские хохочут, Артемыча хлопают, а рядом — дикари, неконтактное племя...
- Погоди, хочешь сказать: они их обидели, насмеялись?
- Мм-н-не ма... Понимаешь, вот они стоят перед профессорами, Артемычем голые. Но... готовы поверить даже в чужую веру! Плевать, что идолы их — обрубки деревянные, они же: верят в Веру. Ма, только умоляю, не обижайся, это ни разу про «поколения». Знаю, то была ваша реакция на застой, на Брежнева, «вранье КПСС». Вы правда не виноваты, просто ты же спросила, почему мы с Нинкой не ревнуем и зачем нам Кинселовка? И почему без косметики, с босыми грудями... Чтоб мне объяснить — это тебе нужно поверить. Хоть немножко. Что у нас не секта, не мода и что мы правда видим унылый тупик, куда ведет Гонка потребления. Через тридцать лет на нас может и глобального хавчика не хватить. Но даже если не сдохнем от загрязнения-потепления, все равно: скукота, глупая жизнь. Надеть-сожрать, что вчера прорекламировали, что мировые монстры подсунули. Реклама вообще — главная смерть. По ней и не заметишь, как прожил...
- Но погоди, твой же Ега сам спит и видит, чтоб раскрутить, разрекламировать свою панк-оперу. И газопровод взорвет, и атомную станцию, чтоб к ботинку Боба Дилана приткнуться.
- Вот ты и не веришь, что можно по-другому У Еги есть, он это называет ПИСК — Постоянное Искушение, Слабо Контролируемое. С Ренатом цапаются постоянно, пока сочиняют, спорят. Но как запишем пластинку, авторство будет строго общее: «Манифестомания». У нас все общим голосованием. Семеро — удобно. Нечет — решаем каждый вопрос, пункт. Только «за», «против», без «воздержался». Ега такую шутку придумал насчет «воздержания»...
- Не надо, не надо! Догадалась!
- Ты спрашивала про Нинку. Никто не подстраивается, настоящая демократия, то есть анархия, но за собой я заметила: голосую обычно после нее и почти всегда как она. У нее инстинкты самые чистые, обнаженные. Знаешь, есть такая фишка, следят за выбором ребенком еды и себе такую берут. Позавчера Двоицкий и еще один тип написали: Бек подняла группу революционным фальцетным вокалом. А ведь ее семья — это прямо: мятеж в осажденной крепости. Отсюда Нинкин ЦеЭрЦе, Ценный Революционный ак-Цент.
- «Самая богачка, дочь мультимиллионера — главная революционерка», — мать постаралась даже мысль-усмешку скрыть за поспешной затяжкой...

В коридоре послышались шлепки в сторону туалета. Походку Артемыча они знали — значит, это друг-француз... Елена не поднялась прикрыть дверь, но погасила свет.

— Да, мы готовы и газопровод — чтоб оставаться молодыми, не подбирать себе конторку, будущую работу. Мы ж в университете по анкетам — самые возрастные, с предысториями, переходами, академками. А я в «Манифестомании» — самая старая, двадцать пять. Ужас. Старше Еги.

— Так ты потому записалась в народовольцы, в Софьи Перовские? Ребята хотят музыки, заявиться, а оказывается, это ты их — в бомбисты?

— У нас у каждого есть причины для «Все позволено»... Ренат с Егой, они на «а тебе слабо?» зайдут еще дальше всех.

Елена ставила себе «в большой плюс» долгую выдержку пятилетней давности. Лиза тогда представляла себя кем-то, кем и объяснить не могла, бросила университет, настоящий университет, Артемычев ММУЭФ был потом. Фрилансершей с раскрытым ноутбуком обисидела все трендовые кафешки. Вольной блогерши, эссеистики не случилось. Не ночевала по несколько дней... Даже рисковая «Манифестомания» стала шагом в позитив: появилась цель, хоть какая-то. Цель. Даже много целей — эх ты, бедная деревня Кинселовка! Надо грамотно их перерулить, Бек, умница, покажет.

Навык галеристики, телеперсоны, парящей на восходящих пиар-струях, позволял Елене принимать, распасовывать и не такие информационные потоки, а в дочерином рассказе и было-то — постматериализм Егоровых манифестов да ее инь-янские перетекания страха-азарта. Но поверх дочкиных комплексов узнала и кое-что полезное для выстраивания дел с ее группой и, возможно, с Павлом Беком. Правда, главная «военная тайна» была выдана Лизой под их особую клятву, которую мать и дочь пока не нарушили ни разу.

Оказывается, модернизацию их компрессорной станции завершают в этом году две бригады. Двенадцать жилых вагончиков образовали мини-поселок с вагоном-столовой, туалетами, волейбольной, тренажерной площадками. Огорожен с трех сторон, четвертая — капитальная ограда самой станции с внушительным КПП.

— И когда строили станцию, и когда пристраивали городок-временку — не знали про старую дренажную трубу времен местной, начала пятидесятых годов войны с болотами. Забытая, неучтенная топографами, входы давно засыпаны, но... отсюда и «ноги растут»: в Кинселовку Егора отдавали бабушке, и он отлично помнил трубу, любимое место для прятков и «войнушек». Вход нетрудно будет открыть, а выход... Представляешь, как подлодка, всплываем, а кругом — Манхэттен!

— Ну копать вам не привыкать. В Англии были такие революционеры: «копатели», — мать прикрыла насмешкой полученную новую порцию испуга: вдруг обнаружить у своих «плюшевых» террористов, постматериалистических болтунишек контуры вздорного, но все же вполне реального плана. Елена под рассказ почти разглядела эти ограды, поверх колючую проволоку нового фасона, тягучими спиралями, вагончики, лес, заснеженное болото и отвал земли у разинутой пасти трубы и почувствовала: ее музыканты не успокоятся, пока не проползут по ней.

— Так, Лизк, что твоя Нина? Ты хотела же рассказать про ее ЦэЭрЦэ, Ценный Революционный ак-Цент, и почему ты ее не ревнуешь...

В отместку за насмешки над «копателями» Лиза поведала подробно, в самых сочувственных тонах историю про Нинкину драку, блестящую победу и удар затылком.

Посреди истории про Нинкину драку, переход в университет, странности Лиза, подскочив, выглянула в коридор. «Нет, не Артемыч. Показалось, наверно», — закрыла дверь и плюхнулась к матери.

16

Не показалось, но и не Артемыч стоял в коридоре, как бы задержавшись после туалета. Ректор ММУЭФ (через день-два «бывший») в это время носился по черным туннелям — ненадолго засыпал, а очнувшись, упирался взглядом в стенку с дочкиным плакатом: тесная дискотечная толпа, над ней перекрестья лучей, как на старых военных фотографиях, только вместо пойманного в перекрестье «юнkersа» — раскрашенный, в блестках парень «DJ Ренат». Самый приличный в дочкиной компании. Не то что их губастый заводила, мотающийся рядом. Все эти кошмарные дни — нахальные глаза Егора Карпова словно следят за каждым шагом. Зятек!? Словно нацелился нацарапать следующую панк-оперу про «крах ректора». Опять обкорнает какую-нибудь классику. Своего же не могут — только корнать. Что там есть похожее, «Анна Каренина»? Ремизов пытался вспомнить и не мог: у Толстого брошенного Каренина — еще и увольняли? Весь роман постоянные намеки: какой-то высокий пост был у мужа модной красавицы Анны — так его уволили? Чтоб рогоносец не порочил важное министерское кресло?

— Но что я все об этом панк-лоботрясе! Будто больше подумать не о чем. Например, о том, как объявить бедняге Гийому, что его друг Ремизофф не только не станет — «министр экологии России», но и вовсе возвращается на орбиту — хотя какая там орбита! — грязная проселочная дорожка журналиста. На орбиту его поднял как раз Гийом, которого недавно в кафешке так обхамил этот Карпов — тьфу, опять он! Лучше подумать, например, о сумасшедшей, но симпатичной Нине Бек и большом оригинале — ее папаше.

Опять длинный черный туннель. Сотню световых минут, лет Ремизов пролетел, очнувшись на том же месте.

— А ведь завтра Гийому надо как-то объяснить — чего дальше тянуть. Можно, особо даже не привирая, связать это с политическим моментом. Руководство страны и раньше не церемонилось с экологами. Киотский протокол подписали, но не ратифицировали. Теперь такая же игра по Парижскому соглашению. Считают, что на глобальном потеплении можно выиграть и всех объехать. Европейских зеленых они, конечно, опасаются, особенно германских, а тут — ба! — и Главный по планете из самого наибелого дома тоже плюет на угрозу парниковых газов, на поднятие среднемировой температуры на два градуса... Вот-вот-вот, версию увольнения надо будет вписать в геополитический ландшафт.

Гийом давно обещал помочь с издательством. «Гулливвер» может после выхода книги организовать и презентационный евротур.

Так, *«одной тягостно-кошмарной подмосковной ночью на дочкином диване, под ее плакатом с модным диджеем я решил, что...»* — постепенно версия своего краха перерастала в строки первой главы будущей книги.

А Егор с Ренатом спорили вчера, затем слегка дрались — действительно, не из-за Лизы или Нины. Выясняли: кто виноват в позоре-кошмаре? Очередная статья на сайте «Новый город» утверждала: «Манифестомания» вообще — рекламный трюк университета. Коммерческий вуз затягивает к себе абитуру картинками развеселой полнокровной жизни: «Учим, сессии сдаем. И чуть-чуть еще поем!»

Изощренное оскорбление заново ожгло манифестоманов крапивой по больному месту. Разбор «Горе от ума-2» заканчивался энергичным приговором:

«Ячейка благородных бунтарей, спасателей „зеленого мира“, притворилась панк-рокерами? Или наоборот? Нет! Их всех обул убогий университет. ММУЭФ двадцать

пять лет жирует на рекламной строчке: „Отсрочка от армии. Диплом государственного образца“. Ловит неиссякаемый косяк сельдей — оболтусов, ждущих продолжения „типа школы, но чтоб уроки начиналась не рано, и без контроля посещаемости“. ММУЭФ окучивает их тупых „предков“, скопивших два лимона на пятилетнее продолжение „Последнего школьного звонка, афтепати“. И чуть-чуть еще поем с отсрочкой от армии...»

Статья, перещеголявшая даже разнос музкритика Артемидия Двоицкого, была написана «Студент Горький». Странный, дурацкий псевдоним, почти в это же время мелькнувший и в разговоре Лизы с матерью.

— Хм! «Горький», а предложения длинные, как у Толстого.

— Егорка, не вилай, чувак правильно тебя прихлопнул, — Ренат продолжил читать: — «По драматургическому накалу — не панк-опера, а панк-оперетта. Или панк-оперетка, если уж им так любо прятаться за боевую приставку „панк“. Сочинял это, похоже: спичрайтер моего парикмахера. Он весь сеанс стрижки развлекает меня точно такой же ахинеей».

— Ренатик, есть и про тебя. «...А мелос второго сета — это будто Софья Губайдулина сделала ирокез и прибилась к „Секс Пистолс“, а ей там дали только маракасами потрясти».

— Просто из композиторов с татарской фамилией этот чайник только и слышал Губайдулину. А ирокезы не делают, а ставят.

— Что? Значит, если он цепляется к тексту, то — авторитет. А если к музыке — то чайник?

И через пять минут вышедших в сад «Спичрайтера-парикмахера» и «Губайдулину» пришлось привычно разнимать барабанщику Вадиму...

— Ну все-все. Было б из-за чего. Статейка-то подначная, сто пудов, вы подпись просекли?

— Псевдоним Горький?

— В Нинкиной академии помните фюрера-коновода? Кликуху его?

— Который приказывал им буквы с «лексусов» сковыривать?

— Да — «Горький»!

— Я его пару раз видел близко, дебилоид сферический, двух слов не свяжет, а в статье: мелос... септаккорд, каданс, лидийский лад. Даже профи Артемидий Двоицкий так не завернет. А тут — студент Горький! Кто-то это специально накропал, чтоб подписать кликухой того идиота и преподнести явно Нинке, она же с ним тусовалась. Тут самое подозрительное: Двоицкий Нинку хвалит, да и другие критики ее выделяют, мол — чуть получше. А этот Горький именно на Нинку и ополчился, «в ноты не попадает, ее Софья Фамусова — фальшивка». Явно же ради этого все и замутили, а вас с Ренатом, так, для связки слов. Подначка! А вы, бараны, толкаетесь. Елене Петровне вон астры чуть не потоптали. Пошли уже. Спать будем там, — кивнул на грузовик. — Я прикинул их комнаты, не с девчонками же вповалку в зале, предков смущать. Так что попросите у Елены одеял старых, на дачах обычно...

17

Пример отходчивости в группе обычно подавал Ренат. Закинув голову и подняв указательный палец (то ли указание на Всевышнего, то ли «Тс-с!»), он сначала еле слышно поскуливал, потом громче, громче выпевал «Нара-рам рам-там» новую мелодию. Потом переводил палец с неба на Егора, тыкая: «Ну!» — и текстовик, следом закатив глаза, выщеживал ритм, заменял «трам-там» на слова. Иногда свои, как «Нефть

и кофе», но чаще переиначивал из сундука классики. До Грибоедова они подбирались к другому Александру Сергеевичу: в Ренатовом мычании, а затем гитарном переборе Егор угадал бессмертный размер «Евгения Онегина». Осовременил конечно. О Татьяне его «Пушкин» пел:

Ей рано нравились соцсети,
Они ей заменяли все,
Она влюблялась, как их? — в эти
«Вау!», «лайки», фотки без трусов.

А эпоним великого романа, Евгений, отвечал:

Я знаю, век уж мой измерен,
Но чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
Что днем «добавите в друзья»...

И далее, об Онегине после его батла с Ленским:

Им овладело беспокойство,
Охота к перемене пола.
Весьма мучительное свойство —
Куда глядят семья и школа!

Творческий порыв тогда сбил Вадим, узнав, что «Евгения Онегина» уже пародийно переделывали. А «Горе от ума» никто вроде не пародировал, грибоедовские слог и ритм им нравились.

Два-три заводных потенциальных хита. А строгими гарантами «неисползания в попу» выступали обычно Лиза и Нина. Девчонки словно уже вкусили жизнь «поющих трусов» до полного отвращения и больше смерти боялись еще ста похабных лет — на эстраде или подиуме. Сестры Юдины смотрели на них как на «богинь», но в то же время в общем духе «Манифестомании» — как на товарищей по партии, которым при случае можно и кедем врезать. Чаще, прямо пропорционально градусу симпатий в популярном их выражении, врезали Нинке. Подруга, кроме драки в своей академии, вызывала полное восхищение: держала вместе с отцом фронт в тяжелой загородной войне.

18

Взаимная ненависть, война Павла Бека с загородной коалицией разгорелась с того дня, как он купил трехэтажный недострой на тридцати сотках у Николиной горы. Ощетинившиеся соседи часто звали себя «николиногорцы», хотя реально поселок был в трех километрах от той исторической цитадели РАНИС, где располагались дачи академика Капицы, Прокофьева, Неждановой, Ливанова, собаки Качалова...

Ну а социальный состав соседей (воришек-торгашей первой волны лихо-святых девяностых), что злобно-ревностно окружили «нувориша Бека», был на три световых года дальше от «николиногорцев» прокофьевско-качаловского поколения.

Может, чем-то дорог был им прежний хозяин, коллега, начинавший с кооператоров, но канувший вскоре после дефолта? А может, досадовали, что сами не осилили прикупить эти тридцать соток, но первый залп войны был точно не со стороны Павла Бека.

Бизнес девелопера более других зависим от имиджа: волны слухов, продажи квартир... Павел Русланович выдерживал давление с этой стороны, сплетни, замеры высоты заборов, приглашения кадастровиков, газетных и ТВ репортеров... Его больше напрягало, что дочери и племянница росли в атмосфере подглядывающей щеле-заборной ненависти.

Свою вину он чувствовал в том, что потерял много лет, надеясь в этой войне победить. Подвел азарт, бизнес-удачливость, когда-то позволившие Павлу войти в первую десятку московских застройщиков. Не сдержал он и презрения к «первой волне», начинавшей с кооперативов, вокзальных видеосалонов, платных туалетов, потом круто взлетевших на цветмете, карбамиде... потом расслоившихся. Кто-то из них шагнул и в миллиардеры, но среди его соседей таких не было...

Автокатастрофа, убившая жену с ее сестрой и оставившая у него на руках Настю-старшую, Нинку и племянницу Ингу, не дала гуманитарной паузы в этой войне, наоборот: подточила силы «гарнизона».

Инга и Анастасия... полетели по траектории кратко обрисованной родителем еще в кабинете Ремизова. Дальнейшее клубно-моральное падение обеих старших оставило в осажденном гарнизоне Павла Руслановича вдвоем с Ниной. Обстоятельная слежка недоброхотов и современные средства цифровых социальных коммуникаций не позволили скрыть гульбу Насти, пати Инги. Дегтем их ворота и забор не мазали: и жидкости этой уж нет, и давно в округе исчезли последние сельские рынки, где можно было купить пахучий бидончик. А главное, что обнулило *такое* применение дегтя, — появился Интернет и социальные сети.

Манифестоманов восхищал бесстрастный, почти равнодушный, исключавший малейшие приукрашивания тон, с каким Нина рассказывала о «битве при Николиной горе» (определение Павла Руслановича).

— Семен Борисович Ганин, сосед, который хотел было прикупить наш участок, написал несколько заявлений, что у нас фактическая площадь участка на две сотки больше, а площадь дома — на двадцать метров больше задекларированной. И организовал «авианалет», отец так выражается. Наслал дрон Росреестра. Сейчас таких много летает, а то дело было лет пять назад, правовая база еще совсем не нащупана, и были тогда очень удачные встречные иски по «вторжению в частную жизнь». И самый удачный был наш. Вы ж теперь знаете отца адвоката, с которым заявления по доследственной проверке писали. Лев Адамович, у него и команда целая.

И когда первый раз дрон к нам подлетел, отец мне крикнул: «Запри Настьку с Ингой! И сама не выглядывай». Хватает за руку Эмму, экономку нашу, и выбегает во двор. После смерти мамы отец не сразу, но стал заводить «еканомок», помощник таких, широкого применения.

А я что, я не выглядывала, конечно, но потом в Интернете были рассказы о том деле, даже слили фрагменты фотосъемки росреестровского дрона. Отец тогда с Эммой выбежали на самое открытое место, лужайку между домом и самшитовой аллеей, быстро-быстро разделись, полностью, легли на лужайку и начали обниматься. И где-то через месяц, когда «авианалет» повторился, отец все то же самое проделал... И с Лев Адамовичем — иск, вторжение в частную жизнь. Росреестры тогда адвоката тоже крутого наняли, защищались, говорили: это отец специально выбежал, что когда наш дрон второй раз прилетел — уже октябрь был, а они выбежали, разделись и ничего даже не взяли подстелить, то есть не для секса, а нарочно... Но наши устроили им просто офигительное Ватерлоо, прямо со схемами участка в суде: лужайка совершенно скрыта самшитовой аллеей и домом, соседям абсолютно ничего не видно, полное частное интимное пространство, практически спальня... а что холодная трава — это смотря кому

какие ощущения нравятся. Росреестру тогда даже штраф какой-то присудили, вроде небольшой, в пользу отца, и «налеты» прекратились, даже пешех не присылали. А в газетах были их объяснительные статьи, без указания нас, так, вообще, что, мол, «наше ведомство старается», что «частная жизнь и для нас — высший приоритет»... Так что и насчет наших «умыслов на теракт» Лев Адамович еще всем покажет.

— Блеск-блеск! — манифестоманы подхватили любимое словечко Елены Петровны.

— Толь чур, я вам как на духу, но и вы — чтоб не рыскать в поисковиках то дело, где папашка мой с голым задом. Пять лет тому было, но, наверно, где-то лежит. Ага?

— Зуб даю, Нинк!

И сразу после разнобоя энергичных клятв:

— Нинк, а после драки в академии тебя тоже Лев Адамович отмазывал?

— Из-за той овцы? Не знаю, может, отец с ним и советовался, но поехал и вообще все вопросы закрыл сам. Пять штук ее родителям и десять ректору за принятие на второй курс такой вот скандалистки... Ой, Лизк, прости!

— Да плевать абсолютно.

— Нет, Лиз, правда извини, забыла, ну... десять штук — ерунда, обычный взнос, не взятка... Это как марка на конверт. Ну что сделать, чтоб простила? А?

Совершенно против тотальной открытости группы, к общему удивлению, Лиза прошептала ей на ухо несколько слов, скорее вопросительных, — Нина кивнула. Еще шепот и еще кивок.

Многолетняя фрейлина капризно-властной королевы-матери вдруг остро ощутила себя «папиной дочкой», мысли об отце, уволенном из-за их группы, гасили все музыкальные планы.

А Нина и росла «папиной дочкой», особенно последние шесть лет, после смерти матери, чувствовала себя верным отцовым оловянным солдатиком, бойцом в осажденном гарнизоне.

В действительности был еще один пункт войны, напрочь отрезавший путь к миру. За той самшитовой аллеей, куда он вместе с экономкой выбегал изображать «частную жизнь», возвышался небольшой холмик, жена мечтала поставить там ротонду, небольшую круглую беседку. Где-то через год после ее гибели Павел Русланович мечту материализовал, но увенчал строительство поступком странноватым. Достал платья покойницы, купил парик, попросил Нину переодеться и, выведя на ротонду, сделал несколько снимков. Но в отличие от самшитовой аллеи, наблюдаемой только с дрона, за что и поплатился Росреестр — ротонда на холме была видна соседям, и уж они сделали снимков поболее, чем ностальгирующий девелопер. От них и поползла пахучая дегтярная, «кровосмесительная» сплетня, из-за пересказа которой словесная перепалка на лестнице Академии творчества-дизайна переросла в драку.

— У мамы волосы были золотистые, длинные. Настька вообще на нее больше похожа... Папа просто хотел увидеть, представить, как бы мама в этой ротонде сидела, стояла, читала книгу, для того и передел меня... Если бы не отец, не семья — я этих упырей размазала бы так... Полжизни потратила, но придумала бы, а не придумала — просто бы подошла, и плевать. Отец это знает, клятву с меня взял страшную, что я их не трону, даже не подойду к их забору, умолял меня вообще не думать о них. Такие мысли, говорит, душу иссушают...

Манифестоманы о той дегтярной клевете более никогда Нину не спрашивали. Чуткие, даром что в панки метящие чуваки. Хотя с тех пор благоденствие, даже сама продолжающаяся жизнь Нинкиных соседей стали для группы таким же нетерпимым фактом, как глобальное потепление, загрязнение океанов, применение ГМО — для экологов...

Двенадцать коробок из дачного эвакуационного списка в «студии» на Новослободской выстроили перегородкой, выделив, как она и поддразнивала Егора, комнату для гостей. Прочие привезли на Сретенку, в галерею «Модус», к Елене Петровне Свирской.

19

Принявший ректорство Илья Фомич Ломов действительно приказал снять портрет Тура Хейердала на второй день, так что профессорско-преподавательская общественность даже тщательно проверила биографию новоиспеченного — «на предмет возможных пересечений». Разумеется, абсолютный ноль. Викинг (сегодня его называли бы: реконструктор, косплэйщик), бороздивший океаны на репликах древних плотов и папирусных лодок... И студент-аспирант-доцент-профессор, проползший сто верст, проскакавший за ящерицами по пустыням СССР с сачком (как для бабочек, но побольше и попрочнее), — просто разные планеты.

Водруженный на освободившееся место портрет Климента Аркадьевича Тимирязева тоже сначала не добавил ясности. А когда докопались, что этот «депутат Балтики» был ярым противник экологии, даже самого термина, напряглись, озадачились. Но пока каких-либо репрессий, выживаний, склонений к самоувольнению не последовало.

В октябре в актовом зале показали фильм «Депутат Балтики» — мероприятие прошло без нажима: объявление на простом листке у деканата, старост не обязывали обеспечить явку. Сеанс был не вместо — а после занятий. Так что великий актер Николай Черкасов (как бы Тимирязев) в фильме Александра Зархи читал красным матросам лекцию и посмеивался над не принявшей революцию старой профессурой... под наблюдением всего лишь девяти случайно забредших студентов ММУЭФ.

За долгие годы проректорства у Ильи Фомича Ломова без всякой надежды на реализацию мелькали планы преобразования ММУЭФ, исправления учебных программ, кадровых несуразиц. Энергия настоящего дела, мощь настоящей науки — Биологии — должны вымести мусор десятилетий экоболтовни, горы «зеленых резолюций». Но первые дни, недели, затем и месяцы погрузили Ломова в какую-то странную прозрачно-тягучую среду. Как он понял со слов капитана Владимирского, с которым теперь виделись регулярно, последние резоны терпеть популяризаторскую суету Ремизова истаяли давно, еще лет семь как. Но видно, в этой тягучей среде плавал не только Ломов, и пустяковое кадровое решение все оттягивалось и оттягивалось.

Помог случай. Неуправляемая совершенно невразумительная группа «Манифестомания» сначала взбила пену квазитеррористической болтовней, а когда выяснилось, что это скандальная самореклама, устроила на международной конференции непонятное, но тоже вызывающее представление.

Парение в этой тягучей до неподвижности, бездеятельной клейстерной среде имело и общепринятое объяснение: текучка. Студенты набраны, обучение ими оплачено, у преподавателей — контракты. Даже бешеная энергия манифестоманов иррационально сочеталась с осенним сном ММУЭФ.

Например, случай, когда в октябре вдруг под портретом Тимирязева имела место микропровокация...

По коридору первого этажа тянется галерея портретов гениев-покровителей университета: Вернадский, Чижевский, Николай Вавилов, Бертран Рассел, а ранее и Тур Хейердал... Ремизовская сборная. Под каждым была маленькая ступенька, на которую в дни их рождения выставлялась вазочка с букетом. И никто из студентов до сих пор не задел, не опрокинул. Уборщица аккуратно доливала воду, так что живые цве-

ты стояли более недели, потом вазочка возвращалась в кабинет ректора. И вот 8 ноября на ступеньке под портретом Климента Аркадьевича Тимирязева, сменившим непоседливого викинга Тура, самовольно была поставлена... бутылка из-под пива «Балтика № 5», от которой тянулась лента с надписью «Депутату». Придаться было сложно: из горлышка бутылки торчали две красных гвоздики (пристойная для поминок четность), и даже вода была заботливо налита в зеленую глумливую емкость. Наверно, у них это зовется: инсталляция.

И полная тишина. Если цель: подстрекательство — можно спокойно утверждать: акция провалилась! Оружие или уткнувшиеся в гаджеты студенты на бутылку с гвоздиками внимания обратили не более чем на привычные ректорские вазочки — то есть никакого. С днем рождения Тимирязева (23 мая) выходка никак не совпала. Зато на эти дни начала ноября выпадало много дат, в основном трагических. Германская 1918-го и наша Октябрьская революции, Пороховой заговор Гая Фокса, «Стокгольмская кровавая баня». Далее: умер Вольф Мессинг, день рождения КВН (первый выпуск), ба! — а еще 8 ноября: *Пивной* путч Гитлера в Мюнхене.

Капитан Владимирский считал: автор провокации — Егор Карпов, тем более что в октябре на сеансе старого фильма про Тимирязева «аншлаг», семь человек, обеспечила неугомонная экопанк-группа. Но ректор в своем тягучем равновесии предпринял только одно: забрал бутылку, поставил в кабинете на окно и неделю, сколько продержались гвоздики, молча поглядывал.

И у «Манифестомании» течение дел или застывание дел давали схожий эффект. С одной стороны, интерес Павла Бека, суэта доцента Элика и друга Коли подтвердились, получили весомое оправдание. Павел Русланович купил-таки Колин дом на Новорижском шоссе. Рассчитался, точная сумма неизвестна, но комиссионные Карпову составили пятьсот двадцать тысяч рублей. Егор перебросил их, разумеется, в общую кассу группы. «Общак» манифестоманов, вполне в современном духе — была банковская карта, «пароль», пин-код знали все семеро. Обычно отдавали ее тому, кто получал задание купить чего-нибудь для группы. Уж неизвестно по какой причине (кажется сестры Юдины с Браслетом были в отъезде, а у Егора не было при себе паспорта) карточку летом открыли на Нинку Бек, так что если б кто-то захотел методом «меченого атома» проследить движение суммы, получилось бы занятно: Павел Бек — «другу Коле», «друг Коля» пятьсот двадцать тысяч рублей — Егору («комиссионные»), Егор — Нине Бек.

В день солидного прихода спор о расходовании полумиллиона шел долго. Хотелось вроде и усилитель «Вокс», и микшерский пульт, чтоб не зависеть от университетского, и микрофоны «Beta 58A», и барабаны «Перл» или заказать профессиональный видеоклип. Реализация всего списка желаний потребовала бы продажи еще трех таких домов и получения комиссионных, но не разница доходов-расходов гасила споры. Все упиралось в вопрос: «А что вообще дальше-то делать?»

Манифестоманов постепенно забывали во всех качествах, даже в том, наибоуднейшем: «Учим, сессии сдаем и чуть-чуть еще поем». Вакуум, тишина. Злость и тоску, вялые споры об аппаратуре, «укреплении материальной базы» суммировал Вадим Браслетов: «Так что пульт и барабаны покупаем или все же взрывчатку?» Злились даже на адвоката Льва Адамовича. Ловкий ход, избавление от «тюремных стен» оборотной стороной выдавал: как же легко было их переформатировать, перевербовать.

Ренат Галямин подытожил: «Мы — пластилин. Смяли террористов, вылепили артистов. Ега себя тешит: захотим, мы можем быть и теми и этими. А я так думаю: мы ни те, ни другие. Семь сосунков-переростков в поисках хобби. Лизка, может, на балльные танцы запишемся?»

Павел Бек репутацию эксцентрика, возможно, и лелеял... в определенных кругах. Ему, например, очень понравился ужас в глазах Ремизова в дни доследственной проверки. Но его партнеры, поставщики, банкиры, конкуренты сквозь все закидоны войны с «николиногорскими старожилками» видели мощный скелет бизнес-акулы и его осеннюю покупку вовсе не посчитали блажью. Дом на Новой Риге? Просто схватил на лету выгоду момента, нагнул по цене разорившегося туристического барона. А свое собственное «николиногорское поместье» он, конечно, и не думал так же спешно, дисконтно продавать.

Крупные операции персон уровня Павла Бека в тайне не удержать, но вражины соседки, отследившие покупку на специализированных сайтах, зря потирали руки: «Выжили нувориша на его *нуворишское* шоссе». Бегства не последовало: Павел Русланович, возможно, готовил эвакуацию, размышлял о возможных покупателях, о деталях финального удара по беззащитным мерзавцам. Тут бизнесмен и эксцентрик совмещались самым невероятным для кого-то, для Бека — органичным образом...

Викентий Аполлинариевич Успенский, из потенциальных покупателей, навел справки. Война на этом дальнем «горном отроге» Николиной горы его смутила. Не буйный же когалымский нефтяник, а тихий культурный москвич в пятом поколении, кандидат-филолог, а ныне — банкир, желавший покоя для растущей семьи, Успенский поделился своими сомнениями.

— Кто это сказал, Семен Ганин? О моей скромной персоне? — Ганин, вызывавший дроны Росреестра, был глава антибековской коалиции. — Дорогой Викентий Аполлинариевич, да сделайте милость, не затрудняйтесь мне и передавать. Представляю все его аттестации моей скромной персоны. Но полагаю, чаяниям спокойной жизни вашего драгоценного семейства это ни в малой мере не воспрепятствует. И в случае благополучной конъюнкции наших упований вы несомненно сможете убедиться, лицезреть это самолично... — Бек перевел дух. Викентий Аполлинариевич чувствовал говор старой Пречистенки, лишней раз убеждаясь: всегда лучше вести дела со своего поля ягодой. — Сможете лицезреть действие закона инь-ян, то бишь диалектического перетекания. Чем хуже мои с этими господами отношения, тем радостнее они встретят вас. Так что, не обинюясь, вы уверьте их, что я крупно задолжал, что ваш банк мощно ступил мне на выю... И Бек продал сие жилище — с душераздирающим дисконтом! А я пока и далее поспешествую, чтобы они с особым, особым нетерпением ждали вашего приезда и моего, стало быть, уезда. Черный-белый, диалектика...

20

— Дотопали. Вон тот домишко? Сталинский вроде.

— Да, он... Ега, не удивляйся, будет одна просьба. Нет, лучше — приказ.

— Конечно, лучше. Позвольте, ваш-высочс-во, угадать? Поскольку я сам набился в гости к гениальному поэту, да еще с опцией чтения ему манифестоманских стихов, я должен терпеливо сглотнуть любую оценку, какой бы ужасной ни была. Никаких других тем не поднимать, «вопрос вправо, вопрос влево будет считаться попыткой покушения на гения». Ты, Лиз, не бойся. Я буду паинька.. О'кей?

— Ладно, я домофону, ноль сорок девять.

И молодежь времен студии «Зеленое кресло», и «зубры-критики» в несчастных рецензиях поэта Игната Жарова даже в самых горячих похвалах с Пушкиным не сравнивали, но... одна деталь все же объективно роднила его с заглавным персонажем Пушкина.

В самом начале золотого романа нашей литературы сказано о Евгении Онегине: «Всевышней волею Зевеса — наследник всех своих родных». Игнат принадлежал к тому сословию москвичей в пятом-шестом поколении, что сегодня и при самых мини-

мальных сноровке, деловитости, трудолюбии могут совершенно не беспокоиться ни о куске хлеба, ни даже круассана, поедаемого где-нибудь на родине его производства, «под каштанами, с прекрасным видом на Пляс де...» и т. д.

Игнат Васильевич Жаров, вдогон за родительской, через несколько лет унаследовал квартиру деда, потом комнату тетки, потом квартиру и дачу двоюродной сестры (кузины, возвращаясь к языку «Онегина»). Квартиры в центре и дача в Малаховке сдавались, продавались.

Правда, математически необходимым условием этого благоденствия было «сужающееся воспроизводство», грубо говоря: поэтапное вымирание, демографическая пирамида. Осознание себя на ее вершине, возможно, и придавало лирике Жарова «элегичность».

Приказ Елены Петровны Егор выполнял беспрекословно, как саперную инструкцию по обезвреживанию мин. Скорее, одернуть надо было Лизу, посматривавшую на Игната слишком... странно, ощупывая взглядом. Егор втягивал, впитывал информацию, а Лиза более разглядывала говорившего, его комнату, переглядывалась с матерью.

— То, что мы, девяносто девять и девять, начинали с поэзии, естественно для русской литературы. Драматурги, эссеисты, критики, прозаики — все начинали со стихшков. Поэзия помогает почувствовать язык на прочность, упругость... Но вот потом, под перестройку с нами всеми случилась метаморфоза уникальная: все стали яркими защитниками чего-то! Памятников, детей, природы, памятников архитектуры, северных рек, животных, церковных зданий, родного языка... И все защитнички быстро обрастали сторонниками, издательствами, журналами, фондами, университетами...

На «природе» и «университете» было проставлено ударение — но благородно-легкое, так что подразумеваемый виртуальный Гена Ремизов проплыл под высоким сталинским потолком легким облачком.

— А вы? — почти перебила Лиза, так, что внимавший Егор оглянулся.

— А мне, увы, подзащитных не досталось и охранять осталось лишь собственное поэтическое эго.

Елена Петровна наблюдала молча, собирая заметки для последующего вразумления дочери. В прошлом разговоре она сочла, что дошедшей информации достаточно для ответственного вердикта: «Твой Егор — злой хитрец, свою жизнь с ним надолго не связывай».

Лиза успокаивала мать: в их постматериалистической панк-банде на брак смотрят «не как ваше поколение, не фатально». Посмеялись, покаламбурили на тему фатальности, рока-фатума и новобрачной фаты. Спуская на тормозах, Лиза сообщила, что ранее она встречалась с Браслетом, с Вадимом, «и как видишь, у него с Егой все норм, без дуэлей».

Елена мучительно думала, как объяснить дочери, что лучше бы ей отказаться не только от брака прошлого поколения (долгого) и позапрошлого («вечного», с венчанием) — но и от их, «панковского», что бы это ни значило.

Наблюдала, как вежливо Егор дал Жарову высказать все обиды на собратьев по перу и перешел к просьбам. В журнале, где Жаров был замглавреда, просил опубликовать статью-манифест, свод взглядов, требований своих единомышленников. И еще — подборку стихотворений. Подумав, покосившись на кипу листов («Похоже, манифест»), Игнат предложил прочитать пару стихотворений. Егор встал, одернул пузырявшуюся толстовку, убрал вправо занавеску каштановой челки и пару раз кашлянул.

— Егор, может, табуретку принести?

— Спасибо, Линк, лучше фужер коньяку, — парировал Егор и объявил: — «Знаки соблазна». Эпиграф: «Что наша жизнь? Театр! — неизвестный английский драматург семнадцатого века».

И с секундной паузой загромычал:

Что лучше: донимать измором?
Иль разрубить одним ударом?
Ты назовешь меня позером —
я назову себя гусаром.
Театры войн, шитье мундиров,
дворянских дочерей розан и вальс-турниры.
...Но лишь одно тряпье в подвале.

Похоже, роли расхватали.

Швырну в картину помидором,
и будучи еще не старым,
в трагедию шагну из хора,
двадцать седьмым Бакинским Комиссаром.
Лже-Самозванцем, гастролером...
Плевать: «Макбет» или «Сталевары»!
И задом повернусь к суфлеру,
Ликуя, переврав Шекспира.
Все прочь! И под руки, с позором...
Ступеньки,

снег...

осколки мира.

И ждать еще дразнящих знаков,
меж мусорных валяясь баков.
Что хуже? Взять одним напором?
Иль нудно промышлять базаром?
Ты... назови меня Егором,
я назову тебя — Гайдаром.
Над надорвавшимся мотором
вильну прощальной стружкой пара.
Что наша роль — при свете дня?
Писатель! Обмани меня.

— М-ммм, — подвесив паузу распорядителя казни, Жаров, словно в борьбе с собой, протянул, стилизуясь под девятнадцатый век: — Аллитерации недурственные, «швыррр-ну, в карр-тину помидорром». А Шекспира вы прозвали неизвестным английским драматургом, полагаю, в честь нынешних споров об авторстве? Что это все Френсис Бэкон и граф Ратленд за него...

— Да, — радостно подхватил Егор, — если неизвестно, кто писал, значит, «неизвестный».

— Что ж, вьюнош, давайте второе.

— Это из нашей панк-оперы. «Нефть и кофе». — И после контрольного откашливания, уже не по-маяковски, рокочуще, а тягуче и томно запел:

Южное солнце свернулось в обугленном черном зерне.
Мезозойское солнце — кровь ящеров, дремлет на дне.
Нефть и кофе —
в чашке, барреле, рюмке и штофе.
Пусть лелеемый «средний класс»
перебивается с газа на квас — мы пьем Нефть и Кофе.
Это дороже всех философий...

Арабские ночи, гаремы, курсы и цены.
 Мне баррель эспresso и брент двойной заварите покрепче.
 Лизинг-франчайзинг, крекинг, кофемашина,
 дурман бензина и капучино.
 На дне — мазут и кофейная гуща: мечтать и гадать неумощим.
 Ап! Кофе пролился, и танкер разбился на скалах.
 Бурнус испачкан... и море. Какая жалость!
 Рыб и медуз — воскресить! Вымыть спины тюленям.
 А Гринпис? — Что Гринпис? — Дать немножечко денег...
 Опекун топ-моделей, после конгресса ОПЕК —
 приятный в общении человек,
 хоть немного и прессой покусан.
 Завитки черных струй желанней Уитни Хьюстон.
 Черной стуженки кудряшки струек не поминайте лихом и все...

Второй раз держать мхатовскую паузу — банально. Жаров похвалил, а Егор сразу разменял похвалу на дополнительный, как в казино, жетон. Игнат разрешил «пару стихотворений», а Егор объявил, опять сменив интонацию: «Всегдао... Дао воды постпенсионера».

Текучая среда, вода-вода,
 Где якобы родилась жизнь, которая всегда.
 От крика акушерки: «Воды отошли!» —
 Сквозь влагу детства — в старость, и долой с земли.
 Зародыш бедный, с жабрами и плавником,
 Тебе лишь девять дней лежать ничком
 И в путь по млечной Окиян-реке,
 И разговор — на вновь понятном языке...
 Вокруг креветки-краеведки и морской конек,
 В их безразмерном колыханье путь далек.
 Ты в этой оптике и всехный, и ничей —
 Совсем иное преломление лучей.
 Когда-то учреждал АО и ООО,
 А тут и не понять: вода ли? Аш-два-о?
 Уже не бьется, не горит, не тонет —
 Гуляет экипаж на беспилотном дроне.
 На годовщину заказали службу: Слышал звон?
 Оплатит всем Постпенсионный фонд.

Опасаясь, что похвала обернется еще одной «призовой игрой», Жаров сдержанно покивал: «Понимаю-понимаю. Они там, — кивнул вверх, как на бога или начальство, — придумали „предпенсионеров“, а ты, выходит — „пост“. Жестковато... Что ж, приходи ко мне в редакцию, в четверг. У Елены спросишь, как добратся».

Елена кивнула. Прикидывала: «„Перетягивание каната“ с этим типом будет тяжелее. Егор — парень, кажется, небездарный, держится уверенно. Жаров в своих стихах строг, если не послал — значит, мы имеем дело с даровитым себялюбцем. Растиньяк-то — с идеями. Тем хуже для Лизки, проедет по ней танком... Но неужели я не справлюсь?»

Егор, дождавшись полупрофессионального разговора, уже раскладывал пасьянс из листов манифеста, энергично комментируя. Елена прихватила дочь на кухне.

— Замечаешь, Лиз, как он цепляется за старших, вип-старших? Ступеньки для него.
— Цепляется за ступеньки? Тогда это веревочная лестница.
— Видела же, как он Нинкиного отца обхаживал. Сейчас к Жарову ключики подберет.
— Ему это для развития, но не в тупо карьерном смысле. Он те, риэлтерские деньги все на общую карту группы перевел. Ему идеи надо выверять, мы же все собрались — литературочейные, кроме, наверно, Браслета. Мы все, простите, ваше величество, какаем буквами. Если б не музыка и если бы не экшен, шанс сделать что-то реальное — ноль. Себя представим после тридцати — брр! — тошно. Но пока бам-бам-бам в ушах ритм, драйв: не так страшно.

— Глупенькая. Дети, дети — лучшие пилюли от страха, за-себя-страха. И годы уже не так тошно считать. Только Егор, поверь старой королеве, совсем не твой человек... Растиньяльников.

— Кто-кто?

— Пока он Игната обхаживал, я вспоминала и Достоевского, которого он не терпит, и Бальзака даже. Совместила двух героев, получился коллаж, портрет твоего Еги. Проныра с идеями, Растиньяльников... Пусть он окажется и талантливой Артемыча, что в общем несложно, но все равно — радости тебе будет мало.

— Ну что за мания: всех сравнивать, постоянно вести хит-парады. Кто талантливей? Игнату, вон гляжу, присужденное тобой первое место, похоже, не принесло счастья, глаза вон — оловянные. И что, папа был такой уж неталантливый? Не знаю. Но уволили-то его из-за нашей группы!

В каждом предложении зрели семена если не бунта, то недовольства маминой монархией. Сомнение в нужности ее «рейтингов», подчеркнутое «папа» вместо давно утвержденного титула Артемыч.

«Принять к сведению, обдумать. Речь о судьбе моей глупышки».

— Лиз, ты всегда признавала, я людей чувствую. Хуже нет, чем оказаться ступенькой, одной из ступенек для этого Растиньяльникова, поверь. Слушай, а как тебе Ренат? Я замечала, он так на тебя посматривает! И красавчик. Откуда у татарина такой греческий профиль, не знаешь? А вдруг он по маме м-м... Теодоракис? Только бороду-усы не разрешай ему отпускать, выйдут жидкими, как у Хоттабыча. А? Ренатис Теодоракис? Потому и музыку так лихо пишет.

— Или Ренатис Вангелис? — с прежней готовностью юная фрейлина подхватила забаву королевы, добавив фамилию популярного грека-композитора своей, рокерской эпохи, но быстро осеклась:

— Ма, ну ты что, всю группу будешь перебирать? С Вадимом я была, Егор не пришелся, значит, Ренат. Егор, он просто планирует шаги. Может, и выглядит: расчетливым, но это расчет за всех нас. И если подозреваешь, что и я ступенька — так ведь теперь я не дочка ректора.

Елена лишь повела бровями в сторону комнаты, откуда доносились энергичные пассажи Егора.

— Ладно, Лиз. Понесли... коньяк и два чая поэтам! Так, Егорушка, «Метаксу» мы поставим на твой манифест, припечатаем.

21

— Лиз-за?! — Артемыч едва верил глазам, одеваясь на ходу, жестами, бормотанием направляя дочь в гостиную.

Но Лиза, уклоняясь, прошла в кухню. Хочешь понять характер текущей жизни мужчины — кто/что, кроме кухни, сдаст тебе всю информацию? Шеренга кухонных столов-полок, степень чистоты раковины, плиты, пола, расстановка стульев, диван, на-

тюрьморт с бутылками и газетами, пустая салфетница выдавали холостяка на средней стадии одичания.

Жалость выбрала форму комка в горле, несглатывавшегося — хоть запивай.

— Пап. Ключи у меня остались, позвонила — а то вдруг ты тут... в веселой дамской компании.

Ремизов ответил лишь минутами суетливой приборки, совмещенной с чайными хлопотами, полупьяными вздохами. Дочь, считавшаяся почти унесенной злою королевой, хотела ему помочь, но железная тяжесть облила ей руки, только и хватило сил водрузить торт на середину стола. Глаза резало у обоих.

Если б их душевная связь, взаимопонимание были стерты полностью, цель внезапного визита дочери показалась бы сугубо прагматичной. В ее распоряжении была неиспользуемая мамина «фотостудия» на Новослободской. Голостенная однушка с бывшей Доской почета устраивала их с Егором, но Егор совсем не устраивал маму. «До выселения дело, наверно, не дойдет, но неприятные моменты возможно, будут», и Лиза пока «чисто для подстраховки» приехала спросить отца, можно ли будет им пожить у него в эти моменты.

Но по каким-то обрывкам семейных проводков до Ремизова все-таки дошли сигналы: дочь захотела проведать, попросить прощения за годы врозь, «в свите королевь-матери», в экопанк-группе, доведшей его до увольнения... Внутри царапались жалость к отцу, собственная жалкость. Лиза дзинькнула своей рюмкой о его, дрожащую.

— А мой евротур, лекции, заказ на книгу еще не исключены, да-да, я еще... Только бедолага Гийом должен у себя разобраться. Дурацкая история тогда запуталась после конференции, пьяного репортажа из фойе театра «Ромэн». Сен-Леви так потом язвительно расписал наши огрехи. Теперь, кстати, еще больший процент французов верит, что Сталин и правда назвал театр в честь своего «полезного идиота» Ромена Роллана и что Гийом Панш полезный для Путина и своего давнего московского приятеля, меня то есть. Но больше им европейских зеленых дурачить не удастся. Так примерно пишут, и еще Кремль недавно сменил приоритеты в своей экологической повестке. Такие дела.

Не было же особо теплых отношений, и вот... Смирненное согласие отца принять блудную дочь, да еще с Егором, главным, что б там ни вытворил друг Гийом, виновником краха его ректорства, карьеры, неудержимо выдавливало слезы...

— Па, а расскажи про тот ваш кружок, «Зеленое кресло».

— Студия, доча. Наверно, мать с Игнатом изложили тебе свою версию... И знаешь, доча, я, пожалуй и не возражу. Игнат был правда главный гений, а я бездарь. Может, и не самый главный, нас все же человек тридцать было. Но, доча, неважно...

Видно, Ремизову и правда неважно, главным бездарем он был или не самым — сейчас важнее было вставить в речь как можно чаще слово «доча».

— А как понесло меня по экспедициям международным, конгрессам... сегодня не помнят, что значило: загранка, валюта, магазины «Березка», престиж. А бедняжка Елена помнит. Ей и досадно ужасно: вдруг подозревают, будто она, возвышенная, выбрала не гения Игната, а меня — из-за того... Хотя ты ее уверь, скажи: мама, я не считаю, что ты выбрала папу за заграничные шмотки! — всхлип.

Пьяненькие слезы сменились тонким смешком. Склонив голову к столу, поднял папец: мол, погоди-погоди, сейчас объясню.

— Подумал сейчас: диалектика! — если не считаю, что меня выбрала за карьеру, значит, уверен в других достоинствах? Каких-то. Доча, расскажешь потом, если она ответит? Ты сегоднечка останешься? В комнате твоей все как было, белье найду. Тебе не рано завтра? Тогда еще расскажу напоследок, как в «Зеленом кресле» меня на смех подняли. Ты же про студию спрашивала?

— Ага.

— Затеяли однажды определять лучших поэтов. Из современных, живых. Голосованием.

— Вот откуда пошло. Она постоянно все по рейтингам строит. Вообще, забавно: встреча родителей в поэтическом круж... студии. Я, значит, родилась, как Афродита, из словесной пены. Вот и тянет в стихию. Извини, ну и каков был ваш хит-парад? Сравню.

— Значит, мм... Бродский, Кузнецов Юрий, Иван Жданов, Еременко... за порядок мест не ручаюсь, Соснора, Парщиков и Жаров, конечно... А я в высокой поэзии был — девственный. Засмеялись, кто напоказ, а многие скривились искренне.

— Игнат, мама?

— Конечно. Тонкий вкус.

Жалость заразнее оспы, холеры, начала Лиза со сдающего, сдающегося отца и вспомнила себя, стареющую, в двадцать пять — с претензией на тинейджерку. Казалось, злобный памфлет Двоицкого направлен именно в нее: пенсионеры ммузфовского значения, лжепанки...

— Думаешь, доча, я гордо отстаивал свой убогий выбор? Нет, потихоньку изучал их, Елены, точнее, критерии, карту предпочтений. Поэты есть великие, метафизические, непонятные, сначала их называют «поэты для поэтов», потом расцветают они в массах, проясняют свое величие. А есть — текущая попса, как «Ласковый май», слышала такую группу?

— Н-неа вроде.

— Вот. А раньше было — не заткнуть.

— На вкус и цвет...

— Не, доча, тут не вкус. Мне Елена Петровна мою бескрылую поэтическую бездарность доказала — как уравнение решила.

— Манипуляторша великая, да. Ну какие тут могут быть доказательства?

— А как в Библии Иосиф: сначала угадал сон фараона, а потом объяснил. Потому что угадал — потому и объяснению поверили, а насчет меня она угадала точно. Сказала, что мне никогда не может присниться ничего, сверх естественных законов физики. Я удивился, потом повспоминал — и точно! У меня вообще очень редко сны бывают, но если и случалось, то строго — как продолжение обычного дня: позвонить, договор подписать... Полетов, там, превращений, фантастики, короче — ноль абсолютный. Ну разве что приснилось, будто Рособрнадзор закрыли, но какое это чудо? И такой сугубый реализм сновидческий — по версии Елены и доказует мою бездарность. Пришпилила. Но сейчас...

Лиза чувствовала: ради этого «но» и выдвигался ящичек мемуарного комода.

— Что «но сейчас»?

— Как ты приехала, вот как мы с тобой заговорили, хорошо так, впервые за...

— ...Много...

— ...Лет. Мне и вспомнилось — один его стих, стенание. Погоди. Та-та-та... Страшно между тем быть понятым, но так превратно всю жизнь писать совсем понятно, уйдя непонятым совсем...

— В смысле, кого стенание? Евтушенко?

— Да. А я сейчас верчу в голове, примеряю: какой это ужас «уйти непонятым совсем». Или, может, — экс-ректор надолго задумался, — во мне особо и понимать нет чего, нечего. Но тут и следствие есть, как у теоремки: я ведь и сам никого особо не понимаю. Первая оболочка, у всех схожая, ее вижу. А глубже: черный ящик, гроб. Вот и твою группу, панк — хотел бы, но не понимаю, честно. Для чего вы? Неужели правда, от скуки?

Лиза вспомнила отца на невероятном экспромтном пикнике, в кафешке бензозаправочной. Ведь недавно! Уверенный, такой весь — центральной, энергичный, все нити, струны натянуты. Бравировал всеохватным пониманием, с той маркитанткой Зиной будто вальсировал...

— Только чувствую, доча: эти непонимания как-то связаны. Может, они вообще — одно! Твое непонимание и непонимание тебя. Чужая душа потемки, но и своя — сумерки. Не в смысле там: тайны во мраке! — а просто темновато.

Краткая мысль мелькнула у Лизы... словно школьная подсказка безнадежно застрявшему у доски: «А в твоей теоремке вместо слова „понимание“ можно подставить и „любовь“!» Но промолчала, глядя на тоскливую холостяцкую кухню, а более вдруг испугавшись и своего неперемного когда-нибудь «вызова к доске», неизбежности и собственной «теоремки»... Кто все-таки этот Егор, с которым она поет в группе, лепит экологический заговор? Живет больше года в материнской студии, теперь потащит в отцову квартиру — кого, если вдруг задуматься? И зеркально: а кто я для него? А если понимание равно любовь, то откуда мать так его знает? Точно предсказывает его поступки, объясняет? «Растињак с топором» — не ради прикольных же кличек-словечек она его так?

Уяснив, как крепко дочь увязла в этой странной группе, Елена решила следовать старому армейскому правилу: «Если пьянку нельзя отменить, ее надо возглавить». Увести — умница Бек, придумал! — как можно дальше от завирально-экологических выходов в сторону, пускай и панк-рока.

Объявила манифестоманам: «Я буду ваш штатный фотограф и ваш Брайан Эпштейн». Светская дама с обширными связями начала свою работу с забавной дилетантской ошибкой: «У подружки Хельги муж — редактор на радио. Я вас познакомлю. Какое радио? Популярное, эф-эм. Называется... погодите, м-м, радио „Морфей“».

Страхивая апатию группы, организовала фотосессию в своей галерее: «Для обложки вашего будущего альбома, постеров, буклетов». Привезли гитары, барабаны, ультрапанковский прикид. Бродя меж позировавших манифестоманов, ставя свет, Елена будоражила, внушала:

— Вам срочно нужна новая программа. «Горе от ума» пока отставьте, потом подотредактируем, сократим. Да, Егорушка, сократим занудные споры во втором, третьем сете. Сделаем хорошую видеoversию «Горя», но сейчас — пишите новую.

— Как, Линк, вот прямо встык сразу сочинять новую? Разве возможно?

Подкрепить установку каким-то авторитетным для них рок-примером Елена не могла. Помнила, что «Секс Пистолз» выпустили вообще только одну пластинку, а с какой интенсивностью сочиняли «Роллинги» и «Клэш» — она не знала. Оставалась литература.

— Знаете писательницу Жорж Санд, подружку Шопена?

— «А...» — «Ну да...» — «Слыхала...» — «Вроде...» — «Не читал...» — «Помню...» — «Нет...»

— Так вот. Однажды она закончила писать роман в два часа ночи. И той же, той же ночью начала новый!

— Вот же с...! — уважительно выдохнула Нинка.

22

— Знаешь, Егор, сейчас новых продуктов сотню в день выдумывают, только б добраться до кошельков. А где, кто, что там в них кладет, не кладет — замазано рекламной чертовой! Даже я, муравей-термит, леплю эти стены, дома на лучшем семисотом

портландцементе, но рекламе, тоже должен башлять. Коллега-конкурент пускай выше пятисотого и не берет, но необходимость рекламы нас уравнивает... Но я отвлекся. Глянь, видишь правее — пятиэтажка? А знаешь, что за ней? За ней — лучший из еще остающихся в продаже видов на Москву-реку.

Разговор шел в большом воздушно-стеклянном холле двадцатиэтажной башни у Шелепихинской набережной: элитный жилой комплекс «Аурели». Последний этап отделочных работ. Пятиэтажка напротив: серый силикатный кирпич, три подъезда, рвань на балконах.

— На той неделе в газетах-журналах-сайтах начнется рекламная кампания: Строительная группа «Альба» Павла Бека самолично за свой счет расселит ветхое жилье. Оно пускай не ветхое, но противное уже всем: нам, им. Им — смотреть на наш глянec, нам — на их силикатную «хрущевку», вместо товарного вида на реку. Это даже не «хрущевка», потому как не панельная, но первый резвый писака так назвал, и пошло. Остальное насчет расселения за мой счет — чистая правда, но сегодня правду надо особенно тщательно рекламировать, доказывать. Все сорок семей поедут в нормальные бюджетные квартиры, дом на Алешкинском проезде. Я тут типа Аладдина, построил дворец, жилкомплекс «Аурели», а еще и беднякам дарю квартиры, богачам после сноса этой рухляди — красивый вид на Москву-реку. На двенадцать процентов поднимется квадратный метр с такой панорамкой, двести семьдесят тысяч перешагнет точно. Думал даже объявить лотерею: одной семье из сорока — квартира прямо здесь, в «Аурели». Но... никак не мог выбрать достойного «победителя», полдня потратил, смотрел вдоль-поперек эти списки: ФИО, возрасты, профессии, дети... Тут — участник войны, а там — заслуженная учительница. Мрак! Я тогда впервые и подумал: а каково Богу-то? Настоящие лотереи проводить?! Раньше по облигациям займов, «Спортлото», теперь «Русское лото», «Столото» всякие... Ведь Ему ж счастливых выбирать, кому еще? Так и не запустил. Фокин, пиарщик мой, клялся: прогремела бы на всю Москву, Россию. Гениальная реклама бы...

— Павел Русланович, а вы не думали и правда отдать ту лотерею — Богу?

— Т-то есть как, не понял?

— Ну, по-настоящему разыграть. Чтоб уж точно: квартиру — на кого Бог пошлет.

Эта простейшая мысль, детский поворот логики вдруг поразил девелопера-мультимиллионера, как настоящие гром и молния. Будто даже блики каррарского мрамора на стенах вдруг вспыхнули сильнее и погасли. Только через полминуты Павел Бек немного подавленно, сам себе уточнил:

— То есть, типа, и все заботы, и ответственность — с плеч долой? На Него?

И стряхнув морок, вернулся к собеседнику:

— Прямо... Достоевщина какая-то.

Егор, еще с застолья в бензозаправочной кафешке доставаемый этой фамилией, слегка взъелся:

— Ну почему всегда, везде и сразу — Достоевский?

— Так это ж у него, кажется, на каждом повороте, с любого захода персонажи спрашивают: «А ты в Бога-то веруешь?» Я сам после школы его и не открывал, да и в школе не помню, чтобы очень. Но... вот хотя бы на днях смотрю «Берегись автомобиля», который раз...

— Это Смоктуновский где?

— Да. Там он вроде на берегу моря продает краденную «Волгу» Банионису, латышскому пастору то есть. Момент-то, по жизни, опаснейший, надо побыстрей: на руках — бабки рекордные по тем временам, причем однорублевками, Банионис из своей церкви крал. Кажется, ну пересчитали и разбежались. Но Смоктуновский деньги в сторону, поднял глаза на пастора: «Так вы что, и в Бога верите?»

— А, помню.

— Классика наша... Но мы-то, Егор, с тобой о чем собирались? Я про что говорил? — Они подошли к вестибюлю, ожидающему своих пальм и консьержей.

— Мы про рекламу вроде.

— А? Точно! Ты вчера намекал, что после универа не прочь у меня поработать? В рекламе?

— В пиаре.

Пройдя мимо этого уточнения, Павел Русланович продолжил:

— Ты не бойся, я Настьку с Ингой к тебе в ансамбль не потащу. Не вмешиваюсь. Но и вам вернуться к этим газопроводам, бомбам не дам. Я вас в сентябре вытащил, я же могу и... обратно. Но не всех, не дочку же! Избирательно эдак. Тех, кто гнет эту линию, продолжает в игрушки-хлопушки играть. Кому просто учиться в университете и петь в вашем этом панк-ансамбле скучно стало...

«Эх, Павел Русланович, знали бы вы, что ваша Нина как раз первая, кому „скучно стало просто петь“ в нашем... как выражаетесь, ансамбле. Первая, кому хоть бы и газопровод рвануть».

— Чего замолчал? Я тебя пригласил не только как руководителя этой банды.

— У нас нет руководителя. Может, трудно поверить, но правда. Мы по всем вопросам голосуем. Конечно, чаще я подбрасываю идеи всякие, но наш общий творческий дух...

— А я слышал, вами теперь Елена Свирская, мать Лизы, подруливает. Дама эффектная. Она что, окончательно со своим, вашим бывшим, с Ремизовым разошлась? Совпало-то как. Хотя мне все кажется, какая-то связь тут есть, развод-увольнение. Будто она институту, ректору придавала блеск, бросала отблеск, как этот мрамор полированный. Когда Нинке подбирал вузик, ну, после академии той, я и Фокину, пиарщику своему, поручил тоже прочесать. Общий имидж, то-се. Так он насчитал, больше всего ссылок: Международный... прочая фигня... университет, ректор Ремизов — муж известной художницы-акционистки, телеведущей, светской красавицы Елены Свирской. Ха! — может тебе и ансамбль так рекламировать: где поет дочь известной...

— Ерунда. Линк, конечно, женщина великосветская...

— Погоди, Линк?

— Она просила так называть. Тусуется с нами, для группы ролью насадки самоограничилась. Главного не понимает или не верит. Или не понимает, чему верить. Что мы все — серьезно. И что равноправие у нас изначальное.

— Типа битлы? Вместе поем, решаем. Ваш идеал? Так они ж и распались быстренько.

— «Битлз» — попса. Если, Павел Русланович, хотите зайти с козырных авторитетов...

— Вот-вот, давно хочу! И не для слушанья с тобой, сам понимаешь. Кто у Нинки в самых? Если я сам спрошу, а потом начну нахваливать — тухлый будет заход, хочу разыграть поумнее. Так что сливай инсайдерскую информацию.

— «Клэш» послушайте. Потом «Грин дэй». Вдруг понравится, может, и разыграете поумнее.

— Так. Это западники. А из наших, эту «Гражданскую оборону»?

— Нас, нас послушайте! «Манифестоманию»! Вы что, о панк-роке хотели меня расспросить?

— О, вон и зубы, и характер показали! Значит, уваливаешь от титула главаря? Ладно. Но из ваших, как наблюдаю, ты все же... И в самой раздолбай-компании есть свой, менее склонный пускать дела на самотек, да? Желаящий на четвертом курсе подстраховаться, найти местечко в рекламном отделе солидной фирмочки, вроде «Альбы»? Хотя с этой идеей лотерею пустить на волю Бо... случая — ты сейчас меня удивил. Влиять через тебя я все равно буду, раз уж ты выказал инициативу. А второй вопрос тебе, не удивляйся, поэтического, так сказать, профиля.

- Все равно, Павел Русланович, позвольте мне удивиться.
- Не скажу, что сам это понимаю, но Нина потому к вам и прибилась — любительница стихи почитать, класса с седьмого.
- Мы и есть — кружок поэтов. Только современного формата, не как у Лизиних предков.
- И ладно. Рыбак рыбака... Хобби хорошее, и музыка — тоже, если б только без бомб. Хотя, честно, до сих пор не верю, что вы всерьез. Замечались поди. Но сейчас о другом. Про Нинкину драку в академии, конечно, знаешь. Липанов распустил свой курятник, там притон, а не Академия творчества-дизайна.
- Знаем, в курсе.
- То-то... Но той дуре терять чего? Через месяц рыло зажило, а Нина затылком на лестнице сильно ударилась. Вроде совсем ничего, дошла до машины, водитель-охранник всегда стоит в квартале. Я так инструктировал — чего девчонку нормальной жизни лишать. Села, значит, а мой сразу засек: не в себе она. Мужик грамотный, служил где надо, сначала подумал, она маршрут назначает, переспросил — она повторяет. Прислушался, вроде в рифму. И напевает. Он молодец, на третий раз включил диктофон, все записал: вдруг нужно. Я сам потом сколько спрашивал — толком не ответила, я не настаивал, что мне дочку за ненормальную держать? И тебя не спрашивал — еще подумаешь чего.
- Да ваша Нина у нас... самая... — Егор не нашел продолжения порыва.
- Ту запись прослушал, пробил по всем поисковикам, тщательно. Сейчас вроде же все есть, оцифровано, складировано. Запроси там... не Пушкина-Лермонтова, вообще любого напечатанного — враз найдет. С вашим гоп-ансамблем Нина тогда была незнакома, так, может, сама сочинила?
- Да вы покажите, наконец.
- Виноват, затянул преамбулу. Вот. — К Егору спланировал листок:

Мимо Пушкина, мимо — на чет и нечет.
Белорусский, Казанский, «Славянский базар»...
И тебе еле слышно сказал комиссар:
«Мы еще поглядим, кто скорее умрет».
Часто пишется мост, а «читается правильно»: месьть.
Может быть, простота — уязвимая смертью болезнь?
Мимо Белых Столбов, мимо Красных ворот.
Мимо дымных столбов, мимо траурных труб.
«Мы еще поглядим, кто скорее умрет». —
«А чего там глядеть, если ты уже труп!»

Егор закинул голову, как птица, глотающая воду, медленно пробубнил странные строки. Павел Бек различил пред собой настоящего спеца. «Обратился по адресу». И незнакомым еще Егору почтительным тоном спросил:

— Ничего не вспоминается? Может, это все ж она сама... сочинила? А то охранник сначала подумал: Белорусский вокзал, мимо Красных ворот — она ему адрес диктует. Или «месьть... кто скорее умрет» — о драке с той хабалкой? Но тогда почему — комиссар? А может, тут какое-то послание — мне, дураку, а я не могу расшифровать! И если не сама сочинила — все равно, что-то ж этим стихом она адресовала. Мне, кому ж еще?

— Павел Русланович, у меня абсолютная память на ритмы, размеры. Девяносто пять процентов, что я когда-то это слышал. Так что не она сочинила.

— Ну слава-то богу! — с неподдельным облегчением вскрикнул Бек.

— А чего это вы так обрадовались, что Нина — не поэт? Павел Русланович, обещаю, разыщу, расшифрую вам это послание. Вы правда очень значительный для меня, удивительный капиталист.

— Ну помогай тебе... А с лотереей — все же задачку ты задал! Держи.

Мгновенным мановением расстегнув пуговицу пальто, Павел Бек, как иллюзионист, ловко явил Егору купюрную пачку.

— Вишь, я тебе по неизвестным стишкам задание, а ты мне — тоже сегодня задачку. Все думаю про идею твою: переадресовать квартиру Случаю, Богу. Но не поверят же. Знаем мы этого Бека! Чтобы он без дальнего расчета? Выпадет участнику войны — почему заслуженную учительницу задвинул? А если вообще упадет алкашу, мерзавцам, вроде моих соседей по загородному? Это ж, кроме позора, он будет проживать в моей элитной «Аурели»! Которую мы подаем на конкурс «Московский инвестиционный проект 2019 года»? Кошмар.

— То есть вы не рискнули бы доверить это... Богу?

— Риск? При чем тут риск? Ответственность — вот что: и захочешь переложить, а не получится. Никак не перебросишь, никому... Некому! Запомни это, шеф панк-ансамбля «Манифестомания»! И не торопись ты из него бежать ко мне на запасной аэродром. Если Нине станет неинтересно петь у тебя, то и ты мне станешь глубоко, просто байкальски неинтересен.

Спеша к метро, Егор Карпов нещадно себя настегивал: «Вот увалень-тюлень, смотри, как надо дела вершить! И ведь такой фокусник, хоть проверяй: есть пачка или нет?»

Тронув карман, нащупав реальность, данную ему отцом Нины, он продолжал удивляться фокусу: «Понятно, эти „сребреники“ — не только за „инсайдерскую“, как он выразился, информацию, это — крючок, рычажок влияния, управления группой. Но как ловко: „Это тебе по стишкам задание“. Подсмотри случайно эту сцену Ренат с Браслетом или подслушай — не придерешься. Ведь и алиби ловко приложил к пачке: плата за поиск первоисточника. И Линк ему запала? А чего, вдовец. Надо те проблемные стихи найти — читал или слышал точно».

23

Вечером следующего дня сходка манифестоманов под прикрытием репетиции затянулась до полуночи. При инструментах были только Ренат и Вадим — постоянная минимальная конфигурация. Галямин тихим перебором струн или вдруг энергичным чирканьем аккордов закручивал экспромты, а Браслет легкими касаниями райда (тарелка) и том-тома, реже «бочки» (бас-барабан) выражал свои ассоциации. Потом Егор хватал басуху, девчонки сближали мордочки к микрофону, ловя музыкальный момент. Но чаще, особенно в этом нудном ноябре, споры так и оставались сухими, неритмичными речами под всплески гитары, ударных.

Егор с Ренатом предложили группе номер возможного нового альбома.

— Мы решили с Ренатом делать цикл о планете, природе, красоте. Водопад, радуга, листья, рычание и скулеж зверушек.

Напели вдвоем под гитару, раздали текст, попробовали вместе. Еще раз, еще... Девчонки с Браслетом дружно сказали: «Гов-но!» А Нина добавила, что ей вообще все надоело, скучно, сильно напугав этим Карпова.

И прочим взгрустнулось: Нинка единственная в группе окончила музыкальную школу, грамотно разбирала Ренатовы с Егором косяки, да и пела посильнее других. Ее скука — это «звоночек». Что, «вернемся к нашим экологическим баранам?»

Идеи, в сентябре едва не стоившие им свободы, сводились к нескольким тезисам, спорным даже внутри «Манифестомании». Тупиковость мировой «гонки потребления» признавали все. Но далее все раздваивалось, расцветалось.

Ренат: «Старшие поколения заигрались, свободная конкуренция капиталистов и упертость тоталитарных стран наперегонки сожрут планету. Гринпис и молодые активисты ограничат эти крысиные гонки ради будущего всей планеты. Общая ответственность за выживание человечества, борьба с глобальным потеплением и мусором, всемирная углеродная нейтральность к 2065 году объединят мир... Как-то так».

Егор уточнял: «Всеобщее, единое» — абстракция, лозунги. «Будущее» тоже абстракция. На практике мы, настоящие зеленые, введем МКПР.

— Зачем? Что?

— Межпоколенческие Квоты Потребления Ресурсов.

Все манифестоманы азартно пополняли лексикон, набор аббревиатур, шифров — свой внутригрупповой, но с подсознательным намерением когда-нибудь выплеснуть это на универ, на всю тусовку: «Завидуйте, мы еще и типа экомасоны с тайными знаками».

— МКПР, Ренатик, это развитие Киотского протокола. Там впервые в истории пробрили идею квот на выброс шести парниковых газов. Гениальный шаг, первый. До этого десять лет один триндеж. Дальше только железная логика квот: выхлопы считают — а откуда они берутся? Кто сколько сожрал нефти-газа-угля! Вот так контроль эмиссии, мусора выведет на всеобщий контроль пожирания! Каковое мы и будем делить, нет, лучше волшебное киотское слово — квотировать. Но уже не только между странами — между поколениями! Я все всматривался в эту Грету Тунберг. С трибуны ООН вякнула: «Как вы смеете?! Вы, взрослые, плюете на мое будущее!» Страшок, но умница: не вообще за земной шарик топит — за площадку под свое конкретное местожительство. Дележ ресурса не только между странами, но и меж поколениями. Гениально.

Ренат пинал Егора: «Магнитогорский Макиавелли — как-то в одной квазибогемной компании Егор постеснялся своего места рождения, Ренат это заметил, запомнил и не упускал — делаешь ставку только на эгоизм. Да Сорос купил и еще сто раз продаст и выкупит твою Грету. К ее косичкам пошьет ролевой костюмчик „Школьница“ хоть на пятьдесят восьмой размер. А ты все будешь ее слушать!»

— А Киотский, Ренатик, и Парижский протоколы, которые ты, дубина, с третьего раза на тройку, но сдал? Что там вообще есть, кроме бла-бла и платных квот? А квоты — что? Свои отдельные счета, фундамент эгоизма: надышал, все замерили, посчитали, к стене приперли. Денег нет — так и не дыши. Пойми, Грета и квота — эти две темы взорвут и сформируют новый мировой порядок. Поделают все неделимое!

Группа, переводя взгляды, внимала спору главных идеологов, чаще вроде склоняясь на сторону Егора, только Нина перебила:

— А ничего, что из-за нас Лизкиного отца выперли?! Это вам не глобально?

Такое яростное поблескивание в ее зрачках Егор хорошо знал: верная примета состояния используемого им для партии Софьи Фамусовой, когда после обморока она начинала разгонять полусумасшедший сюжет — единственный момент, удостоившийся похвалы Двоицкого. Но сейчас эти сполохи могли значить, что ей глубоко наплевать на все роли, которые Егор написал или еще напишет. Это похуже, чем полчаса назад, когда Нина объявляла, что ей просто скучно.

Виду, однако, не подав, идеолог «Манифестомании» угрюмо заперся в лабиринте своих вариантов. Только процедил:

— Да, Ренатик, про радугу и водопады мы сочинили гов-но. Взрывчатку нам надо покупать, а не микрофоны «Beta 58A» и микшерский пульт. Семь бед — один ответ, рванем — за Ремизова, за всех.

«Все!» — ректор Ломов подошел к окну и вытащил из бутылки пива «Балтика № 5» с глумливой припиской «Депутату» два давно облетевших стебля гвоздик.

«Все. Дурацкой рекламки вроде „Учим, сессии сдаем и чуть-чуть еще поем“ нашему университету и даром не надо! И чтоб даже мысли ни у кого не было, будто я, ректор Ломов, хоть на каплю благодарен этим манифестным паршивцам за свержение предшественника. Еще чего. Это биология, Тимирязев, Павлов, Вавилов. Наука... осталась — Наукой! И, как блоху, стряхнули с себя непрошеного „популяризатора“, зеленатового болтуна Ремизова, стряхнут и прочих!» И нагнувшись, пихнул стебли в урну.

Изгнание панк-группы из университета действительно напомнило вытряхивание собакой блох. Утром завхозотдела с привлеченным вахтером и мобилизованными первокурсниками вынесли на крыльцо гитары, аппаратуру. Подсобка рядом с актовым залом перестала быть базой «Манифестомании»...

— Илья Фомич, нельзя же! Предупредили бы, мы сами бы все вынесли, аккуратно. А так — все валялось полдня на улице.

— Но это потому валялось, что вы занятия прогуляли. Может, вам привычно, но теперь — видите, как вышло. Пришли бы вы, Карпов, Браслетов, по расписанию на лекцию по экономике природопользования ко второй паре, а вы, Бек, на семинар по экологической журналистике — к первой, тогда бы и приняли свое имущество в собственные руки.

И ректор Ломов взял тон сочувствия, которому он даже и не хотел, чтобы поверили:

— А теперь вам, бедолаги, гитары, струны пересчитывать, объяснительные писать. Да и мне морока. Я выходил на крыльцо, приглядывал за вашим добром. Смотрю — ба! — у одной гитары вашей, которая такая, синяя вся... смотрю, считаю, а струны-то всего четыре. Это мы, что ль, оторвали ненароком? Ну извиняйте, вахтер наш Семеныч отродясь гитар не носил.

— Это бас-гитара, струны и должно быть четыре, — сузив глаза и скрипя зубами, ответил Егор. — А объяснительные писать какие?

— Как какие? А прогулы лекций и семинаров? Если струны все на месте, то надо и с семинарами разобраться...

Унизительно стоять под дождем, под взглядами из университетских окон, возле кучи вышвырнутого своего барахла. Прав ты, неправ — все равно позор.

— Издавается, тварь.

— Да, теперь и в академку нырнуть — голяк.

— Спокэ! Попрет он нас только после зимней сессии.

— Если еще допустит.

— До сессии еще времени — вагон.

— Рефрежираторный.

Роль арбитра манифестоманских стычек, может, и льстила Елене Петровне, но более пугала. Боялась выдать растущую неприязнь к Егору, а главное — опасалась ненароком показать, насколько фиолетовы были ей мотивы их споров: глобальное потепление, истощение, загрязнение. Боялась, но все же выдала.

Журнал Игната Жарова с рекордной скоростью публикует его манифест «Фотофиниш гонки потребления». Сегодня прислали верстку. Распечатав семь листов и купив бутылку, он помчался в галерею Линк.

Стесняясь, почти зримо стяхивая с себя наив и радость дебютанта, Егор выложил на стол верстку и придавил сверху, как печатью, бутылку ноль семь виски...

После очередной условной рюмки он и услышал в свой адрес так много нежданно неприятного. Про «Растиньяка с топориком», нагло использующего искренние поры-

вы Лизы, Нины. Про бездарного «текстовика», прицепившегося со своими пародиями к Ренату.

Единственный позитив был:

— Я и Павел... Русланович — мы считаем: в общем, ты пытаешься тянуть группу в правильном направлении. Но твой, Егорушка, эгоцентризм, приспособленчество сказываются, оставляя от благих намерений во-от столечко. — Елена тронула перламутром маникюра доньшко стакана с едва заметной бледно-рыжей пленкой — остатком порции. — Надеешься и дальше сочетать вашу манифестоманскую внешне-демократию со своим идеологическим самодержавием? Да и карты бы тебе в руки — если б твои псевдопанковские песенки продолжали бы увлекать наших девчонок, а с этим-то теперь плоховато... Даже на «Корке», куда я вас впихнула, что ты выдал? И что вышло?

На площадку уровня «Корки» их пригласили впервые. Светские связи Елены, знакомый хорошей подруги — влиятельный продюсер на радио, которое оказалось не «Морфей», а, наоборот, «Орфей»... А выступления были еще и отбором на второй «трибьют» Цоя, конкурс перепевок его хитов. Знаменитый первый «трибьют» девяностых совпадал с детсадовским возрастом манифестоманов. Но слава тех «каверов песен Цоя» тянется и донныне — поэтому продюсеры и решились запустить второй. По условиям конкурса лучшие пятнадцать групп получали целый день студийного времени, имя на пластинке и многое другое.

Каверы-перепевки предполагали новые музыкальные прочтения, при сохранении текстов Цоя, который, как вам подтвердит любой забор, жив! А Егор подбил группу спеть совершенно другой текст. Ему казалось — зацепит. Ведущий — сам диджей Файфф-Си-Кайфф — объявил: «Восьмиклассница», и... они «урезали»:

Ты говоришь, еще нальем,
а к сексу перейдем потом.
А мне уже на это — наплевать.
А-а-ааа.
Кладу кредитку на комод,
ты говоришь: скажи пин-код.
Многозначительно молчу, по ходу сам забыл.
У-ууу-у.

«Юмор» был встречен прохладно, а «вокал и, особенно, ритм-секция — словно дворовая команда вышла на Маракану». Провалившийся вокал — это, конечно, вина Нины, ранее вытягивавшей панк-оперу, а теперь тускло «возившей тачку», да еще и заразившей безразличием Лизу и сестер Юдиных. Ну а высмеянная ритм-секция (ударник и бас-гитара) — прямая вина Егора. Басист он был «нулевой» — по самому мягкому выражению Браслета. Идеолог, текстовик — да... но восторжествуй чисто музыкальный тренд группы — бас-гитарист был бы заменен.

«Может, вам и нужен был сей провал? — Елена по горячим следам утешала группу. — Чтоб сверить координаты и сообразить: даже тот относительный успех панк-оперы был обеспечен все-таки террор-скандалом, тремя днями в новостных лентах».

Потерю эмэмуэфской базы компенсировала довольно большая, двадцать пять метров, комната в галерее Елены «Модус», но репетировать можно только после ухода последних посетителей. И — грустный абсурд: ребята приезжали на ночь, рассаживались и начинали препираться...

— Нина — ладно, но теперь и Лиза говорит: скучно. Нет, это я не про то, что мне на Нину плевать, — быстро уточнила Елена. — Просто дочка и дольше у вас играла, и ставку на музыку делала поболее. Дома запрется в ванной и выводит рулады свои или скороговорки — дикция-артикуляция.

— Осведомлена...ны. Как к вам обращаться-то?

— В группе по-прежнему: ты! И Линк! А здесь предпочту: Елена Петровна.

— Если вы хотите отогнать меня от Лизы, то...

— ...Ты теперь, наверно, и рад бы? Нина перспективней. Но с ней этих «бы» у тебя гораздо больше! И первое бы: если *бы* ты ее втайне не побаивался... Я-то чувствую, но если почувствует Нина... Второе бы: если *бы* ты был уверен в расположении ее отца как тестя или хотя... *бы* как работодателя.

Собравшись Егор прервал это мордоасфальтоводительство.

— И чего распяляеш... тесь. Я же только зашел вас поблагодарить. За знакомство с Игнатом Львовичем. При таком, оказывается, нерасположении вы все же смогли мне сделать шаг, после которого бездарем меня называть будет немного труднее... вам.

Егор пододвинул ей стопочку:

— Верстка. Читайте. В январском номере выходит манифест, а потом...

Елена просмотрела листки, потом взяла смартфон, постучала-погладила пальчиками и, почти пародируя движение Егора, пододвинула ему: «Читай... те».

На ярко-синем экране под полоской «Игнат Ж.» в белом прямоугольном иллюминаторе семь строк: «Ленчик, целую твои властные, под снопом медной гривы и соболиными бровями глазищи. Учтя твою протекцию, его острую манифестоманию мы удовлетворим, дадим в январском номере, но стихи — вряд ли. Эти юношеские максимализмы, гневные протесты по всем азимутам и поводам — двухсотлетняя уже как банальность».

Егор с полминуты рефлекторно потирал горло, словно решение какое-то ожидалось — от кадыка.

— Да, Елена Петровна, мощно.

— Ладно... Ега. Чего теперь яриться? Лучше махни еще вискаря, запьешь слезами... Так-так-так, до дна. Нет, ты нормально удары держишь, насчет слез — пошутила.

И тут на Егора свалился новый «нежданчик» этого вечера. Елена протянула руку, как дамы прошлого века для поцелуя, потом еще на каплю дальше, коснулась его левой щеки, погладила. На правой задержалась подольше, нежно царапнув маникюром. Версия для алиби: проверяла, действительно ли нет слез?

Впрочем... это поглаживание узкой ароматной ладони походило и на... будто Елена вытирает о его щеки нечаянно запачканную руку.

— Держись... Ега? Так и держать! За это расскажу тебе все новые темки. Хотя о кое-чем ты должен был... бы догадаться.

И опять, как и после разговора с Павлом Беком, Егор возвращался домой, нахлестывая себя, вспоминая, повторяя самые жгучие, крапивные темы. «Неправда! Это Елена подстроила. Но какова двухходовая хитрость! Для того и организовала это, чтоб так полоснуть по стихам. Но прокололись они, подстроенная эта эсэмэска — с чего бы так длинно ему писать ей, если они вместе живут?! В каком-то там остаточном смысле, но живут! Явно для меня эта змеиная эсэмэска».

И примерно так же, как с Беком, через пару часов мазохизм перешел в анализ. Линк ткнула правильно: заигрались, забыли, что ректор теперь не Лизин папа, а обиженный за себя, за биологию и еще незнамо за что Ломов. Грозит недопуск к зимней сессии, отчисление...

«Ты, наверно, сбежишь обратно в свой Магнитогорск. Лиза, Нина — отдельный разговор, а о Даше, Марине Юдиных ты задумывался? Отец — водитель автобуса, четыре года родители тянули, может, все сбережения бухнули в этот МммуэФ, дипломы дочкам выправить... — и вот. Вадим с Ренатом — в армию. Браслет-то там не пропадет, а Ренату какво? Но ты, вы все — никто и ухом не ведет! Вы точно — то бразильское неконтактное племя!»

И после энергичного завершения Елена Петровна выдала полезнейшее послесловие: «О чем ты должен был догадаться, коли уж так ухватился за Бека-старшего, знаешь? Главный-то мазохист в группе — даже не ты, Растиньяк с топориком, бунтарь-приспособленец, а — Нина.

Ее скука на репетициях, вялость на отборочном концерте в „Корке“, пугающее отца возвращение к террористическим мечтаниям — все от детского комплекса. Вы небось поминаете ее драку? А я вычислила, потом и проверила в разговоре. Могу слить тебе инфу: ей хочется, подсознательно подмывает опять крупно влипнуть, получить порцию страха, унижения — только чтоб потом ее непременно спасал, вытаскивал обожаемый папа. А она, как тогда в коридоре университета, когда вас отмазали, бросалась бы ему на руки. Как бы — в порыве».

Егор переваривал, прикидывал: для чего бы Елене делиться инфой? Решил: при таком градусе вражды она хочет отвадить его от дочери — хотя бы и переключив на Нину.

«Не знаю... но теперь и Лиза от нее, что ли, этим отцовским комплексом заразилась? Фрейд в полный рост, страсти эдиповы! Всю жизнь отец был ей побоку, а теперь взъелась. На меня взъярилась — это понятно: Артемыча я, да, погнабливала. Так теперь она и себя взялась мучить: из-за нее, из-за ее паршивой панк-оперы отец выброшен, спивается и кротко мудрствует на обочине жизни. Бедная дурочка! Я пыталась повлиять — она трубки бросает. Позавчера послала меня. И разревелась в голос. Поехала, в общем...»

Егор готов был списать эту невероятную дичь на свою пьяную слуховую галлюцинацию или на, тоже пьяный, бред Елены. Пустая бутылка вискаря зеленела под столиком, его принесенная была к тому близка... Нет, все равно невероятно. Егор два года любовался этой женщиной и в Лизе более всего ценил отблески светской телевизионно-элегантной Елены.

Можно было понять слезы быстро шагавшего Егора. Такой стресс у пожилого мог кончиться инфарктом, а молодой парень избывал его, растворял физической нагрузкой. От ее «Модуса» на Сретенке до Новослободской почти бежал подпрыгивающей скороходью, бормотал порой в голос, тающие снежинки маскировали злые слезы. Добрался за пятнадцать минут, но сообразив, что дома сейчас Лиза, пошел куда глаза глядят, оказалось, в сторону Маяковской.

— Нет, но какова! Сегодня круче, чем и с Пал Русланычем. А Нинку точно вычислила.

Километры улиц, ложась под ноги, кубометры московского снегопада, рассекаемого пылающим лицом, постепенно успокоили гнев. Обновленный ток мыслей принес ободряющие резоны. Может, стихи его и слабоваты, и его рок-группа беспонтова, но тем не менее он очень нужен, позарез, этим самодовольным магнатам Беку и Елене! Мудрые всезнайки бессильно прокололись со своими дочками. Негодницы ушли в «отрицаловку», в «неконтактные» — ау, выручай, Егор!

Мудра ты, черепаха Тортилла, но знание твое — бессильно! «Так держать, Ега» — она сказала? Правильно, и московский домостроительный олигарх пихает тебе пачки по сто тысяч, и светская львица то стегает, то гладит. Она точно еще погладит, еще

как! Сколько раз она назвала меня «Ега»? Раз пять, не меньше. И что это может значить, а? Я веду корабль, на который сбежали их дочки... ха-ха-ха, и бутылка рома! И я сумею. Я придумаю...

24

— Павел Русланович, вы просили определить стихи, что Нина читала в автомобиле. Вот смотрите.

Егор выложил на стол два листка. Сегодня встреча в его офисе на Мантулинской. Полный шик, но Егору больше нравился прошлый антураж: башня на Шелепихинской набережной, сверкающий мраморный холл, элитный комплекс «Аурели», отправляемый на конкурс «Московский инвестиционный проект 2019 года». Интересно, ту силикатную пятиэтажку, заслонявшую вид на Москву-реку, уже расселили, снесли? У таких Аладдинов это быстро, со скоростью электронной платежки.

Павел Бек не менее пяти минут читал, сличал столбцы на листках, наконец поднял глаза. Экономя речевые силы, взгляд обозначил: «Ну убедил. Теперь давай комментируй».

— Вы не могли найти текст, который Нина повторяла, когда была... не в себе. Хорошо, что ваш водитель это задиктофонил. Это был действительно сложный коктейль.

— Цену работ обосновал. Ты давай теперь по предмету.

— Осип Мандельштам, поэт был такой, в 1934 году написал стихи на смерть Андрея Белого, писателя тоже. Там и было: «Часто пишется казнь, а читается правильно — песнь. Может быть, простота — уязвимая смертью болезнь?» А уже в восьмидесятих Александр Еременко, талантливый московский поэт, написал стихотворение — оно на втором листке.

— Типа, пародия? Как тот, длинный, по телевизору...

— Александр Иванов? Нет. Это не пародия, наоборот, оригинальное, очень сильное стихотворение. Недаром дочь ваша после удара его в машине читала.

— Аж три раза. Так что за этим могло быть? Я ж тебе говорил, инстинкты у нее очень здоровые, а тут получается — из самого подсознания выдала. Стишки ваши вообще — вещь проникающая. А?

— Вы хотите, чтобы я еще и психологические какие-то выводы сделал? По состоянию Нины, ее подсознанию?

— Верно. Стишок ты нашел, но ясности мне не прибавил. Хотя ты прав: экстра джоб фо экстра пэймент².

Павел Бек на секунду поднял и опустил папку справа. Мелькнул конверт. И у Егора мелькнула веселая мысль: «Продам работу Елены, ее психоаналитическое исследование комплексов дочери Бека. Стильный получится ответ на тот сеанс унижения. Стерва она, стерва, но разобралась правильно... Так, не торопись, Ега, сейчас все выстроим».

— Да я не об этом, Павел Русланович. Сейчас мы, да, общаемся, тесно, но тогда ж она еще была не с нами. Для выводов серьезных надо исходной инфы побольше.

— М-м, мне рассказать что-то о ней? Как на исповеди, как психоаналитику на кушетке? Или как этот... фараон в Библии — этому... истолкователю.

«Перебор, — мелькнуло у Егора. — Он, значит, выговорится по полной, получит требуемый портрет, а потом... бац! — и похоронит меня где-нибудь в бетонном блоке своей новой башни. И какой-то уже „новый новый русский“ в 2039 году заорет жене: „Ты тупая, как вот эта стена!“ А там я в бетоне... Красивое кино».

² Дополнительная работа — дополнительная плата.

— Сложно, Павел Русланович. Ну хотя бы как она это читала? Вы говорили, водитель-охранник опытный, на диктофон записал.

— Даже на видео, — Павел Русланович покраснел. — Нет, это не то, что я за дочерью слежу, у меня все машины оснащены так, и мои обе. Глава охраны продумал на случай любых происшествий, конфликтов. Водитель — шелк, кнопка рядом с дворниками, камера в зеркале, пишет. Он же тогда всерьез испугался, и правильно, считаю, сделал!

Вымучив объяснения, Павел Бек достал из грудного кармана флешку, подошел к телепанели, пощелкал:

— Но ты Егор, смотри! В смысле — сейчас смотри и смотри — никому!

— Павел Русланович, мы же часто переодеваемся все в одной комнатке. Но... без свального греха — отвечаю вам. Могу поклясться.

— Да там и не было ничего особенного. Плюхнулась девчонка на заднее сиденье, ну, забормотала, потом заорала нараспев... Хотя все равно неудобно. Но я тебе как... фараон — доктору, смотри!

Похоже, и правда, это не постоянная слезка — охранник включил запись, когда Нина уже кричала.

— Олег-Олег! Мы где?

— Сейчас Белорусский вокзал проедем, Нина, вам совсем плохо? Может, развернемся? Тут до Склифосовского за три минуты долетим.

— Ты че, Олег, нормально все, головой только стукнулась. Да нас там на смех поднимут, и правильно сделают. Домой, домой! О, Белорусский, Горький... Максимка, споем о Буревестнике! О Соколе.

Нина крутила головой не то чтоб «по-ненормальному», просто очень «оживленно». Ненормальным скорее был ее взгляд, нечасто, но утыкавшийся в зеркало-камеру. Хлопнув в ладоши, начала нараспев на неизвестный мотив. Словно предчувствовала свое вступление в ряды «Манифестомании»:

Мимо Пушкина, мимо — на чет и нечет.
Белорусский, Казанский, «Славянский базар»...
И тебе еле слышно сказал комиссар:
«Мы еще поглядим, кто скорее умрет».
Часто пишется мост, а «читается правильно»: месь.
Может быть, простота — уязвимая смертью болезнь?
Мимо Белых Столбов, мимо Красных ворот.
Мимо дымных столбов, мимо траурных труб.
«Мы еще поглядим, кто скорее умрет». —
«А чего там глядеть, если ты уже труп!»
Часто пишется труп, а «читается правильно»: труд,
где один человек разгребает завал
и вчерашнее солнце в носилках несут
из подвала в подвал.

— То есть она в Еременко вклинила две строки Мандельштама, а несколько во все переделала по-своему, вот поисковики и не нашли. Так что можно считать: это произведение Мандельштама—Еременко—Бек!

— А этот, Еременко, он еще...

— Жив, жив. Только не пишет больше. Вы интересуетесь: могли они быть знакомы? Уверен, нет. Я так, мимоходом, не связывая с тем случаем, Нину спрашивал: читала

ли Ерему? Читала, нравится. Ей откуда-то попала тоненькая, говорит, книжечка, меньше тетрадки школьной. Вас, понятно, интересует другое. Я сопоставил и с нынешними нашими делами, думаю: она тут, — кивнул на экран, — проживает как бы в двух плоскостях. С одной стороны, конечно, торжествует над той поверженной хабалкой в академии, но одновременно ей и самой хочется или быть схваченной, связанной, но главное — беззащитной, беспомощной, может, даже униженной, оскорбленной, чтобы вы примчались, защитили, обняли, взяли на руки...

И далее Егор впарил психоаналитическую работу Елены, только слово «мазохизм» произнести не рискнул. Привел и свои косвенные подтверждения на примерах нынешнего поведения в группе, университете.

— В общем, ничего страшного, не какой-то там эдипов комплекс, на который нынче все валят, вплоть до облысения и ранней подагры. Просто желание через опасность, наказание, беспомощность стать снова девочкой у отца на руках.

Павла Руслановича было в пору самого снимать для какого-нибудь психологического триллера. Тяжелый взгляд на Егора как на доктора, прорицателя. А через секунду как на шарлатана. Прокрутив в памяти еще какие-то ролики, сюжеты, наконец сказал:

— Ннн-у может... помню, тоже было... да, похоже... Только скажи, дружище, в каких же стихостроках ты это углядел? И желание наказания, и девочку на руках?

— Так это ж вам не справка, не отчет о наблюдении за объектом. Это — настоящие стихи! В поэзии не строки — настроение, чувство, радуга. Или дуга сварки над буквами. Я почувствовал так. Вы стихи — в игнор, ваше право, но только она к вам обратилась в такой форме, а?

— Я не в игнор, жизнь просто стихов не позволяет. Но в общем похоже обрисовал. Получается, это из желания попасть в передрыгу и быть мною спасенной, она у вас теперь главная террористка? Больше всех тянет на подвиги, да?

Егор как мог изобразил покер-фейс, непроницаемость:

— Омм. Оммерта.

— Чче...какая омерта?

— Правило неразглашения. У нас серьезно.

— Ощущение такое: у нее это боевой сигнал, подсознательный, что ли. Она ж его в машине бурчала, когда хабалку ту отметелила. Вроде как мотив мести? Твой же этот написал, что слышится мост, а читается правильно: месть. Я тебе и заказал психоанализ, потому что боюсь: она что-нибудь устроит. Знаешь, бывает: терпят-терпят, а когда уже совсем чуть-чуть осталось — срываются. Сколько случаев. Потому давай без всяких омерт: узнаешь если, что она чего задумала — сразу мне. Те твари могут же ее и под настоящую статью подвести. Договорились?

— Давайте, Пал Русланыч, так. Если я узнаю, что она собирается хоть что-то, не поджог, там, вообще что-либо на них умыслить — я это просто отменю, я знаю как. Ну а если не получится — тогда вам.

— Суммирую. Значит, ты... мне... за нее... отвечаешь... лично. Понял?

— Да.

— А чего это ей петь стало скучно?

— Эт-то она вам говорила?

— Неважно.

Егор почувствовал завершение разговора. «Тогда Елена. Больше некому».

Павел Бек, кашлянув, приподнял ту же папку, скосил глаза на конверт. Но «поймавший звезду» Егор мог продолжать лишь в набранном высоком ключе. С гордой иронией обвел взглядом стены кабинета, особо подмигнув поясному зеркалу в антикварной раме, словно намекая на автомобильное зеркальце:

— Как-нибудь, в другой раз, Павел Русланович, на других страницах, других книг. Или папок. Кстати, мы в среду гостим в вашей осажденной крепости.

— Нина предупреждала. Сказала, поможете с вещами, переездом.

— Не могу обещать, Пал Русланович, что уж сильно поможем. Это просто дежавю какое-то, в сентябре мы так же приезжали всей группой на дачу к Лизе, грузить коробки в фургон. Тогда Елена Петровна съезжала, ерунда полная, коробок было с полста, а как пошло: вино, шашлыки, коньяки. Фуру, помню, тормознули на ночь, мы, ребята, в ней и спали, на следующий день только все привезли, разгрузили.

— У нас работы будет побольше, коробки не уложены, девчонки тянут, но и чужим, наемным, свои милые безделушки доверять не хотят. Шашлыков-коньяков тоже, чувствую, не избежать, так что и не знаю, на сколько вы там зависнете. Но в фургон вас не погоню: декабрь, да и в доме место хватит.

25

— В 2011 году бразильские защитники природы привлекли внимание эксцентричным поступком. Они инсценировали атомное чрезвычайное происшествие в самом центре Рио-де-Жанейро. Члены Гринпис облачились в оранжевые костюмы химической защиты и зажгли дымовые шашки рядом со штаб-квартирой Национального банка Бразилии. Акцию провели в канун двадцать пятой годовщины чернобыльской аварии. Таким образом эоактивисты требовали закрыть атомные станции... Ну как? Костюмы такие в военторгах есть. И на Красной площади?

— Ренатик, мало тебе намеков Артемидия Двоицкого, что ты во втором сете мелодию у «Роллинг стоунз» слямзил? Вот припрямся, даже успеем костюмы надеть, дымовуху зажечь и повинтят нас на этой банальщине. Туда все только и лезут! Прикинь-те, Никольская...

Егор прибавил голос, поднялся, обещая что-то смешное. Нина и сестры, глядевшие в окно на ночную Сретенку, прислушались. Лиза, положив пачку печенья на барабан Браслету, тоже.

— Переходим мы от «Детского мира». Свернули на Никольскую, идем под висюльками, лампочками. У каждого, значит, в пакете оранжевый костюмчик. Неделю тренировались надевать на время. За семь секунд. Нинка, Марина, я и Браслет. Ренат с Лизой вообще за пять укладывались.

— Идем мы все такие, наготове. Потом медленнее, за «Кофе хаусом» — вообще давка. Еще пять минут, а ГУМ только показался. Спрашиваем передних: «Вы чего?» — «Да мы только вбежать, раздеться, нагишом сплясать ламбаду — протест против мусорного полигона Волоколамска». — «А те, перед вами?» — «Собираются лечь на брусчатку, сорок человек, выложиться буквами „Свободу Малявину!“» — «Так его ж освободили!» — «Да они еще со среды очередь занимали, — вон за теми, в красных шарфах». — «А тем чего?» — «Говорят, шарфы свяжут в один канат и держась пройдут на карачках». — «А они против чего?» — «Известное дело, супротив генно-модифицированного женского белья, оно к бесплодию ведет...»

Мы все, значит, шеи тянем, подпрыгиваем, Лизка на плечи Браслету забралась, как на концерте. Ренатика сбивает козел какой-то, протискивается, орет: «Пропустите! Я только спросить!» Ну и мы такие, начинаем локтями сучить: «Да мы — от Павла Руслановича. Он разве вам не звонил?»

— Картина — зачет, — объявил Браслет, — А Галямину — прийти через неделю.

— С родителями! — поддержала Лиза. — Дашка, теперь ты читай.

— Скандальной акцией Гринпис стал захват буровой установки компании «British Petroleum» на побережье Шотландии...

— Мимо. Дальше!

Егор перескочил на другой пример.

— В 2018 году Гринпис организовала акцию под девизом «Солнце вместо угля». Поздно ночью волонтеры пригнали в центр Берлина цистерну и разлили более трех тысяч литров желтой краски на кольцевую развязку у Колонны победы. Колеса проезжавших автомобилей размазали краску по прилегающим улицам, и получилось огромное солнце. Защитники природы призвали немецкие власти к поэтапному отказу от угольных электростанций, переходу на солнечную энергию...

— Ега, а как же твоя Кинселовка?

— Падры, — поверх разнобоя выкрикнул Егор, — я только говорю: можно вложить в пуд взрывчатки, а можно — в кило креатива, более взрывчатого. Второй-то попытке нам не дадут точно, значит, первую надо придумать такую, чтоб Си-эн-эн, чтоб на годы... Хоть на два. Самый верный признак удачной акции какой? Не задумывались? Я определил. Когда ее участникам завидуют! Локти кусают: эх, жаль я не был в этой компашке! И сейчас. Собрали мы варианты, полночи зачитываем, а я про себя прикидываю: мечтал бы я с этими в лодках или с этими...

— Ну и...

— Только с теми, что краску в Берлине. Про них думают: «Надо ж! Креатив!» Кинселовку не сливаю, я ж ее предложил. Но акция должна быть творчеством. Чтоб обзавидовались!

— Эй, через двадцать минут метро открывается!

Так заканчивался очередной репетиционный день панк-группы.

26

После подлого изгнания и выброса аппаратуры ребята перестали посещать ММУЭФ вовсе. Апатия, разлад, а теперь и боязнь посмотреть в глаза близкому будущему — сессии. Мечталось: какая-то очень-очень креативная, дерзкая акция возвратит им внимание, они, как в сентябре, снова в теленовостях, раздают интервью, крутят отрывки панк-оперы, а может, и новая песня напишется на волне суперакции.

И так отчаянно плохо было с идеями, что наконец встряхнулись Браслет и Егор, постарались подумать за всех, составили подобие плана. На «репетиции» его зачитал не Егор, который мог и перепорхнуть на свои стишки-шуточки, а Вадим Браслетов.

— Пункт первый. Дотянуть в ММУЭФе, по крайней мере, до конца января. Как ни мало мы ценим статус «студент», но с точки зрения резонанса, позиционирования акции гораздо лучше, чтобы читалось: *«придумали и организовали студенты-экологи»*, чем просто семеро имярек. А уж весенний призыв в армию — точно финал всех мечтаний.

Пункт второй. Ректор наверняка планирует отчислить после недопуска к сессии, значит, пока программа-минимум: сдать зачеты. Практически исключен прямой приказ Ломова: «валить нас на зачетах». И незаконно, и ему «подстава». Большинство преподавов сами под страхом грядущих реформ ректора, считающего вслед за Тимирязевым, что нет такой науки — экология, есть биология... Это, Ега, ты завернул слишком, не для плана, ну ладно... Что экология — околполитическая болтовня популяризаторов вроде Ремизова. А таковых преподавов в ММУЭФе большинство. Им он, максимум, рискнет сказать: «Принимайте без поблажек». Потому не позже завтрашнего утра каждый сдает список своих зачетов. Прикиньте свои успехи, отношения с преподами и напишите два столбика: 1) предметы, которые можешь сдать сам; 2) предметы, которые точно не сдашь, где нужна поддержка, о которой мы с Егором уже подумали. Ясно?

На этом предел серьезности манифестоманов был пройден, и начался обычный гвалт.

— Семь по четыре равно двадцать восемь плюс-минус... примерно тридцать зачетов и гарантированный только один. «Основы журналистского мастерства» Нинка сдаст, даже если Элику сам министр образования прикажет ее завалить!

— Вот экономика природопользования — жжесть!

— Нет, главный мрак — политология, я Ушимова в сентябре так послала, что, наверно, на всех наших держит зуб размером... с дом!

— Ломов нас выгнать, конечно, попробует и по результатам экзаменов...

— Но это не раньше середины февраля...

— А мы — уже успели, рванули, и все такие европейски знаменитые, ни отчислить нас будет нельзя... Ни посадить, верно Егор?

— Или нас охотно возьмут в другие вузы, не такие реакционные.

— Или в академку отпустят...

Источником искрящегося оптимизма был изложенный Егором план акции. Старой идее взрыва близ газокompрессорной станции Кинселовка он придумал просто гениальное продолжение, которое гарантирует, что группа прославится и не сядет в тюрьму.

— Модернизацию станции к Новому году завершают две бригады, сейчас они живут в двенадцати вагончиках, в огороженном мини-поселке, примыкающем к охраняемой ограде станции. Тайным нашим козырем остается неучтенная топографами дренажная труба пятидесятых годов, где мы играли в войнушку, когда меня сдавали на лето бабке. Оба выхода засыпаны, но откопать их — час работы. Впрочем, тайну на этом уровне Лиза уже разболтала матери. Да вдобавок успела с ней крупно поссориться. Но Лизу извиняет то, что мы ведь все практически приняли Линк в группу, и то, что Лиза сама во всем призналась. Так что ущерба практически нет. Все.

— Как все? А вторая часть гениального плана?

— Ну хорошо, дети. Сейчас у нас по расписанию прогулка. Мы правда выйдем, хотя бы спустимся к Цветному бульвару. Там все расскажу.

И очередная ночная «репетиция» закончилась около четырех утра.

— Какой кайф, снежок. Утром-то растает. Наслаждаемся! Кто гулял по ночному Цветному, ну?

Близ выбранной скамейки Егор достал и развернул лист формата А-три.

— Яндекс-карта Кинселовки. Теперь, кексы, серьезно. Смотрим. Этот квадрат — сама станция, а здесь к ней примыкает городок ремонтников, а вот здесь лежит дренажная труба. Когда мы играли, станции еще не было, по ориентирам — один конец вот тут, а второй здесь.

— То есть идет только до ремонтников? В саму станцию не попасть?

— Ренатик, а оно нам надо? Это даже лучше. Если снимать взрыв где-то с этих деревьев, ракурс какой будет? На переднем плане городок, тоже внушительно огороженный, за ним станция, граница меж ними заслонена вагончиками. И если бах здесь, во всех новостях будет видно: взрыв станции магистрального газопровода. А потом на разборе полетов: «никто вашу станцию не трогал, мы только городок». Мол, обиделись на ремонтников, что они уехали, за собой не прибрали, — вот и просигнализировали обществу.

— Ега, ты гений!

— Рано, Нинк, еще рано. Теперь по самому баху. Что можно рвануть легально, купить и чеки сохранить? Или лучше сразу вручить их адвокату твоего уважаемого отца, Нинк?.. Бабах, но легально?

- Не томи.
- Ладно, в Магнитогорске я был успешным дилером петард, хлопушек и... фейерверков!..
- Дальше-то что?
- Дальше мы аккуратно вынимаем огнепроводящий шнур, а вот сюда снизу присобачиваем две шумовых гранаты, тоже легальных. Хотя нет, гранат не надо... Это в принципе как кофе «три в одном», только покрепче. Так что в нижней части кадра это будет как самый настоящий взрыв, а вверху... Окажется ни-че-го, кроме фейерверка... Просто у нас брак рванул. Мы же — бедные студенты, покупали уцененку, неликвид после Нового года, на последние копейки. Обманули нас, испортили праздничный салют. Нас еще пожалеют, — Егор мечтательно закатил глаза, наслаждаясь всеобщим обожанием.
- Принято, голосуем? — подвел черту Браслет.

27

- Точно, Павел Русланович, конфиденциальность — наш общий интерес.
- Елена Петровна, извините, раньше никак не мог. Вы говорили, они к одиннадцати вечера собираются?
- Да, после последних посетителей. Но если сегодня вдруг раньше — я могу вас и через черный ход проводить. Лучше нам поговорить здесь, среди картин, чем в моем кабинетике. Вас же наверняка интересует, куда они двинутся. И могу ли я их подтолкнуть к музыке? Верно?
- Верно. И вообще, они, по-вашему, талантливы? Конечно, меня интересует Нина, но коли уж так связаны, то и по всей команде представление неплохо бы составить.
- Позвольте, угадаю. Насчет таланта — вы ведь не ждете непременно положительного ответа?
- Точно. Хочу, чтоб Нина как-то раскрыла свою многосторонность, обнаружила, чем Бог ее одарил. Но в панк-рок не верится. И даже если где-то там продвинутся, все равно — разменять жизнь на музыкальную карьеру, на десять пластинок? Да и все-таки отчего именно панк? Есть же много других стилей, диско там... просто ансамбли — рок, без надрыва, без политики? Я в этом не разбираюсь, только чувствую: их протесты, угрозы газопроводу — они как-то связаны именно с панком, да?
- Скажу честно, музыкальными, артистическими способностями они не перегружены — потому и группа, потому и панк.
- Не перегружены. Знаете, я почему-то опасался, что вы сразу начнете Нину и их группу хвалить. И хорошо, что вырисовывается не так.
- Это, наверно, из подсознания мультимиллионера. Что все всегда сведется к просьбам «денег на раскрутку». Дочка нарисовала картинку, сочинила стишок, спела песню — все гениально, надо только помочь, продвинуть.
- Может, вы правы, опасался. То и странно, лично у меня на «Манифестоманию» никто пока копейки не попросил.
- Даже обидно, да?
- Х-ха! Но странно — точно. Не просят.
- И Егор Карпов не просил?
- Нет. Если что-то до вас доходило, может, обрывки слухов каких, то могу вам откровенно сказать: не просил. Наоборот, я и сам кое-какую работу, естественно с оплатой, ему предложил. Он в целом — выполнил. Все.
- За этим «Все» Елена увидела дорожный знак: дальнейшие расспросы нежелательны — и переключилась на другой пункт.

— Вы, Павел, интересовались, отчего у них в группе именно панк утвердился? Тут надо немного в историю зайти. В двух словах: когда-то были классика, оперные певцы, потом джазмены, все виртуозы. А век-то массовый, массовое — все. Многим надо самовыразиться, а «Ла Скала» — один. Так и пошли: кантри, скифл, блюз, рок. И в общем-то, правильно: сколько сейчас в мире напевают, слушают песен, написанных людьми, не знавшими нот? И с исполнительством то же самое: не всем же с шести лет и по шесть часов в день пиликать! А рок-группа — свои ребята, не очкарики, окосевшие, глядя на свои струны. И везде, от танцплощадок до стадионов, играют чуть более талантливые, усидчивые, но свои. И поют о своем. Это рок.

— Интересно. Точней, теперь мне это должно быть интересно.

Задержись кто в этот час в галерее, ему показалось бы, что культуролог проводит эксклюзивную экскурсию важному посетителю.

— А потом жажда развития, совершенства и прочие враги массовости завели и рокеров в свой «Ла Скала»: альбомы по пять лет пишут, инструментов — как в оркестре. А уровень... Кит Эмерсон снова всех под лавку задвинул. Слышали такого? Клавишник уровня Рихтера. Вот и опять: «восстание масс», панк-рок. Знаете, с чего «Секс-пистолз» начались? Вышли, на майках написано: «Я ненавижу „Пинк Флойд“» — тоже группа из недосыгаемых. А у «Пистолз»: только те футболки и оскорбительная песенка про королеву Елизавету — и готово, обозначили себя, так что на сорок лет хватило. Нашим-то панкам будет посложнее.

— Потому что у нас — ни «Пинк Флойда», ни королевы?

Елена рассмеялась:

— Еще говорите, что не в теме! В трех словах припечатали проблему. Нет исходных авторитетов, некого и приложить, чтоб оттолкнуться. Вот они и схватились за «Горе от ума» и газопровод... Павел, хорошо — вы сразу нацелили на откровенность. Нина из девчонок — самая способная, но и она — талант ансамблевый, групповой, хоровой, в общем. Целыми днями дыхание, колоратуру упражнять, сами понимаете — не ее. По-моему, их с Егором поэзия больше перетягивает. Но все же... как группа они вполне могут пробиться. Там же по определению: не колоратура, а драйв, нахрап, хиты актуальные, ну и реклама, конечно, скандал.

— То есть нам еще бенцев вроде сентябрьского надо ждать? А делать, делать-то что? Мне, нам сейчас?

— Мне сейчас... следует пригласить вас к кофе-машине и поинтересоваться: какой вам?

— Эспрессо, двойной.

— А нам обоим в ближайшее время следует лишь идти по следу и страховать их. Вот в чем я убедилась за время моего «директорствования».

— Кофе крепкий — разговор конкретный... Самое главное. Вот вы, Елена, будь возможность, свою Лизу вытащили бы из этой «Манифестомании»?

— Эх, Павел! Самое главное: не — Из... а вытащила бы — Куда?!

— Умная вы дама. Правильно: куда? Раньше все мы думали: вот обеспечим хорошие им условия, стартовые... Просто решим за них бытовые проблемы. А потом выясняется: за этим других вопросов и нет! Не видать что-то... Вы про моих старших, наверно, знаете. На Нинку я надеюсь, верю: дано ей нечто. И что ее всегда вывезет — верю. Больше-то и не во что.

— В курсе. Я все про своих подопечных. То есть главного, за чем вы пришли, не знаю, но все привычки, сплетни — это да. Знаю, что по ее инстинктам вы всю семью строите.

— Остатки семьи.

28

— «Я вижу темноту».

— Это что, Нина, название?

— Да, Альберт Борисович. Или заголовок. Моя курсовая работа, эссе. Вы же задавали к зачету написать на выбор очерк, репортаж или эссе.

Титульный лист, однако, соответствовал всем требованиям по оформлению. Поверху: «*Министерство образования... Московский международный эколого-филологический университет*». И далее все строго: «*Выполнила Нина Бек, группа 2112, руководитель семинара доцент А. Б. Марин*». Со страхом и томлением Элик Марин перевернул страницу:

«В среднем жизнь одного человека — это тридцать шесть миллионов, прошедших мимо него. Других людей, событий, возможностей, любовей, книг, музык, стихов. Арифметика больших чисел сильна, некоторые проходят мимо вас десять-пятнадцать раз за день. Отец заглянул в спальню, разбудил, три раза прошел мимо на кухне, с тарелкой, кофейником, вечером четыре раза. Сестры, собираясь в клуб, ругаясь, выходя на бегу трусы, топики, платья, пробегут мимо пятнадцать раз, прежде чем крикнуть «Чао!» в дверях. Соседи (пятеро негодяев), полицейский или водитель-охранник (это один человек), прохожие за окном, вахтер, знакомые и незнакомые в университете... Гуру, за две минуты выливший вам смысл жизни и ушедший на рекламную паузу.

Некоторые оспорят эту цифру: тридцать шесть миллионов прошедших — многовато. Кто считал, «британские ученые»? И как прошедших? В окне поезда пролетевшего мимо? На митинге? Параде? Выходя из кино? Еще поспорьте: как засчитать тех, прошедших мимо и бросивших по пригоршне земли на деревянную крышку, под которой вы останетесь лежать, кусая локти об упущенном, обо всех этих тридцати шести миллионах. О том, что главное было — мимо...»

Элик оторвался от текста, поднял глаза на студентку и попытался задать вопрос какой-нибудь. Губы почему-то не шевелились. Брови пытались что-то пояснить, вполне даже оживленно жестикулируя, но их «речь» мало вязалась с позой глаз, абсолютно застывшей.

— Так эссе же, — сказала Нина, не дождавшись вопроса. — Зато не скачала!

— Да-да, конечно, да...

Скачивание рефератов, курсовых, очерков... — всеобщий бич гуманитарных вузов. Работы, попавшие под выборочные проверки Рособнадзора и выдавшие четырехкликовый процесс своего создания, были минусами и вузу, и преподавателю. Наказывать за это бессмысленно, именно из-за тотальности скачивания, но где-то эти «минусы» накапливались и становились дополнительным аргументом при закрытии вуза или увольнении преподавателя.

— Да-да, вы не скачали... Я, собственно, и не понимаю, не знаю, где вообще это можно было бы скачать. Конечно, эссе — самый свободный жанр... Но, Нина, эссе, принимаемые в рамках учебного курса, должны соответствовать некоторым... совершенно минимальным формальным требованиям.

Окончательно испугавшись, что его тайная влюбленность могла истолковать это как отказ, он, прямо как на ток-шоу, быстро сам себя перебил:

— Нет, нет, Нина! Вам зачет, конечно! Давайте, пожалуйста, вашу зачетку. Только... одна просьба, хорошо? Ну просто чтоб меня не подставить, ладно?

— Идет.

— Написано правда прекрасно. А уж по оригинальности... я потрясен. Но только... Это ведь всего одна страница, неполная. Я знаю, вы человек очень творческий, люби-

те стихи. Шедевр может быть еще короче, но... Ваши работы я сдаю, проверять их вряд ли кто станет. Так, оглянут стопку, и ваша сразу бросится в глаза: два листа, титульный и... этот. Вы же знаете, ваша группа удостоилась особого внимания нового ректора. Внимание к этому казусу может повредить всем... вашим.

— Ясно. Что сделать надо?

— Смотрите, вот работы сегодня сдали. Воробьева — четырнадцать страниц, Барышева — двенадцать, Серов, самая маленькая, — девять.

— Так. Другую работу к когда надо? Чтоб вас всех не подставить?

— Надо завтра, не позже второй пары. Только зачем другую? Вы могли бы эту продолжить, она действительно потрясающая, оригинальная, я девять лет преподаю — и такое впервые. Вы ее долго сочиняли?

— Я не сочиняла — написала. Вчера. А чего добавить-то?

— Тут у вас глубоко личный импульс. Наверно, о смысле жизни, я и сам не понял пока, но трогает, волнует. Выведите линию от вашего личного... озарения — на общественную значимость. Какие-то вопросы, волнующие ваше поколение, общественные, значимые вопросы.

— Поняла, — и вскинув глаза, перечислила. — Значит, наше поколение, волнующие, общественные вопросы.

— Нет, хорошо бы все же добавить и ответы, ваши. Вы же такая думающая, ответственная девушка.

— Я ответственная, но недумающая. Правда, стараюсь не думать... О! Альберт Борисович, вспомнила. Завтра же я не могу, мы переезжаем. Семей в смысле. На Норовижское. Но... я вам обещала, я не подставлю. Давайте так, у вас сейчас еще пара, а я пока допишу. В деканате распечатаю и после пары вам сдам... Да не переживайте, до курсовой Серова мне только восемь страниц надо добыть.

— За полтора часа?

— У меня вопросов много, как вы сказали, волнующих, общественных. Ответов меньше, но тоже много.

Элик ушел на свою пару, пораженно формулируя: «Правильно твердят — как тесен мир. Но и красив же — при этой тесноте! Нина полгода назад — звезда из другой галактики, сейчас говорит со мной. И так откровенно! „Я ответственная, но недумающая“. А завтра она переезжает в дом, купленный у моего друга Коли, где столько довелось посидеть, погулять, который вдвоем и продали».

Нина в этот момент тоже поражалась: как же удачно все складывается. Восемь требуемых страниц ее особо не беспокоили. Она помнила вчерашний «военный совет» по поводу зачетной недели, допуска к сессии и неотчисления до февраля. И теперь получается, остальные листы она будет сдавать ему уже в пустом институте. Он отпустит своих студентов, дождется ее, и... она сможет выполнить задание манифестоманов. Диспозицию вчера прояснили.

Пункт 1. Ректор хочет их отчислить. Недопуск к сессии: лучший момент. Но большинство преподавателей ремизовского набора знают: грядущая в следующем году перестройка вуза с экологии на биологию мало кому оставит место, и тут лояльность/нелояльность новому ректору, старая/новая «команда» значения не имеют. Редкий случай: решат не связи, симпатии, а вопросы содержательные. Киты ММУЭФ: политология, конфликтология, геоэкология, системная социология... полетят осенними листочками.

Ректор, разумеется, не рискнет приказать увольняемым завтра топить отчисляемых сегодня. Максимум: «Зачеты у всех принимать без поблажек».

Пункт 2. Элик — давний «душа универа». Плохо только, что у него зачет в этом месте сдают только Нина и Ренат, это верняк. Но остаются: экономика природопользования, геоэкология, социология и еще три «засады».

Решение «Манифестомании» было революционное: «Если враг не сдается — его покупают!»

Во взятке самое страшное — страх. Боятся оба, но препода все же больше. И безупречный доцент Марин, всеобщий Элик — идеальный посредник. От него взять не побоятся. Деньги на банковской карте — «общаке» с дня получения Егором пятиста двадцати тысяч рублей комиссионных — оставались: неопределенность судьбы группы помешала покупке микрофонов и микшерского пульта.

Уболтать Элика поставить зачет Ренату и, главное, подбить его на коррупционное посредничество по остальным зачетам — это и было заданием Нине. Договорившись о досдаче восьми страниц, она подумала: а почему бы и не сегодня? Он так расчувствовался над моей страницей. Добавить волнующие вопросы и ответы? Да легко. Вперед!

Когда-то знакомый парень сестры Насти рассказал им о холотропном дыхании — средстве быстрого влезания в подсознание. Старшая сестра сочла это запутанной заморочкой. А Нина отыскала книги рекомендованного Станислава Грофа о методах трансперсональной психологии. Пробовала ступить и на шаг дальше от модного Грофа — к почти научной «Неврогенной гипервентиляции» Вейна, но тут уже заскучала.

Холотропное — быстрое, поверхностное дыхание, гипервентиляция и резкое снижение уровня CO_2 в крови, вызывающее алкалозис, респираторное ощелачивание крови, дающее те самые трансперсональные переживания Станислава Грофа. Для себя Нина дополнила метод: быстро дышишь, тщательно трясешь головой, заставляя себя не думать, задираешь к небу глаза и... вперед за карандаш или по клавишам, чем быстрее, тем лучше. Начнешь задумываться — снова дыши и трясги головой. Холотропия, сложившись с ударом затылком о ступеньку, дала небольшую поправку: бормотание Нины переходило в некое ритмичное шаманское выть-пение. И... занятная деталь: музыкальную школу с обязательным хором она окончила давно, но на пение «ее пробило» только в «Манифестомании».

Нина поднялась на пустой и гулкий третий этаж, достала походный тоненький ноутбук, быстро-глубоко подышала, хорошенько потрясла головой и улеглась на подоконник, задрал ноги. Раза три приходилось вскакивать, дышать, прогоняя особо докучливые мысли, и возвращаться на подоконник...

Спускаясь к деканату, она встретила Элика:

— Альберт Борисович, а пара — уже?

— Тридцать семь минут как уже.

— Ой, простите. Мне только распечатать в деканате. Пять минут, и сдаю.

Вдвоем в пустом коридоре. И вот он с ней идет, целая минута — только вдвоем!

— Ничего. Когда-то, Нина, я сам опоздал на годы, навсегда.

Нина на его убогий заход отреагировать не успела. Влетев в деканат, показала секретарю на комп, дождалась кивка, плюхнулась, быстро вставила флешку, поглядела на экран и задумалась. Извиняющийся взгляд на Элика, еще раз на экран. Покраснела, пролистала вперед:

— Альберт Борисович, извините, еще минут пять. Тут поудалять кое-что надо, подчистить. Но вы ж там говорили, что куда-то на три года опоздали? Или не на три? Я сейчас, сейчас.

По танцу пальцев на клавишах было видно, что она и правда в основном удаляет строки. Дописала пару слов только раз. Секретарь особо не удивлялась: обычная картина перед зачетной неделей. Только про три года опоздания преподавателя Элика немного странно прозвучало, и еще эта Бек, правя свой реферат, почему-то густо краснеет.

Наконец минут через пятнадцать она выразительно стукнула по клавише, и в углу загудел принтер.

— Марья Даниловна, можно ваш стэплер? Все.

Проходя по портретной аллее, где Тура Хейердала в сентябре сменил Климент Аркадьевич Тимирязев, Элик спросил:

— Это же Карпов ваш тогда придумал? Поставил две гвоздички в бутылке пива «Балтика» и на ленте написал «Депутату»?

— Вообще-то, Альберт Борисович, у нас — омерта. Неразглашение. Но сегодня я вас так задержала, что нарушу. Да, это Ега выпендрился. Наверно, ректор нас за это возненавидел?

— Вы не знаете, но он, забрав эту бутылку, поставил у себя в кабинете и месяц не выбрасывал.

— Прикольно. Ой, Альберт Борисович, я вас так сегодня задержала. У меня вон там машина стоит, довезем мигом в любую точку. Вам куда?

Элик вспомнил: друг, служивший в Советской армии, рассказывал про меру поощрения — «отпуск на родину»: строго десять дней плюс дорога в оба конца. И особо не муржили с выяснениями «к кому-кому?». И друг, пожертвовав свиданием с родителями в Мытищах, поехал поездом «к тетке» во Владивосток, в никуда, только по расчету: десять дней отпуска плюс шестнадцать дней в оба конца. Родители поняли, простили, а через два года он женился на владивостокчанке.

— Альберт Бори-исови-ич! Так куда вам? — уже усаживаясь на заднем сиденье.

— А, сегодня же среда! Тогда мне, значит, в Подольск, — брякнул из подсознания, но удачно: «там электрички ходят, домой успею».

— Олег, давай в Подольск! Улица какая?

— Дда... это рядом с вокзалом.

— Лизк. Все норм. Сдала. Дело? Продвигается. Что?! Да?! Ой, у меня и правда вылетело, ей-богу! Со всеми этими вашими поручениями. Сейчас-сейчас, я тут. Мы же едем в Подольск, ой! Олег, притормози... Уфф! Альберт Борисович. Вы только ради бога простите. Мы же сегодня переезжаем. Правда. Помните, я еще днем вам сказала: завтра сдать не могу, переезд. Мы сегодня пакуем, завтра на Новорижском разгружаем. Лизка звонила, уже в дороге, везет наших ко мне, вещи укладывать. Альберт Борисович, но как же нам с вами быть? Нет, это просто дурдом сплошной! Мы весь семестр только грузимся и разгружаемся, переселение народов! Альберт Борисович, я правда, мне так надо с вами поговорить! Столько вопросов. Ну простите. А может, вы попробуете как-то отменить вашу среду? Заедете к нам.

Элик закусил губу.

— Мм... я попробую, только я должен перезвонить.

— Хорошо-хорошо. Мы вас грузить не заставим, только выпивать. У нас уж так повелось. Правда, мальчики потом все же грузят, но это так, разминка...

В эти же секунды Нина соображала, как дать знать своим, что план по вербовке доцента Марина близок к фантастическому перевыполнению. Никакой шарахающий разговорчик в универе и близко не сравним с таким поворотом: доцент в ее руках.

А Элик набрал друга Колю и начал со всеми известными намеками лжеразговора.

— Извини, я сегодня не смогу приехать. Да. Да. Точно нет. Я потом тебе все объясню.

Он мог бы и менее старательно имитировать «отмену», потому что в ту самую минуту Нина, отвернувшись, эсэмэсила Егору: «Все норм, все ОК! И гениально! Везу его прямо к нам».

— Але, Настя, слышно меня? Я в дороге, сходи к Борис Иванычу, скажи, чтоб пропустил Лизу Ремизову на «ниссане». Они раньше нас будут.

— Нина, вы говорили, у вас какие-то вопросы ко мне?

— Да, ужасно много. Точнее, два, но ужасно важных. Первое. Я прошу вас выручить Рената Галямина. Он сегодня не смог приехать, мы вчера всю ночь репетировали, новая программа так трудно идет.

— Но вы-то приехали! И даже сдали курсовую. И даже героически ее дописали.

— Да, я действительно приехала...

Пока Нина тяжело обдумывала это «неожиданно вскрывшееся обстоятельство», доцент Элик достал из портфеля пачку работ. Выжидая, включил свет, раскрыл.

— Нуте-с, и что вы там дописали?

Многие преподаватели, совершенно разных предметов, взглядов и вкусов, общаясь со студентами, начинают подражать оборотам дореволюционных профессоров из какого-то фильма: «Да-с, нуте-с, милостивый государь, ну-с, вьюноша...» Барышней он Нину пока не назвал, но это был вопрос минуты, помешало чтение добавленных страниц ее текста:

«Лист второй. Я продолжаю видеть темноту. Важные, социально значимые вопросы и мои ответы».

— Погодите, Нина, это что, так и будет перечень вопросов и ответов?

— Зато не скачала, — она повторила давешний довод.

«Вопрос № 1. Как заставить математика Перельмана принять премию? — Пригрозить, что иначе ее поделят на ноль.

№ 2. Сколько времени было на потекших часах Сальвадора Дали? — Без пяти.

№ 3. О чем фильм Лени Рифеншталь „Триумф воли“? — Как Гитлер бросил курить.

№ 4. Куда Вера Засулич свой револьвер при обыске засунет? — В... бип-бип-бип.

№ 5. Первый космонавт-еврей? — Борис Березовский.

№ 6. Сколько наворовал гоголевский городничий? — Он не воровал. Гоголь врал.

№ 7. С какого урока ушел девятиклассник Иосиф Бродский? — Литература. Заставляли читать стихи, „но с выражением, а не как пономарь“».

— Нина. Кх-кхкха. Это вы что, пока я вел семинар... вы сидели в аудитории и сочиняли это?

— Нет. Я не сидела в аудитории, я в коридоре на подоконнике лежала.

— А, ну да...

«№ 12. Где мы завтра встретимся? — На углу Никольской и Сретенки.

№ 13. Богатые тоже плачут? — Но о другом.

№ 31. Почему нельзя делить на ноль? — Потому что нуля нет.

№ 32. Нос хуже — перебитый или проваленный? — Оба хуже.

№ 44. Захер Мазох пишется слитно или через тире? — Через запятую. То был вопрос Мазоху.

№ 56. Если б предатель завелся в Синедреоне, сдавал бы он апостолам планы первосвященника Кайафы? — Да. За те же тридцать динариев. Такса.

№ 57. Что такое ФСИН? — Федеральная служба изобретения наказаний...»

— Даа-а. Действительно, что скачали — не заподозрят точно. Велика страна Интернета, а такого, по-моему, там нет... Девять лет преподаю, но впервые....

— Зачет вы мне уже поставили. И в ведомость.

— Да что зачет... — тихо-тихо бормотал доцент, листая эссе, выхватывая сумасшедшие вопросы и ответы... Что, так и задумано было? Что такое мне выдаст моя самая... студентка...

— Какая самая? — звонко вторглась Нина. — У меня слух музыкальный!

Совершенно разгромленный прочитанной «курсовой», да еще и пойманный на слове, доцент Элик повернулся, поднял глаза и, подхрипывая, ответил:

— Самая красивая, самая лучшая.

Нина столкнула с колен сумку с ноутбуком, повернулась, забросила руку за шею доцента, притянула и поцеловала в губы. За десять секунд до этого привыкший контролировать дорогу чуткий водитель-охранник врубил радио, а теперь прибавил звук и приник к баранке, высматривая знаки...

29

Группа на Лизином «ниссане» опередила их минут на двадцать, но вошедших Нину и Элика встретил уже вполне обозначившийся бедлам. Члены ее первой и второй семьи бродили по дому с коробками в руках, о чем-то спрашивая друг друга, так что Нине пришлось почти заорать: «Эй! Мне нужны два чистых листа бумаги, белой, формата А-четыре!»

Получив у отца, она положила их на подкатившийся сервировочный столик, подзвала Рената: «Ставь подпись вот здесь!» Расписавшись на втором и отдав листки доценту Элику, доложила группе:

— Первый пункт задания — норм! Завтра утром последний срок, Альберт Борисович сдает наши с Ренатом работы. Подписанные листы — это титульные, он в печатает, что надо. Зачет тебе, Ренатик, пляши!

Смущенный доцент пояснил:

— На домашнем компьютере у меня есть доклады по фауне Таймыра, недавние, в инет еще не выкладывали, я из них наберу на два очерка, распечатаю, сдам.

— Я сегодня пробовала написать курсовую сама... неудачно. Но... мы договорились. Альберт Борисович, а про что будут наши работы? А то еще спросят, подловят.

— Нет-нет, у Нины получился великолепный текст, высоколитературный, художественный, просто в свете нынешней обстановки в университете он может вызвать ненужное напряжение. Лучше подойдут нейтральные очерки о краснокнижных млекопитающих Таймыра. У вас, Нина, меры охраны белых медведей, у Рената Галямина — тюленей.

— Отлично, Таймыр! Правда, они там, не читая Красных книг, едят одни других... Но ничего, ознакомятся с нашими курсовыми очерками — перестанут. Альберт Борисович, вы же отменили Подольск — могли бы еще задержаться? У меня, у нас еще есть вопрос к вам. А потом Олег, куда скажете, довезет.

— Да-да, конечно!

— Пап, займи Альберта Борисовича и покорми, видишь, он шатается, голодный, наверно. Только сильно не спаивай, у нас еще разговор.

— Насть, а где коробки с моими игрушками и альбомами?

— Игрушки и все из твоего гардероба в фургон спустили. А альбомы и твои книги пока не укладывали.

— Так, все похватили пустых коробок и пошли ко мне.

Манифестоманы, с тихим любопытством оглядев комнату Нины, стали перекладывать содержимое стеллажей в коробки.

— А эти книги — отдельно?

— А в эти три кладем альбомы фотографий...

Но быстро выхватив из потока том синего бархата, она присела, скрестив ноги, на паркет, раскрыла.

— Я же архивариус семейства Бек. Даже папин дембельский альбом — у меня. А в этом — самые старинные. И самая старинная из них. Вот: Евсей Нафталиевич Бек...

Отец семейства заметил полное прекращение погрузочного движения, оставил доцента Элика у телевизора и поднялся к дочери...

— А, конечно. Нина должна была вас угостить этим эпосом. Илиада-Одиссея прапрадедушки Евсея. И чего успела напеть? Я-то ранее не интересовался почти. Только когда заметил, как Нина зависает перед этими фотками, тогда и вгляделся в ее протестное еврейство. У нее же все — протестное... И когда она начала мне сказки про моих же предков сочинять, обратился я к семейным, как их, анналам. Сам, а потом человека нанял — по архивам — и, конечно, через тетку, Розу Шахирзяновну, главный у нас вспоминатель. И могу вам точно, как на партийном собрании, отчитаться. Сотрудник мне и ксероксов архивных натаскал, две папки, да, Нин? Но и так помню. Этот наш Евсей Нафталиевич Бек действительно родился в маленькой деревне Пиваньковцы Житомирской области. Потом перелез через забор оседлости, приехал в Москву, крестился, потом — ученик портного, потом женился на... погодите-погодите... женился на Авдотье Патрикеевне Поповой, м-м... Его старший сын... Нет, больше грузить не буду, так поверьте: потом — только русские, татары еще. Родословная, блин. Почти чистокровные арийцы. Или марийцы. Да с этой одной шестьдесят четвертой еврейдолей меня могли в... отряд космонавтов... Или все-таки одной тридцать второй? Нина, какая нота самая маленькая, в смысле короткая? Одна тридцать вторая?

— Ага, пап. Потом только форшлаг. Или форшмак, не помню, па, я ж давно музыкалку окончила.

Павел Русланович подошел и запустил пальцы в черную Нинкину гриву, взъерошил.

— Хитрая. Хитрая у меня лиса. Чернобурка... — и обернулся к аудитории.

— В общем, генное наследство портного Бека дробилось и таяло. Оставалась только брюнетность, периодическая. И три буквы: фамилия. Я, кстати, первый, у кого сыновей нет. Да... Пойдемте в бильярдную. Анжела там сорганизовала ужин... Зал и столовую мы ликвидировали как класс, мебель вся на Новорижском. А бильярд, рояль — это будет отдельная бригада особого назначения. А вам... в основном доверили тряпки, мелочовку, девичьи всякие деликатности, книги, игрушки — коробок двадцать пять будет. Настька, если свои не собрала, торт, мороженое — пролетают мимо твоих губок.

— Па, ну сколько еще!

В дверях бильярдной Анжела доложила:

— Стол накрыли полиэтиленом, сверху скатерти пластиковые, которые для беседок, но все равно с вином, водой надо поосторожнее.

— Грузчики, слышали?! Если кто прольет — ему и соседям справа-слева сразу же все вылизать! Бильярд у меня раритетный!

Мебель вывозили вчера, и в элегантной бильярдной вокруг раритетного стола, как на деревенских свадьбах, длинные доски на ящиках.

Нина подседа к доценту Элику, довершая сказку его дня.

— М-м... Нина, вы в деканате, перед распечаткой своего... эссе, тех добавочных страниц, что-то удаляли.

— А! Я там на подоконнике наотвечала много лишнего и личного. Вы ж сами сказали: общественно значимые вопросы. А я про себя написала, что мне при развале нашей группы только и останется стать девушкой шаговой доступности, — это не общественно и не значимо.

— Вы, шаговой?

— Я же говорю — ерунда. Это я там на подоконнике термин такой придумала — девушка шаговой доступности, просто писала наперегонки с собой, а когда шли с вами к деканату — уже так не считала... Альберт Борисович, а почему вы совсем не закусы-

ваете? Положить вам салата и семужки? Знаете, о чем я вас сейчас попрошу? Это связано с нашей группой. И сессией, до которой нам обязательно надо дожить, оставаясь в универе.

...Элик, конечно, согласился бы и на более опасное задание. А тут — побеседовать, обработать четырех коллег, стать для них гарантом и посредником при передаче денежных сумм. Парящего где-то за стратосферой Элика по-настоящему сейчас беспокоило только одно: вдруг она вспомнит свою курсовую работу, семь листов сумасшедших вопросов-ответов, вместо которой он завтра сдаст очерк о защите краснокнижных медведей Таймыра? Вдруг сейчас вспомнит и захочет забрать?

Но Нина вдруг вспомнила о другом:

— Пап! А как же плющ вокруг беседки? Его обязательно надо выкопать и пересадить в нашем новом саду!

— Нин, ну кто же пересаживает растения в декабре! Мы же его погубим, просто уьем, выковыривая из мерзлой земли.

— Но ты же говорил, Викентий планирует вместо беседки построить гостевой дом. Это же котлован будет, вот он точно уьет наш плющ. Надо попробовать выкопать!

— Прямо сейчас?

— Прямо!

Павлу Беку надо было как-то объяснить гостям вдруг щедро брызнувшие слезы дочери:

— Викентий, это Викентий Аполлинариевич Успенский, покупатель нашей усадьбы. Он и правда сказал, будет строить гостевой дом на месте нашей беседки... с плющом. Да это, собственно и не плющ, это обычный дикий виноград, залетел к нам непонятно откуда, и Нина...

— Непонятно? Откуда? Да у нас же все до самой паршивой веточки куплено, чеки подшиты. Все — лишь покупки, но этот... он сам прилетел, к нам. Представляете, сам... выбрал нас, прилетел, зарылся, пустил корни, сам зажил, и оказалось так удачно: вокруг беседки. Размножился, вырос, на крышу полез... Некупленный! — и тут Нина зарыдала в голос. Анастасия подхватила, обошла стол, обняла, попробовала увести, но Нина прижалась к сестре и — помогло — затихла.

Последний раз всхлипнув, вытерла лицо о жакетку Насти. По счастью, постматериалисты «Манифестомании» косметику отвергали как класс, так что одежда старшей сестры только вымокла.

Павел Русланович сначала хотел перевести в шутку о прекрасной, но капризной принцессе, пожелавшей в декабре подснежников. Потом, по мере нарастания слез, о принцессе, которой грустно прощаться со своим замком, беседкой, со своим плющом... Такой сказки вроде нет, но ничего, сошло бы. А когда сцена вышла на полные обороты — уже и не знал, куда вывозить.

Тягостные объяснения взяла на себя виновница. Потеревшись о сестру еще пару раз, она отодвинулась, подняла лицо и сказала:

— Простите.

— Простите, мне, может, удалось бы лучше объяснить, но папа тогда прервал меня, когда я альбом показывала. Он точно назвал: село Пиваньковцы Житомирской области. Я и сама все разузнала. Пиваньковцы — это было не местечко, где евреев много всегда, а просто деревня, куда залетели, может, случайно две семьи, Зальцманы и Беки...

— Понимаете, то был эксперимент, опыт. Они там девяносто лет жили, размножались, переженились двадцать раз. Чтоб не выродиться, как фараоны, от которых когда-то сбежали, Зальцманы и Беки ездили за невестами даже в Житомир, но глав-

ное, в чем опыт и состоял, сами, кроме нашего Евсея Бека, никогда никуда не уезжали. Неизвестно, как их там терпели, но размножиться дали. Неизвестно, и до скольких они там... размножились, точно известно лишь, до какого года длился опыт, даже до какого дня. 27 октября 1941 года в Пиваньковцы приехала команда и всех, строго до одного... Но тогда в чем был эксперимент? Что забросили куда-то девять человек, дали им... ой, я уже пятый раз этот глагол произношу... ну и пусть, дали им размножиться. Восемьдесят лет, это м-м... двадцать две свадьбы, девяносто три рождения, тридцать шесть похорон... Вспомнила, в курсовом эссе, которое Альберту Борисовичу сегодня не подошло, я подсчитала: в среднем жизнь человека — это тридцать шесть миллионов прошедших мимо. Мимо него — считая всех, и всё, и вся...

«Вспомнила-таки. Но не отдам! Скажу, потерялась. Листки туда-сюда из портфеля... Затерялась». Элику эти семь листков курсового эссе нужны были не только как будущий фетиш, следы ее рук, дыхания. Это было бы и свидетельство реальности сегодняшнего вечера: почему-то мелькнуло, что если не сейчас, то через пару, десять лет — он перестанет верить, что это с ним было. Придуманный и отмененный Подольск, зачетка, поцелуй в машине, застолье на гигантском бильярде, слезы.

— А если считать не прошедших мимо, а реально случившихся объятий, поцелуев, выпитых бутылей, спетых песен, будет в две тысячи раз меньше, но будет. Было же в Пиваньковцах двадцать две свадьбы, значит, было триста тридцать тысяч объятий, сто семьдесят тысяч поцелуев, девяносто тысяч оргазмов... Нет, их поменьше, потому что Софочка и Роза — притворялись. Но все равно, чистота эксперимента в отдельной... колбе, сообществе — соблюдена. Вот они прилетели, их пустили, дали размножиться, и... — Нина учительски возвысила голос. — Контрольные вопросы по моей лабораторной работе совершенно простые: для чего их пустили? И что осталось от тех объятий и поцелуев? Я сегодня в курсовой гораздо более хитрые вопросы написала, штук, наверно, пятьдесят...

«Сейчас, захочет свериться, попросит: а где моя курсовая работа?... Точно скажу: потерял».

Но Нина закончила резко и быстро, как ее холотропный вдох-выдох:

— А тут всего два страшно простых вопроса: для чего и что осталось?

Первым ответ нашел Ренат, тонкая натура:

— Нин, если плющ обкопать подальше, на полметра отступить, а потом аккуратно поднять, перевезти и до весны держать где-нибудь в тепле, в кадках — он выживет. Пошли, покажешь.

Но им не дали убежать в сад вдвоем, «бильярдисты» дружно превратились в копателей или сочувствующих (лопат нашли только три). Уложив дерн с антеннами лиан в коробки, все вернулись к столу. Егор — к привычному подкалыванию Рената:

— Я и не знал, что ты такой аграрий. В натуре — заводчик плющей?

— Первый раз их вижу. Это была моя внутренняя убежденность.

— Ну тогда зацветут. Забавно, уже второй раз связываемся именно с этой зеленью, помнишь, на стене универа граффити забацили: «Лига хвоща».

— Прикольно было, — справа резко подключилась Лиза. — Помню, мы тогда стрелянку держали, Браслет пшикал. Хохотали. А сейчас бы я тебе, себе и всем надавала бы пощечин. Твари бессердечные!

И чуть заметно хлопнув, Лиза так же резко от них отошла.

— Это из-за отца, — вздохнул Ренат.

— Да, подпилили мы лозу, на которой сидели, ногами болтали...

Разгоряченные, выходили в сад. Еврейско-плющевую со слезами сцену Нина заслонила ролью веселого экскурсовода. Проходя, нежно погладила пыльный борт автофургона: «Последний паром на Константинополь!» Пританцовывая, провела гостей

к самшитовой аллее. В клубах сырого декабрьского воздуха весело выпили муската. Потом экскурсия поднялась к ротонде — чего Павел Русланович опасался, но не смог избежать. О войне Беков с Лигой соседей знали, кроме Элика, все, но проявили нечуткую неуклюжесть, осматривая с «командной высоты позиции неприятеля» да еще позволив несколько реплик. Нина сдержалась только потому, что брызги слез стали бы дурным повтором, и, обхватив себя за плечи, обозначая замерзание, сбежала вниз к дому.

Потом все собрались у камина — предусмотрительная Анжела зажгла его, еще когда гости потянулись на экскурсию. Увезенную мебель каминного зала заменили пластиковые садовые стулья. Егор вытянул ноги на каком-то топчане без подлокотников. Чутьем кандидата в особо доверенные сотрудники он понимал, как остро Павел Русланович сейчас переживает за дочь, иссушаемую ненавистью к негодьям, от которых они теперь, по сути, сбегают. Три минуты на ротонде — и вновь подробности кошмарного «кровосмесительного» поклепа встали в полный рост. Подошедшему отцу она кивнула на пламя, сказав негромко:

— Беглецы топят обычно мебелью и книгами.

Егор подхватил инициативу, громко продекламировал строки, понятные здесь только троим:

Часто пишется мост, а читается правильно — месть.
Может быть, простота — уязвимая смертью болезнь?

Павел Бек вскинул брови: именно месть была самой опасной темой. заводящей дочь в дебри, нервически истоющая. Заметил, и как Нина прыгнула на знакомый ритм. Видно, те бесконечно перевираемые, но живуче сохраняющие свой грозный размер строки Мандельштама—Еременко стали для нее кодовыми, это Егорка-ловкач ухватил правильно, еще когда задание получал и видеоролик просматривал. В зятя метит, пробивной психоаналитик?

А Ега, новый Фигаро, будто наслаждаясь рисковостью момента, подмигнул обернувшейся к нему Нине:

— Не переживай, самая совершенная месть уже мной найдена. Нужен хороший финальный удар, властный жест, чтобы это, — обвел оголенный каминный зал, — не стало бегством. Я знаю... сразу за Истрой... — купаясь во вспыхнувшем внимании, тянул паузу, — сразу за Истрой — огромные поля борщевика. Мы с Браслетом наберем засохших метелок, семян, по два мешка каждый, привезем сюда, Павел Русланович разрешит сей прощальный визит, да? И мы щедро, по-королевски бросим на ветер весь собранный урожай. Заборы этих тварей видел: мы бросим семена выше — на ветер мести и печали. Они ж такие жутко живучие, все государство не может справиться с борщевиком, на прошлом курсе мы проходили, что это «следствие бездумных экспериментов человека в природе, апокалипсис борщевика». Финальный жест, Нина! В снегу, грязи лежат мелкой трухой клетки опухоли, стрелки плана будущего наступления... Часто пишется «жест», а читается: полная жесть. Мы поедем туда, там, где мост превращается в месть!

Нина рассмеялась, Павел Русланович выдохнул, прочие тоже, хотя и незнакомые со стихопсихомандельштамо—еременковским подтекстом.

Подтверждая исцеление, Нина подскочила, dokonчив строфу: «Часто пишется труп, а читается правильно: труд. Где один человек разгребает завал и вчерашнее солнце в носилках несут из подвала в подвал».

И уселась Егору на колени — верхом, как на биде, влевив второй за вечер поцелуй: «Ега, ты жест придумал классный, полная жесть, только я тогда пойду с вами».

«Нет, с моим поцелуем не сравнить», — расплывался Элик, сидя на том же заднем сиденье с сохраненной работой Нины Бек в портфеле. Водитель-охранник спросил: «Так вам в Подольск?»

«Подначивает. Видит меня насквозь, наверно, сияюще зараженного, сумасшедшего, как его хозяйка».

— Нет, уже не успеваю, давайте в Чертаново.

30

— Линк, Линк! У нас все норм! Мы не отчислены, допущены к сессии, а мне и Ренату уже и первый экзамен проставлен. Знаешь, никогда бы в жизни не поверила, что будем так радоваться этим закорючкам в зачетках. Смешная победа.

— Я, Нина, тоже ни за что бы не поверила, что моя дочь вбежит ко мне в студию вместе с друзьями, но о событиях, «радостных, победных», промолчит. Что за нее мне все сообщит ее подруга, а она рядом, не снимая наушников, будет трясти головой в такт неизвестно чему.

Лиза, сняв наушники, выверенно нейтральным тоном сообщила:

— Это новый хит, Ега с Ренатом сочинили, пока мы сегодня сдавали. Когда сюда шли, прямо на Цветном бульваре а капелла записали на телефон. Сейчас хотим порепетировать, ты не против?

— Моя студия — ваша студия. Дерзай, дочь.

У манифестоманов дружно уши горели, неловкость разливалась, плескала через край — присутствовать при таких семейных «терках». Бормотали обычно лишь: «Ну, Лизк, ну ты, это... Ну, Линк, понимаешь, она, это...»

Но Лиза упрямо повышала ставки, в ход пошел и звонок на ее мобильник, и ее звонкие, на весь холл, как бы ответы: «Да, папа, сдала! И экономику тоже! И все наши сдали. Папа, нам всем допуск к сессии и продолжение плавания в твоём университете!»

Елена вышла, мальчики занялись аппаратурой. По давней своей привычке разговор повели под переборы Рената, легкое чирканье Браслета по райду (тарелка), изредка подкрепляемое «бочкой» (бас-барабан). Когда-то в ММУЭФ это, может, и была защитная мера от подслушиваний, но со временем перешла в привычку, несколько песен родились из этого джема. Но сегодня Егор был прозаичен.

— Итак, кексы, ориентируемся на десятое—пятнадцатое января. Считаем, мы вышли на взлетную полосу.

— А слышал, Ега, те полосы называются: взлетно-посадочные!

Бравые девчонки прыснули, Егор развел руками.

— Браслет, я еще раз был у юриста. Там можно консультацию получать без предъявления паспорта, я назвался от балды Юлианом Асанжиным, никого не колышет. Моя постановка вопроса была такая: скоро новый год, я массовик-затейник на корпоративе, купил петард и фейерверков, полную канонаду. Провожу мероприятие в автопарке, но опасаясь: вдруг фейерверки попадутся бракованные? Рванут, машины покалечат, или даже пожар? И... Браслет, будь спок: чистая административка, только по человеческим жертвам могут переклассифицировать. В административке все пляшет строго от суммы ущерба. А мы же и вагончики их не заденем, поставим нашу самоделку аккуратно на землю.

— Хорошо б ты говорил — в песочницу. Песок, наверно, хорошо взлетает. И безопасно.

— Не, Марин, там работали вахтовики, без детей, песочница — это у меня была мечта, фигура речи. Но не переживай, может, ма-аленькая такая будет: туалет для кошек, кошки-то у них были, тогда бросаем в нее. Вообще, Браслет, мы сработаем в чи-

стый ноль. Охрана, конечно, поймет: подрыв. В новостях — аналогично. Но потом, на суде: чистый фейерверк. Я о другом сейчас напомним, а то мы увлеклись сессиями — а главное-то? Что мы, собственно, натянем на этот взрыв: за что, против чего?

— Ега, так в сентябре составляли.

— То была так, общая программа. Сейчас надо исходить из... Пока не разберутся, мы дня три будем в самом мировом топе: магистральный газопровод, геополитика! Между прочим — это как раз по нашему титулу: Манифест надо составить свежий, бьющий... Мозговой штурм. Вперед, штурмовики!

Двадцать минут птичьего базара. Решили идеи записывать на листках: рука ведь ленивей языка, а краткость — сестра... Марина собрала листки, сложила Браслету на барабан. Нина, чуть запоздав, сложила и пустила самолетиком.

— Так, Ега. Запорожцы написали письмо министру экологии. Объединяем? — Браслет попробовал стасовать листки. — Давайте, манифестоманы, выберем один, голосованием. Типа, один за всех, все — соответственно?

— Не! Лучше — жребий. Бог лучше знает, что нужнее нашей планете. Он же, в конце концов, ее делал! Но ты, Браслет, прав: такой талмуд ни слушать, ни даже зачитывать в новостях не станут. Ну-ка.. — выхватил листок. — Долой шубы из натурального меха, запретить убийства животных... Фу, Дашенька! Ты слыхала, что двести лет назад Французская академия запретила принимать проекты вечных двигателей? Скоро запретят и про шубы долдонить.

Браслет почувствовал, что Егора заносит, перехватил тему:

— Теперь серьезно. Из чего надо исходить? Это будет наша первая и последняя попытка. В сентябре все как-то смазалось, мы сами ни испугаться, ни порадоваться не успели, как нас уже вызволяет всемогущий Павел Бек. И Нинка у него на руках, как у солдата в Трептов-парке. Второй такой раз — над нами смеяться станут, презирать. Все согласны, кивните?

Егор вернул себе спикерство:

— Значит, будет только один удар, но чтоб тут все: и политика, и экология, и музыка. Итак, мы откровенно используем акцию для рекламы своей музыки, но и наша музыка служит революционному действию.

— Тогда надо в манифесте сказать: почему именно газопровод?

— Нин, в точку. Не потому ж, что я там летом у бабушки отдыхал и проходы изучил. Надо подумать... Ренат, вдохнови. Ну-ка выдай риф к сегодняшнему хиту... А-а, класс, Кит ты наш Ричард. Газопроводы — сосуды, понятно. Помнишь, Ренат, мы о квотах спорили, Грету Тунберг вспоминали? Я еще говорил про квоты потребления для поколений. И если мы за будущее, значит, требуем: не качать газ мимо нашего счетчика. Все вспомнят «незаконные подключения, врезки», а мы им: вы, твари, качаете мимо нас.

— У меня наоборот — межпоколенческая солидарность. С отцом. Чтоб и вы, лабухи, вспомнили: отец ректорства, университета лишился из-за нас.

— О, да!

— Ой, точно!

— Лиз, прости.

— Не, мы не забыли!

— Но помочь-то как?

— Просто. Взрывом мы протестуем против незаконного увольнения нашего ректора.

— Лиз, да ты че? Это же под монастырь! Да если полслова вякнется, что в его поддержку акт — ему волчий билет до конца жизни.

— Нет, Ега. Думала. Это ж зеркало: право-лево. Здесь билет волчий, значит, там — охотничий! В Европе все наоборот, и волна пойдет: душат зеленых, изгнали знамени-

того ректора, автора опасной книги... Я видела, как он с Гийомом Паншем по скайпу. Тот примерно сказал: толкнуть к изданию книги Геннади Ремизофф может только какое-то резонансное событие. Мощный ивент нужен — тогда и книга, и евролекционные туры...

И посреди цепочки доводов Лизы вдруг мощный взрыд:

— Да он же у меня спивается, прямо сейчас! Неужели непонятно? Он бросит себя насовсем!

Группа была потрясена: как они могли стать такими бессердечными, забывчивыми тварями!

— Все, Лиз.

— Без вариантов.

— Давай пиши. Повторим в слово!

— Наизусть выучим!

Егор к девятому валу сочувствий добавил негромкую сепаратную реплику:

— Нинка всегда готова на каторгу — чтоб потом ее отец из глубины сибирских руд на руках вынес. А теперь и газопровод рванем под Лизкину диктовку. За папашу. Прямо роман «Отцы и девки»... А наша экология? Может, допишем требование, чтоб и отца Юдиных пересадили на электромобиль?

Браслет барабанной дробью подвел черту, добавил шепотку реализма в порыв:

— Манифест запишем, ворд-файл, аудио, видео. Заранее по редакциям нельзя, могут перехватить, и в случае осечки опозоримся, но через минуту после взрыва разослать — самое то. Может, тогда и команда успеет до Костромы дойти: не метелить нас сильно. Теперь займемся наконец хитами, ради которых мы кинселовских ворон распугаем... Елене нашей надо тоже дать послушать. Ега, попросишь ее задержаться?

— Оо, Браслет, ты не в курсе! Ега теперь в такой же опале! Я вот все думаю: ради кого же тогда моя маман нас здесь терпит? И терзают меня смутные подозрения, что это... — и старинным менуэтным па обернулась к Нине.

— Дура!

— Нин, ффу! Ну чего для твоего отца обидного, что за ним ухлестывает модная галеристка, и художник-акционист, и светская красавица, и ведущая авторской телепрограммы, и все это, заметь, в одном лице, с двумя, двумя «соболиными бровями».

— Лиз, я не злюсь, вообще-то. А ты, кажется, знаешь больше, чем я?

— Правильно. Мы еще с тобой, как это, посестримся? Браслет, прикинь, как будут «Манифестоманию» объявлять. Вокал: сестры Юдины и сестры Беки. Мрак. Да не напрягайтесь вы все! Пал Русланыч дядька классный, но удочеряться я не дамся. Только после свадьбы...

Наконец дошло и до музыкальных трудов. За Еленой Петровной отправили Рената.

— Линк, вы, ты говорила, нам нужна новая программа. Мы, может, и не эта твоя Жорж Санд, чтоб ночью второй роман начать. Но мы, как «Роллинги», в труднейшие годы пишем лучшие песни.

— Красавчик, ты б не хвастался так до прогона.

— Да, Ренатик, сглазишь, — Браслет вскинул над головой палочки, отстучал ими до четырех, и группа понеслась:

«Из всех продуктов дешевают лишь деньги», — сказал ведущий кружка выживанья.

Но даст нам и десять инструкций спасенья создатель всемирной «Радионяни».

И будет немного еще — домашних зада-аний.

Но сам он не видит смысла в лекарстве,
на ложе берет нубийскую львицу.
И даже в едином всеземном государстве
он, если захочет, сбежит за границу.

Он сам и придумал всю эту больни-ицу.
Бессмертная сперма в бесцветных комедиях,
излишние лица не будут продолжены,
под страхом невключения в энциклопедию
они будут делать лишь то, что им положено.
Склероз — не болезнь а предосторо-оожность...

— Ну как?

— Громко, громко. Егор, тут у тебя все — прямые инвективы, но твоя стихия: пародии, реминисценции. Помнишь концерт на «Корке», как ты «Восьмиклассницу» Цоя переделал?

— Линк, то ерунда, пройденный давно этап! — группа вперебой извинялась за своего текстовика... А Егор, не опуская глаз, ответил ей молча, взглядом: «Ради этих двух увесистых пощечин мне ты и начала вспоминать „реминисценции“. Да, на „Корке“ облом был эпичный... Но ты — змея. Точно: красивая змея... Сейчас прямо по стойке микрофона к Лизке заползешь».

— Товарищи манифестоманы, а может, вам все-таки клавишных добавить? Уй-юй, не морщитесь так. Правильно Двоицкий писал: ну какие вы панки? Разве поймут вас пэтэушники, главный отряд?

— Сейчас нет ПТУ.

— Все равно, Ренат. Вы слишком утончились, усложнились, это и в плюс вам, но... Вы теперь такие... неконтактные. Вам скоро переводчик будет нужен, как тем индейцам джунгливым у Артемыча, да. Постойте, да ведь и у «Клэш» и «Грин дэй» тоже появлялись клавишные.

Манифестоманы развели руками: в точку бьет. С козырей зашла...

— Линк, а тебе какой диск «Грин дэев» больше нравится?

— «Америкэн идиот», конечно.

— А «Революшен рэдио»?

— Хорош, но ведь слабее «Америкэна»?

— Да, не поспоришь.

— У вас ведь Нина музыкальную школу по классу фоно окончила. Она, наверно, могла бы и с аранжировками помочь, да, Нина? У меня, кстати, в синем зале пиано стоит — забирайте.

Лиза усмехнулась, подмигнула «кандидатке в сестры», мол, видишь сама? Ради чего она вспомнила и клавишные у «Грин дэй», и твою музыкалку? Влезает. Через тебя...

Отставив сложноразветвленную тему-интригу, Елена Петровна вспомнила:

— А ту песню, что сегодня сочинили, на Цветном пели?

— Мы ее мало еще погоняли. Ренат риф хотел править... Но слушайте.

Теперь не отсчет палочками Браслета, а гитара Рената начала нечто похожее на двенадцатитактный блюз.

Мой доктор, зануда, выкинул номер:

В ночь на вторник взял да и помер.

Мой парикмахер облысел, адвокат — надолго сел.

Министр обороны, избитый, плакался маме.

Пожарный — догадайтесь сами.

Сторож мой обворован, охранник избит,
В моем зеркале — жалкий утырок.
Пикник на руинах тектонических плит,
Волшебный час на развалинах мира...

Поверх восемь тактов инструментала Егор пояснил: «Это попури, тут две вещи». И на смене ритма девчонки понизили тон до интимно-доверительного:

Не терплю больше этот Содом,
Тут и жители все: содомиты.
Знаю, что с ними станет потом —
Не пророки, но лыком не шиты!
Не хотел их судьбу разделить,
Переехал, слежу:
Скоро-скоро!
Тут соседи: о'кей! Можно жить.
Да и город уютный... Гомор-ра!
... ..

— Поинтересней. Тут вы перешли на размер очень оригинальный, редкий, семь восьмых, кажется? Текст только с женским вокалом как-то не стыкуется, да?

— Не стыкуется, точно. Наш женский вокал теперь больше думает, как бы поскорее Гоморре полный Содом устроить! — таким натянуто зловещим, но кому надо — хорошо понятным намеком Егор и завершил «неконтактное» обсуждение новой программы.

31

— А лес-то, лес! И снег.

— Уж здесь не как в Москве. Будет лежать без слякоти до апреля, — гордо представил друзьям малую родину. — Еще полтора километра, если яндекс не врет.

— Давайте привал. Я ноги натерла.

— Потерпи, Марин. Пройдем эту полянку, перекусим. Чтoб потом у точки — ни привалов, ни отдыха. Там лишние минуты ни к чему...

Боевой походный термос пошел «по кругу». Точнее, по прямой, на последнем привале манифестоманы пили свой чай на поваленной сосне.

— Спи-лили. Зачем такое красивое дерево спилили?

— Прорежают. Или воруют. Как мороз покрепче землю схватит — вывезут.

— Или специально о нас позаботились. Последний привал манифестоманов.

— А если они все-таки не рванут? Сырость-то какая. Какие тогда действия? Я предлагаю...

— Влажные мечты гитариста Рената. Почиркали зажигалками, потусовались и домой. Не позорь Золотую Орду, трус. Кто будет ремизовскую книжку, нашу панк-оперу продвигать? Давай лыжи в руки.

— Погодите, друзья мои. Если уж так все и привал наш последний, я должна признаться.

Группа притихла. Если Нина, то серьезно. Нина — это всегда серьезно...

— Помните в сентябре у Лизы на даче мы читали статьи? Одна такая, особо суровая, на сайте «Новый город». Про нашу панк-оперу, подписана: «Студент Горький». Вот. Это я ее написала, Горький — мой парень был, точнее, хотел быть. В академии, фамилия — Бурцов. У меня его пароли, аккаунты остались. Мне тогда... я подхлест-

нуть нас хотела, правда, казалось, «Манifestомания» сползает в тухлый рекламный проект ММУЭФ.

— А! Нинк? Ты и влетила.

— Погоди, но там же главная ругань обрушена на тебя: «в ноты не попадает, образ и партия Софыи — низкопробный фальшак». Зачем?

— Ну-у, я чувствовала тогда...

— Да нет, Нинка. — утешил Браслет. — Помнишь, я тогда сразу сказал, что ни фи-га не Горький это писал! В статье «септаккорд, каданс, лидийский лад», а Горький... я этого дебилоида знаю. Да, Ега?

— А я и Нину знаю. Ты ведь у нас мазохисточка, йес? Двоицкий тебя выделил, похвалил — ты и выправила, набросила дерьма... — Нина, склонив голову, чертила веткой на снегу. — Но теперь, Нин, мы еще кой-кого знаем, кому ответочку за это пришлем обязательно. Это соседюшки твои довели, Столетняя война. Ты же и за фотосессию в ротонде, и за все, что после этого поднялось, тоже себя мучишь, да? Понимаю, ничего... Нинк, а ты ведь, стрекоза, и меня в том пасквиле лихо приложила, помню-помню: «спичрайтер моего парикмахера»... Но ладно, не терзайся, операция «Борщевик» у нас по плану. Как из этой выберемся, так сразу. Слово даю. Новые когда въезжают?

— Середина февраля.

— Во, у нас месяц еще, верно, Браслет? Так, кто следующий на сосне признаний?.. Ну тогда я сознаюсь. Падры, я люблю и периодически слушаю «Пинк Флойд». Хоть забейте меня, но у меня и «Дарк сайд оф Мун», и «Стена», и «Энималс» дома лежат, от Лизки прячу... Далее по кругу. И ты, Ренат, сознавайся.

— Серьезно? С тобой? Нет уж... Мм-м, но ладно... Мне Лиза Ремизова очень нравится. Давно...

«Только долгий шорох снега, падающего с ветвей...» — вместо этой или подобной ремарки Браслет скомандовал: «Все, кексы. Надеваем лыжи».

32

Первым делом был выбор ракурса. «Никон», два «Кэнона» и «Олимпус» (перестраховка) закрепили на стволах. Проверили. Покинутый городок ремонтников царил на переднем плане, за вагончиками взмывали желто-синие трубы компрессорной станции. Марина Юдина оставалась при аппаратуре, кроме фотокамер, при ней были два мобильника. Трансляция в режиме реального времени — теперь даже гипотетические отъем охраной станции, полицией и растирание в порошок камер, флешек не поможет: кадры, ролики уже ушли.

Брошенная дренажная труба пятидесятих годов была присыпана не тотально, через час с небольшим группа вылезла уже за оградой, близ вагончика-столовой. Оглушающая первозданная тишина надавила, все манифестоманы перешли на придушенный шепот.

— Наверно, они сюда вернутся в феврале, заберут все хозяйство...

Выйдя из-за вагончика, они оглянулись. Теперь надо было установить визуальную связь с Мариной, до последнего не включая мобильников. Оглянулись — оператор махала им руками, тыкала. Группа должна стать на фоне не грязных вагончиков, а ярких, всеми узнаваемых труб и вышек газоперекачивающей станции.

Кадры яркой красоты технического прогресса портил только туалет, оставленный ремонтниками: самый что ни на есть стародеревенский, дощатый сортир. Ко всему еще и незапертый, распахнутая дверь поскрипывала, ветра не хватало — закрыть, скрыть убогую внутренку: помост, дырка, фу!

Оглянулись на Марину, в ста с лишним метрах за оградой колдовавшую с фотокамерами, та выразительно развела руками: теперь вашу песню не задушишь, не убьешь. Не заретушируешь.

Остался последний бросок. Самообладание, физическая статья, конечно, указывали на Браслета, но коробку с батареей стодвадцатисемизарядного салюта взял Егор. Все-таки он полгода в Магнитогорске торговал фейерверками, да и вся конструкция, превращавшая разноцветную канонаду в единый взрыв, — его работа. Похлопав по карманам, проверив все три зажигалки, он подхватил увесистый короб и пошел. На пятом шаге он оглянулся, кивнул на мачты, желто-синие трубы: «А она красивая!». Поморщился, минуя сортир, и пошагал дальше.

Функция прочей группы была проста, давно проработана на всех подобных акциях. Развернуться к фотокамерам, как те чуваки при захвате нефтебуровой платформы или другие чуваки, влезшие на китобойное судно, и махать руками зрителям, всем поднимаемым на экологический протест миллионам.

Манифестоманы дружно откинули капюшоны, сняли шапки, на передний план толкнули самую фотогеничную Нину Бек. Одесную, ошуюю стали Даша, Лиза, Галямов и Браслет.

Марина помахала: хорошо стоите, далее за вами сейчас будет взрыв, а вдали — футуристическая желто-синяя станция.

Вряд ли со ста двадцати метров можно было различить мимику, но жестикуляция! Вдруг Марина замахала по-другому, пару раз подпрыгнула, тыкая им.

Группа оглянулась и увидела: «случилось страшное». Откуда-то взявшиеся в брошенном городке два мужика как раз в этот момент перешли с быстрого шага на бег. Впереди, метрах в двадцати, с незабываемо сумасшедшими глазами бежал Егор, на вытянутых руках держа салютную батарею, под которой тянулись три горящие, пожогие на бенгальские огни змейки.

Самый выдержанный и сообразительный Вадим Браслетов замер вместе со всеми, беззвучно открывая рот. Поразительно, что и мужики гнались за Егором абсолютно молча. Немая — где ты, Гоголь! — сцена...

Только в предпоследнюю секунду Егор сообразил, что бежит он к друзьям — с бомбой. А может, и не сообразил, но какая-то программа из пакета рефлексов взяла управление Егором на себя. Резко, как корабль в противоторпедном маневре или как заяц от волка, он свернул влево, в два прыжка подлетел к сортиру с шатающейся дверью... и бросил бомбу в дыру, называемую в известных местах очко...

Знакомый лишь по кинофильмам звук взрыва не вывел группу из оцепенения, но замерла и погоня.

В самое небо взметнулись обломки досок, а по более пологим траекториям широко вокруг: на застывших мужиков, девчонок, Браслета с Ренатом и, уж конечно, на Егора полетели, казалось, тонны и мегатонны того самого.

А ведь сколько раз они все бросались этим словом — бесчисленно! Казалось, верх выразительности и краткости — отреагировать на непонравившуюся песню, чью-то мысль резко и емко... И вот сегодня, в час тридцать семь пополудни, долгие перипетии экологической и творческой борьбы, заведшие в глухой угол Костромской губернии, впервые дали им ощутить на руках, одежде, лицах материальное наполнение популярной метафоры...

Странные мужики, проследив взглядами за последней из упавших досок, почему-то сочли миссию преследования завершенной, все так же молча развернулись, ушли.

Манифестоманы, постояв еще какие-то секунды с разведенными руками, приглядевшись, приняхавшись, бросились в снег. Так при настоящих военных взрывах сол-

даты гасят горящую одежду, обожженные лица. Они катались по сугробам, терли руки, лица, волосы. Потом, сообразив, что и снег здесь «заражен» последствиями взрыва, отбежали дальше. Нырря, хватали снег пригоршнями, растирали по одежде, лицам... После нескольких отчаянных минут устало замерли на несколько секунд и, не переглянувшись, молча поковыляли к трубе. Нырнули. Диаметр позволял даже не ползти — ползти на карачках. Но проклятая дренажка словно втрое удлинилась после взрыва — вылезли совершенно обессиленные. Лизу Браслет вытащил за воротник. Станным образом их заторможенность и гробовое молчание еще раз напомнили настоящий взрыв, и Марина, отставив фотокамеры и присев напротив, спросила: «Вы что, все контужены?»

И только потом: «Ой, а чего это так пахнет?» Для нее это же был правильный, спланированный взрыв, необычно лишь поведение героев.

Вадим, словно услышав у доски подсказку, произнес наконец первую фразу: «А ведь да. Мы, наверно, все контужены».

Марина продолжала тормозить:

— А зачем вы бросили бомбу в тот маленький сарайчик? Хотели же просто на землю. Но все равно получилось очень, очень красиво! Доски, обломки так летели! Правда, очень красиво, просто блеск. Сейчас покажу, а в замедлении — вообще чудо, точно как в фильме того, Феллини-Антониони, вечно их путаю. Там на каком-то буржуйском пикнике взрыв, и все летит, летит, кувыркается! А чего все-таки пахнет так?

— Это Ренат, от страха.

Первым из чувств вернулась не досада, не ужас, а чувство вымученного — под стать им — юмора. Хохотали, продолжая зачерпывать снег, растираться, как обмороженные. Изорванные в трубе куртки очищались совсем плохо, только намокали, а предстоял еще бросок до машины.

В мини-вэне Егор и девочки почувствовали себя совсем плохо. Врубали печку — поднималась вонь, проветривали — снова замерзали. За руль села Марина: и для разговоров с гибэдэдэшниками, и чтобы остальные могли скорее начать лечиться. Чай быстро закончился, а бутылок «Метаксы» оставалось еще три.

— Сейчас бы поменял коньяк на горячий чай, литр на литр.

В вязких январских сумерках удачно прошмыгнули Космынино, а через семь километров История постучалась в дверь «Манифестомании»:

«16-30. Срочное сообщение. Сегодня, в 13 часов 37 минут, произошел взрыв на магистральном газопроводе в Костромской области. Причины выясняются».

«16-45. По уточненным данным, взрыв произошел на газоперекачивающей станции у деревни Кинселовка».

— Еще спишут на халатность, нарушение норм сварочных работ, и концы...

— Погодите! Вот «Дента.ру», им Марина сливала видео и текст заявления. Ага: «По последним сообщениям, ответственность за взрыв взяла на себя известная московская рок-группа „Манифестомания“, состоящая из студентов Московского экологического университета. Ранее члены группы уже выражали озабоченность состоянием экологии в стране».

После третьего сообщения, от «Турбоньюс», Егор стал совершенно буен, начал задирать не только Рената, но и Вадима.

— Все. Победа. Брыкались, но я вас вытащил к успеху.

— Мы что, уже на пресс-конференцию едем? Пока ты нас только обгадил, конкретно, физически. Успех относительный.

— Все относительно, абсолютно только небытие. Не понял? В ноябре, помнишь, Нин, в галерее последний посетитель завис, мы еще ждали, чтобы репетицию начать.

Книжку он держал, я от названия офигел напрочь: «Изгнание из Ада». Автор то ли Мелех... то ли на Мелих начинается, не разглядел. Нарочно по яндексу не пробивал, не скачивал, впечатление боюсь разбавить, испортить, мне одного названия вот так хватило. Прикинь: тысячелетия столько людей, и умников хватало, а все боялись Ада! Даже когда с чертями, раскаленными сковородками, котлами кипящими... даже когда с тем поварским набором покончили и редкая бабка в сковородки поверит — все равно бояться: «Ах, Ад!» Смешно, столько пиллов повелись. Это как ужасаться плацкарта: ну да, в вагоне СВ, в Раю, комфортнее, но все равно ведь — поезд один, едем же. Хотя комфорт, боль, кайф, Браслетик, весьма относительны, а небытие, ноль — это абсолютно. Тут и ответ тебе. Нина на отвальном банкете плакала над деревней расстрелянных предков и плющом. Что остается? «Изгнание из Рая» голеньких плачущих Адама с Евой — церковная попса, лубок. А вот «Изгнание из Ада» — это такой ну-уль, такой геймовер, вакуум. Чистый, как молитва атеиста...

Браслет забрал у яростно шипящего Егора «Метаксу», пустил бутылку по кругу.

— Типа того, что даже за место у параши надо бороться? И ты нас вытаскиваешь из небытия?

— Сам и сказал. Да, теперь даже за место у параши борьба... Нин, посмотри, чего там нового?

— «Пента.ру» повторила один в один, а «Краш-инфо» добавили двадцать секунд: Из архивов редакции. «Выступление „Манифестомании“ на „Корке“», бр-р, мерзота какая. Это я про себя!

— Да не парься, Нинк, будет и на нашей авеню фиеста. Ега прав, по его дренажной трубе из небытия мы выползаем.

— Да, видите — это же наш год! И по сумме цифр. Раньше счастливые билеты так определяли. Значит двадцать-двадцать — наш, счастливый.

— Если и счастливый, почему — наш? Мы что, одни этот билет потянули?

— Да-а. На всех счастья не хватит.

— И что на «Денте» мелькнули еще ерунда. Должны на Си-эн-эн или «Евроньюс» всплыть — тогда точно не замнут.

— Нин, а глянь-ка «Евро», топ новостей.

— Так... 1). Принц Гарри и его жена Меган Маркл отказались от статуса членов королевской семьи; 2). Microsoft прекратил техподдержку операционной системы Windows 7; 3). В китайском городе Ухань выявлен новый неизвестный коронавирус...

— Ну отсто-ой!

— Наскребли по миру чепухи. Этот балбес принц Гарри, Ухань какая-то, Винда седьмая на фиг никому не нужна.

— Им лишь бы свою ленту набить, а к следующему новостному часу никто эти сенсации и не вспомнит.